ПОЛИТИЯ

Анализ · Хроника · Прогноз

ΠΟΛΙΤΕΙΑ

№ 1 (112)

Москва
2024

ПОЛИТИЯ POLITEIA

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Учредители:
АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»; Институт научной информации по общественным наукам РАН

Institutional founders:
Autonomous non-profit organization The Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast”; Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Главный редактор
Святослав Каспэ

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspe

Заместитель главного редактора:
Лидия Галкина

Deputy Editor-in-Chief:
Lidia Galkina

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Executive Editor
Lidia Galkina

Над номером работали:
Даниил Клестов,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

This issue was prepared by:
Daniel Klestov,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrokovsky,
Dina Rosenberg

Адрес редакции:
117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21, к. 1101
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 51/21 Nakhimovsky av., office 1101, Moscow, 117418, Russia

Опубликованные в журнале материалы распространяются свободно при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2024

The writings published in the Journal can be reproduced elsewhere so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast”

ПОЛИТИЯ POLITEIA

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета
Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместители председателя Совета
Александр Музыкантский (Москва, Россия)
Алексей Кузнецов (Москва, Россия)

Члены Совета:
Татьяна Алексеева (Москва, Россия)
Фуад Алескеров (Москва, Россия)
Лидия Галкина (Москва, Россия)
Ирина Глебова (Москва, Россия)
Скотт Гельбах (Мэдисон, США)
Джон Данн (Кембридж, Великобритания)
Андрей Дегтярев (Москва, Россия)
Дмитрий Ефременко (Москва, Россия)
Андрей Зубов (Москва, Россия)
Михаил Ильин (Москва, Россия)
Сергей Караганов (Москва, Россия)
Святослав Каспэ (Москва, Россия)
Владимир Колосов (Москва, Россия)
Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)
Юрий Коргунюк (Москва, Россия)
Александр Кузнецов (Париж, Франция)
Борис Макаренко (Москва, Россия)
Андрей Мельвиль (Москва, Россия)
Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)
Вячеслав Никонов (Москва, Россия)
Ханну Нурми (Турку, Финляндия)
Юрий Пивоваров (Москва, Россия)
Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)
Дина Розенберг (Москва, Россия)
Николай Розов (Новосибирск, Россия)
Георгий Сатаров (Москва, Россия)
Александр Сунгуров
(Санкт-Петербург, Россия)
Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)
Андрей Тесля (Калининград, Россия)
Дэниэл Трейсман (Лос Анджелес, США)
Марк Урнов (Москва, Россия)
Михаил Филиппов (Бинхэмтон, США)
Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board
Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen
Alexander Muzykantskiy (Moscow, Russia)
Alexey Kuznetsov (Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:
Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)
Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)
Timothy J. Colton (Harvard, USA)
Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)
John Dunn (Cambridge, UK)
Dmitry Efremenko (Moscow, Russia)
Mikhail Filippov (Binghamton, USA)
Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)
Lidia Galkina (Moscow, Russia)
Scott Gehlbach (Madison, USA)
Irina Glebova (Moscow, Russia)
Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)
Sergey Karaganov (Moscow, Russia)
Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)
Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)
Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)
Alexander Kuznetsov (Paris, France)
Boris Makarenko (Moscow, Russia)
Andrey Melville (Moscow, Russia)
Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)
Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)
Hannu Nurmi (Turku, Finland)
Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)
William M. Reisinger (Iowa City, USA)
Dina Rosenberg (Moscow, Russia)
Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)
Georgy Satarov (Moscow, Russia)
Alexander Sungurov
(St. Petersburg, Russia)
Leons G. Taivans (Riga, Latvia)
Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)
Daniel Treisman (Los Angeles. USA)
Mark Urnov (Moscow, Russia)
Andrey Zubov (Moscow, Russia)

Содержание

Материалы номера 5

Идеологии

Л.Г.Фишман
Не пренебрегая «реакционным» 6

Д.А.Давыдов
Социализм преткновения, или Проблемы левого популизма 29

Электоральный процесс

Ю.Г.Коргунюк
Структура размежеваний и искажение электорального пространства 45

А.В.Семенов, Э.Ю.Минаева
Импульс мобилизации и электоральные результаты «партии власти» 77

В.А.Усова
Смешанная несвязанная избирательная система — оптимальный выбор при авторитаризме? (Кросснациональное сравнительное исследование) 98

Российские регионы

Л.Е.Бляхер, Э.О.Леонтьева
«Другие мигранты» на Дальнем Востоке России, или Поиск советского народа в период нациестроительства на постсоветском пространстве 114

Парадигмы общественного развития

Р.Ф.Туровский, Е.В.Брагина
Факторы социального доверия в Европе и России 136

В.Е.Беленков
Долгосрочное влияние силы репрессий в онлайн- и офлайн-среде на численность участников поствыборных протестов (Кросс-страновое эмпирическое исследование) 164

Размышляя над прочитанным

А.Н.Кожановский
Неустойчивость общественного бытия как испанское своеобразие
Хенкин С.М. Испания: Современное нестабильное общество. М.: Аспект Пресс, 2023 187

Приложение

Итоги XVIII конкурса работ молодых политологов на премию А.М.Салмина 197

XIX конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина 198

Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» 199

Table of Contents 202

В поисках ответа на вопрос, почему, несмотря на, казалось бы, давнее достижение достаточных для построения социализма материально-технических условий, левые силы уступают инициативу силам правым, **Л.Г.Фишман** обращается к понятию ретропрактики, описывающему внешне «реакционную» сторону Модерна. Главное упущение левых он видит в том, что они не могут всесторонне осмыслить эмансипаторский потенциал ретропрактик, усматривая в них только «реакцию» и «консерватизм» в привычном понимании.

Детально проанализировав современные левопопулистские концепции, **Д.А.Давыдов** выявляет в них серьезные уязвимости. По его заключению, в условиях неизбежности игр с нулевой суммой для бедных и социально уязвимых все более выгодными и привлекательными становятся стратегии отстаивания собственных интересов в противовес популистским проектам, а также идее социализма per se, все чаще подразумевающей отказ от этих интересов.

Проведенное **Ю.Г.Коргунюком** исследование показывает, что, хотя вброс голосов в пользу «партии власти» искусственно выпячивает роль авторитарно-демократического противостояния, затушевывая остальные, сама структура электоральных размежеваний при этом в основном сохраняется. И эта структура хорошо прощупывается с помощью математических методов, прежде всего факторного анализа.

Опираясь на современную литературу, **А.В.Семенов** и **Э.Ю.Минаева** выделяют две альтернативные модели возможного электорального эффекта импульса мобилизации и проверяют их на данных электорального цикла 2011—2016 гг. в России с использованием стандартной множественной линейной регрессии, а также методов разницы в различиях и синтетического контроля.

На основе анализа внутриполитических факторов, способствующих внедрению смешанной несвязанной избирательной системы в условиях электорального авторитаризма, **В.А.Усова** приходит к выводу, что применение подобной системы играет важную роль в консолидации авторитарного режима. Благодаря заложенным в ней механизмам правящая элита может эффективно манипулировать выборами, обеспечивая выживание и стабильность авторитарного порядка.

Зафиксировав появление на Дальнем Востоке крайне необычного потока мигрантов из бывших республик СССР, включающего в себя высококвалифицированных жителей крупных городов, не испытывавших в точке исхода сколько-нибудь серьезных материальных проблем, **Л.Е.Бляхер** и **Э.О.Леонтьева** пытаются разобраться в том, почему в Россию едут вполне благополучные граждане и какие механизмы выталкивания/притяжения действуют при ослаблении экономических мотивов.

В статье **Р.Ф.Туровского** и **Е.В.Брагиной** анализируются факторы генерализованного социального доверия в современных государствах. При этом, исходя из структурных особенностей России, авторы рассматривают ее отдельно от европейских государств, вскрывая сущностную специфику присущих ей механизмов социального доверия.

Рассмотрев теоретические аргументы в пользу трех возможных форм связи между силой репрессий и уличной протестной активностью — отрицательной, положительной и параболической (*n*-образной), — **В.Е.Беленков** тестирует соответствующие гипотезы на кросс-страновой выборке случаев с однородным поводом к протесту — подозрениями в фальсификации результатов выборов.

Одним из достоинств рецензируемой монографии **А.Н.Кожановский** считает встраивание современной проблематики в общий контекст исторического развития испанского социума, что придает авторским выводам и построениям дополнительную убедительность.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-6-28

Л.Г.Фишман

НЕ ПРЕНЕБРЕГАЯ «РЕАКЦИОННЫМ»

Леонид Гершевич Фишман — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: lfishman@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос, почему, несмотря на, казалось бы, давнее достижение достаточных для построения если не коммунизма, то социализма материально-технических условий, левые силы не могут этим воспользоваться и уступают инициативу силам правым, консервативным и даже реакционным. Истоки такого положения дел автор видит в том, что в мышлении левых до сих пор преобладает плоский либеральный прогрессизм, где господствуют шаблонные представления о прогрессивном и реакционном, но нет инструментария, позволяющего адекватно оценить причины «реакционных» симпатий широких масс и признать наличие у этих масс хотя бы «оснований для беспокойства».

В качестве теоретической основы анализа используется концепция человеческой предыстории классиков марксизма. Показывается, что лежащая в ее основе дихотомия отчужденного и подлинного, человечного и бесчеловечного не совпадает с дихотомией реакционного и прогрессивного. Эпоха Модерна рассматривается как в такой же степени эпоха реакции (в буквальном смысле слова, свободном от идеологических коннотаций), как и прогресса. С целью прояснения ситуации вводится понятие ретропрактики, призванное описать внешне «реакционную» и «консервативную» сторону Модерна. Ретропрактики, в отличие от «реакции», обладают эмансипаторским и ослабляющим отчуждение потенциалом. Упущение левых заключается в том, что они не могут всесторонне осмыслить значение ретропрактик, поскольку видят в них только «реакцию» и «консерватизм» в привычном понимании. Но социализм, если он будет реализован, в значительной степени окажется именно совокупностью ретропрактик.

Ключевые слова: марксизм, Модерн, отчуждение, прогресс, реакция, ретропрактики, социализм

Введение

Левые мыслители неоднократно провозглашали, что в современную эпоху созрели материальные предпосылки если не для социализма и коммунизма в прежнем понимании, то уж точно для посткапитализ-

ма. Но перспектива социализма, коммунизма или даже посткапитализма все еще остается туманной, зато резко выросло политическое влияние консервативных и реакционных умонастроений, религиозного фундаментализма разных сортов, правого популизма. И все это происходит на фоне окончательного перерождения социал-демократов, краха коммунистического движения, распространения левого либерализма, интерсекционализма, левого популизма, которые ни все вместе, ни по отдельности не сумели переломить общий консервативный тренд. Один из примеров этого — господствующая традиционалистско-консервативная риторика в современной России, которой левые мало что могут противопоставить и с которой отчасти вынуждены солидаризироваться. Является ли это следствием исторической случайности или же результатом более глубоких процессов, которые левые не смогли осмыслить и потому теперь оказываются в положении тех, кого «судьба тащит»?

Чтобы ответить на эти вопросы, требуется несколько предварительных пояснений.

Модерн как эпоха реакции

Прежде всего, что такое эпоха Модерна, которая к нашему времени то ли закончилась совсем, переродившись в Постмодерн (тоже превратившийся во что-то другое), то ли все еще длится в виде Высокого Модерна? Обычно принято ассоциировать Модерн в первую очередь с прогрессом, однако это односторонний взгляд, и дело здесь не только в присущей Модерну «проклятой стороне вещей».

В реальности эпоха Модерна в такой же степени является эпохой *реакции* (в буквальном смысле слова, свободном от идеологических коннотаций), как и *прогресса*. Модерновые общества сильно изменились по сравнению с теми, в которых вынашивались идеи революционного изменения мира. Изменились они потому, что эти идеи были во многом реализованы, воплотились в институты и практики, которые чем дальше, тем больше стали выказывать лишь относительную прогрессивность и обнаруживать свои темные стороны. Кроме того, модерновые общества резко изменились демографически. Там, где век или полтора назад бóльшую часть населения составляла молодежь, которую можно было увлечь перспективой революционных перемен, теперь преобладают люди среднего возраста и пожилые, скорее склонные искать решения сегодняшних проблем в практиках прошлого. Так или иначе, в «состарившихся» модерновых обществах воплощенные *утопии* стали *антиутопиями* и породили закономерную *реакцию*, которая зачастую обречена корректировать сделанное во время реализации утопий. Чтобы осмыслить причины этой коррекции, надо иметь философию истории, политологию и социологию, способные как минимум поставить вопрос о действительной роли реакции в истории. Но вместо теории, позволяющей понимать противников, среди левых превалирует плоский либеральный прогрессизм, в котором господствуют

шаблонные представления о прогрессивном и реакционном и нет инструментария для адекватной оценки причин «реакционных» симпатий широких масс и признания за ними хотя бы относительной правоты, наличия «поводов для беспокойства». Гораздо проще обвинить массы в чем-то вроде ресентимента и на этом основании отказать им в полноценной политической субъектности.

Есть ли выход из данного теоретического и практического тупика?

Отношение классического марксизма к реакции и прогрессу

Выход этот просматривается, если отталкиваться от марксовой концепции человеческой предыстории. Хотя может показаться, что классики марксизма связывали человеческую предысторию преимущественно с отчуждением, она вовсе не являлась для них сплошной юдолью скорби ни с точки зрения человеческого духа, ни с точки зрения массовых практик. Как известно, Карл Маркс и Фридрих Энгельс признавали за представителями уходящих в прошлое классов возможность правомерной критики «прогрессивных» преобразований с более высоких, гуманистических позиций, отраженных, например в произведениях искусства. Также в предыстории находилось место для практик неотчужденного бытия, и порой весьма массовых. И это отнюдь не всегда были революционные практики, осуществлявшиеся во времена великих переломов.

Итак, согласно Марксу, предыстория не сводится к развертыванию самоотчуждения родовой сущности человека в сугубо негативном плане. Уже у Людвига Фейербаха, от которого Маркс отталкивался в этом вопросе, отчуждение (и как опредмечивание, и в более широком смысле слова) есть одновременно историческое условие самореализации. В предыстории по определению не может быть примеров подлинного освобождения человека, полного развития его родовой сущности. Если у человека действительно имеется родовая сущность, то в истории человечества она чаще всего проявляется отчужденным образом. Отчуждение на долгий период становится неустранимым фоном ее раскрытия; без отчуждения она во многих случаях так и осталась бы непроявленной, чистым потенциалом. Дело, как говорил Маркс, заключается в том, чтобы изменить мир, то есть не просто констатировать отчуждение в его исторически конкретной форме, но раз за разом обнаруживать и актуализировать сопутствующий ему потенциал самореализации — и не только на индивидуальном уровне. Но эта реализация возможна лишь путем переплетения с формами отчуждения и самоотчуждения. Все это совершается в рамках марксовой предыстории, которая представляет собой, если исходить из буквального смысла марксовой метафоры, слоеный пирог различных отношений неравенства, эксплуатации, отчуждения и самореализации.

При этом в период предыстории «старые» отношения неравенства могут восприниматься как инструмент отрицания и ограничения «новых» видов неравенства. Например, элементы сословности ограничи-

вают рыночно обусловленное неравенство. Выражаясь словами Питера Вагнера, прогресс по преимуществу достигается «не за счет взаимодействия между свободными людьми, а за счет господства и сопротивления господству»[1]. Утрируя, можно сказать, что в предыстории одно насилие эффективно ограничивается лишь другим и в промежутке между всеми этими неравенствами и насилиями в конечном счете и возникает пространство свободы и самореализации. В этом плане пресловутое «бегство от свободы» выглядит безусловно таковым только при негласном принятии аксиомы, что каждая новая формация (в том значении, которое вкладывалось в это понятие, в частности, в «пятичленке» советского марксизма) непременно несет с собой бóльшую степень свободы, чем предыдущая, или что «любое снятие ограничений ведет к увеличению свободы»[2]. Но это не так, что подтверждается и практикой, и наличием в равной степени как революций, так и «реакционных» философий, которые не были бы столь привлекательны, если бы опирались на одни иллюзии и грезы об утраченном золотом веке.

[1] Вагнер 2022: 77.

[2] Там же: 90.

Ключевой вопрос, на который наводит марксова теория отчуждения: откуда берутся образы неотчужденного бытия, от которых вольно или невольно отталкивается критический анализ отчуждения? Ответ давно известен: они берутся не в последнюю очередь из докапиталистического прошлого, начиная со времен родового строя, античности, средневековья. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» Маркс не случайно заявляет, что «древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»[3]. Как заметила Ханна Арендт, «с одной стороны, Маркс наблюдал определенные тенденции, которые уже нельзя было понять, оставаясь в рамках традиции, а с другой стороны, он осмыслил и систематизировал их посредством традиционных понятий и идеалов»[4]. Действительно, если мы возьмем, например, отношение Маркса к труду, то сразу выяснится, что он не вполне разделял мнение о высочайшем, системообразующем значении труда, которое было общим местом во времена промышленной революции, когда труд считали частью человеческой природы. У Маркса же акцент делался на «критике труда», в которой он во многом опирался на античные представления о его ущербности, второсортности в сравнении с досугом, занятиями политикой, философией, искусством. Что это, как не реакция на издержки общественного бытия, в котором труд стоит на первом месте, является предметом апологии и буржуазных, и пролетарских идеологов как источник общественного богатства, но вовсе не обязательно делает человека свободным? Такой труд, конечно, нуждается в идеологическим принижении[5], его следует критиковать, пусть даже с утрированных позиций, вдохновленных идеалом лени (как в известном произведении Поля Лафарга «Право на лень»[6]).

[3] Маркс 1962: 275.

[4] Арендт 2014: 33.

[5] В то же время идея труда как занятия, подчиненного необходимости, но вместе с тем возвышающего, сама является своего рода освобождающей реакцией на бессмысленное паразитическое существование, характерное для части высших и средних классов. Именно с этой точки зрения, как реакцию, а не саму по себе, ее и надо оценивать.

[6] Лафарг 2012.

Точно так же, как к труду, Маркс критически относился и к прогрессивности капитализма. Капитализм, при всех дифирамбах в его адрес, был для Маркса лишь *относительно* прогрессивен, и это в первую очередь касалось пронизывающих его социальных связей, отношений между людьми. Маркс мог осознавать неизбежность разрушительного влияния капитализма и прогресса вообще на эти отношения. Но его симпатии обычно оставались на стороне жертв такого прогресса, сопротивлявшихся ему; с точки зрения человечности объединявшая их социальная организация (например, общинная) выглядела намного предпочтительнее приходившей ей на смену «прогрессивной» капиталистической. Можно утверждать, что для Маркса прогресс в науке, технике, экономике отнюдь не совпадал с прогрессом в морали или, точнее, что для Маркса прогрессивность не была синонимом добра (как она не была синонимом добра для просветителей вроде Жан-Жака Руссо или Габриеля Бонно де Мабли), а реакционность — зла. Поэтому и марксова критика капитализма не была морализирующей в собственном смысле; симпатии к жертвам прогресса не являлись следствием «абстрактного гуманизма», пробивавшегося «вопреки» общей логике философа. Корень этих симпатий находился там же, где и причина склонности Маркса и Энгельса находить примеры гармоничного человеческого развития в докапиталистических и раннекапиталистических обществах. Поэтому и попытки «ненаучного», стихийного, архаического сопротивления капитализму, равно как и стремление избежать его развития, опираясь на докапиталистические отношения, не могли ими расцениваться исключительно как «реакционные», что особенно ярко проявилось в конце жизни Маркса в вариантах его знаменитого письма Вере Засулич[7].

[7] *Архив 1924: 265—286.*

Итак, история человечества была для классиков марксизма историей роста степени свободы и самореализации в повседневности, включавшей в себя не одну лишь рутину угнетения и отчуждения, но и ставшие привычными и оттого незаметными проявления свободы — в виде постепенного увеличения бытового и технического господства над окружающим миром. Другой аспект возникновения нового пространства для самореализации и освобождения является оборотной стороной классового деления: начиная с эпохи рабовладения все более многочисленные представители господствующих классов и их интеллектуальной обслуги обретают досуг, а тем самым возможность пусть обычно и одностороннего, но творческого развития. Отсылая к известному гегелевскому концепту, можно сказать, что «диалектика раба и господина» имеет не только негативные следствия. Всегда остается место для радости от своей деятельности и для практического гуманизма, содержание и механизмы которого, будучи имманентными структурами любого общества, выступают в качестве реальных универсалий здоровой общечеловеческой культуры, ибо в своей функциональности они суть инструменты поддержания социального бытия и порядка. Социально-антропологический рай находится там же, где и ад, — в области

тесного переплетения и взаимной обусловленности ситуаций отчуждающей несвободы и практик и актов освобождения и самореализации.

Есть основания полагать, что духу марксизма отвечает скорее представление, что «человек рожден для счастья, как птица для полета», нежели взгляд на человеческую жизнь как шествие через долину скорби. И если только перед человеком открывается соответствующая возможность, он способен достичь самореализации в разного рода деятельности. Иначе откуда взялись бы, скажем, великие достижения античной, средневековой, ренессансной культуры? На уровне массового быта история тоже дает нам образцы такой самореализации — широко распространенные примеры (относительно) здорового и гармоничного «простого человека». И это не вымышленный персиянин или ирокез просветителей. Маркс, как было неоднократно замечено, во многом обличал капитализм с позиций, похожих на консервативные, по крайней мере с точки зрения некоторых ценностей. Капитализм калечит рабочего физически и морально — но калечит в сравнении с кем? Где этот эталон (относительно) неискалеченного человека? В средневековье — в облике свободного ремесленника, создающего если не шедевры, то эксклюзивные вещи, а не безликую штамповку: «...У средневековых ремесленников еще имеет место интерес к своей специальной работе и к умелому ее выполнению, интерес, который мог подниматься до степени примитивного художественного вкуса. Ремесленник был целиком поглощен своей работой, относился к ней с рабской преданностью и был гораздо больше подчинен ей, чем современный рабочий»[8]. Ремесленник поэтому скорее более, чем менее человек.

[8] *Маркс и Энгельс 1955: 52.*

То же самое можно сказать про описанных Энгельсом работников доиндустриальной эпохи, которые «вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почете, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и все же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели еще возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т.п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это все же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи»[9].

[9] *Энгельс 1955: 244.*

В своем прославленном «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали о том, как «в ледяной воде эгоистического расчета буржуазия потопила священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности <...> превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила

на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли <...> лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом <...> сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям»[10]. Все это означало, что в человеческой истории, по крайней мере, до капитализма (если не до классового общества в целом[11]) были и «священный трепет», и «личное достоинство», и «свободы», и роды деятельности, и отношения, которые ценились сами по себе, «по-человечески». Хотя эта человечность часто описывалась Марксом и Энгельсом как «иллюзия», прикрывающая эксплуатацию, или как «опиум народа» (в случае религии), если бы она была *только* иллюзией, к ней нельзя было бы апеллировать, описывая *относительную* бесчеловечность капитализма.

[10] Маркс и Энгельс 1974: 27—28.

[11] «Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, — и она была сломлена, — читаем мы в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». — Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества» (Энгельс 1961: 99).

Исходя из сказанного, дихотомия отчужденного и подлинного, человечного и бесчеловечного или, если угодно, добра и зла у Маркса и Энгельса не совпадает с дихотомией реакционного и прогрессивного. Прогресс неизбежен, но его содержание не является безусловно благим во всех отношениях. Точно так же и теоретическое сознание, прямолинейно встающее на сторону всякого прогресса, вовсе не обязательно безошибочно и во всех отношениях превосходит в понимании происходящих перемен сознание реакционное или консервативное. «Реакционная» точка зрения вполне может оказаться превосходящей «прогрессивную» в плане глубины понимания таких перемен или хотя бы ввиду отсутствия исторической ограниченности. Как когда-то заметил по этому поводу Михаил Лифшиц, «передовые идеи прежних классов и партий, прогресс и культура, материализм и демократия в классовом обществе неизбежно носили ограниченный и односторонний характер. Отсюда известные преимущества, которыми обладали примитивные народы, определенные эпохи в искусстве, определенные умственные течения, связанные с отсталостью или оппозицией против исторически-прогрессивного буржуазного общества. Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной с точки зрения всемирной истории»[12].

[12] Лифшиц б.г.

Но касается ли все это исключительно феноменов теоретического или художественного сознания? Разумеется, реакционная точка зрения позволяет увидеть относительность прогресса Современности, обращая внимание на те ее моменты, которые пронизаны новым отчуждением. Но значит ли ее обращенность к прошлому, что она способна лишь на «реакционный утопизм» в том смысле, что вдохновляемые ею решения неосуществимы на практике, а если осуществимы, то ненадолго, что они не приведут к сколько-нибудь позитивному результату и будут смыты как хлипкая запруда на пути прогресса? Критика Марксом и Энгельсом «феодального социализма», казалось бы, подтверждает это. Однако фактом является и то, что практика консерваторов, направленная на смягчение положения рабочих, женщин, рабов, вела к ослаблению отчуждения в конкретные исторические моменты, что, к примеру, соци-

альное государство на Западе в очень значительной мере есть плод деятельности консерваторов, если не «реакционеров». С достаточно давних времен принято считать, что один из источников трагедии революционеров — необходимость пользоваться старыми методами для реализации новой идеи[13], в результате чего «народ загоняют в „старый хлев“, но уже другие хозяева»[14]. Но другая сторона того же исторического процесса заставляет реакционеров и консерваторов пользоваться новыми, порожденными революциями методами для реализации идей, *лишь выглядящих старыми*. Не говоря уже о том, что сами эти реакционеры и консерваторы часто бывают уже людьми, порожденными революциями и поэтому не способными *на деле* воспроизвести прежние социальные практики в их человеческом, экзистенциальном измерении.

[13] *Лифшиц 2004: 51.*

[14] *Там же: 55.*

Кроме того, «реакционный утопизм» не является синонимом ни практической неосуществимости, ни отсутствия социальной востребованности. Если понимать слово «утопизм» в обыденном смысле, то и в глазах Маркса, и с позиций либерального прогрессизма он означает всего лишь относительную недолговременность достигнутых результатов, обреченность на поражение с точки зрения постулируемого исторического мейнстрима. Однако, таким образом, утопизм мало чем отличается от *не*утопизма, поскольку и самое реалистическое решение сегодняшних проблем неизбежно становится проблемой завтра — и так же обречено на гибель.

Иными словами, реакционный и консервативный утопизм *объективно* могут решать социальные проблемы и ослаблять отчуждение, то есть «оказываться на своем месте» применительно к основной дихотомии марксового понимания истории «отчужденное/неотчужденное». Консерватизм и реакционный утопизм способны играть эту роль в ситуации, когда они выступают от имени практики, как бы входящей в историю второй раз и поэтому осознающей себя исключительно в своей относительности к новому. Она *объективно* начинает выполнять функцию ограничения новой господствующей формы отчуждения, даже если ранее сама была ею. Перефразируя известное высказывание Маркса, можно сказать, что всякая практика выдвигается на сцену истории дважды — один раз в облике мейнстримной движущей силы, когда она в равной мере работает на самореализацию и самоотчуждение индивида, а второй раз в виде эмансипирующего и облегчающего бремя нового отчуждения фактора, когда ее собственная отчуждающая сторона забыта или отодвинута на задний план отчуждающими отношениями сегодняшнего дня.

Сама по себе социальная практика бывает однозначно прогрессивной или реакционной исключительно в рамках одномерной идеологизированной перспективы либерального мейнстрима социальных наук. В парадигме марксовой «предыстории» все эти оценки относительны. Эмансипаторский потенциал социальной практики проявляется тогда, когда она повторно вызывается на ковер истории, чтобы противостоять новейшим отношениям, обернувшимся очередным от-

чуждением. Например, только по мере того, как индивидуальная свобода, даваемая рыночной коммодификацией, оборачивается безличностью ледяного расчета, начинают по-новому смотреть на отношения личной зависимости, распространенные в прошлом, романтизируют их — и пытаются воспроизвести. В свою очередь слишком «лезущая в душу» частная благотворительность повышает привлекательность государственной социальной помощи — именно по причине ее формальной безличности. При этом приверженцы отсылающих к прошлому практик нередко обращаются к идеологемам, высвечивающим относительность «прогресса» и его издержки, отчуждающие моменты. Идеализация и романтизация практик прошлого обусловлены именно тем, что ко времени апелляции к ним они выступают уже не в собственном качестве, а исключительно со своей позитивной стороны, ставшей рельефной в сопоставлении с современностью. В силу их формальной обращенности в прошлое в дальнейшем мы будем называть их *ретропрактиками*.

По меткому замечанию Лифшица, «первый признак истинного таланта состоит в том, что он не может исказить истину, если бы даже захотел»[15]. Аналогичным образом истинная ретропрактика не может не способствовать объективному уменьшению отчуждения, даже если она облекается в реакционную или консервативную форму, принимая на вооружение соответствующую символику и идеологию. Поэтому следует отличать ослабляющую отчуждение функцию ретропрактик от в целом негативного и только увеличивающего степень отчуждения простого сочетания на определенных этапах истории старых и новых способов угнетения. Оно возникает, например, на ранних стадиях капитализма, когда тот еще не вполне вырос из докапиталистических отношений, или там, где капитализм вторгается в докапиталистические общества извне, превращая «традиционные» институты и практики в дополнительные инструменты эксплуатации.

[15] Лифшиц 2009: 518.

Марксизм, либеральный прогрессизм и ретропрактики

Стоит особо указать на отличие марксизма от либерального прогрессизма применительно к ретропрактикам.

В ряде случаев Маркс высоко оценивал докапиталистическую аристократическую «реакционную» мысль за отсутствие буржуазной ограниченности и вытекающую отсюда способность видеть те аспекты человеческого бытия, те закономерности исторического развития, которых одномерный прогрессистско-либеральный взгляд не видит. В частности, высокой оценки удостаивались такие мыслители, как Уильям Коббет, Никола Ленге, Джемс Стюарт.

NB! Здесь уместно привести характеристику этих мыслителей, в том числе в свете восприятия их Марксом, данную Лифшицем: «Гениальный английский памфлетист Уильям Коббет был своеобразным романтиком, он идеализировал добрые старые времена — средне-

вековье. Маркс пишет: „Он был одновременно и самым консервативным и самым радикальным человеком в Великобритании — чистейшим воплощением старой Англии и наиболее смелым провозвестником молодой Англии“. <...> Уильям Коббет являлся „инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии... Как писатель, он остается непревзойденным“. <...> Один из самых серьезных мыслителей XVIII века Никола Ленге пошел гораздо дальше просветителей. Он показал, что буржуазная свобода является худшей формой рабства: это свобода от всякого стеснения в деле наживы за счет угнетенных наемных рабочих, поденщиков. Ленге был одним из предшественников Маркса в теории прибавочной стоимости. <...> У Маркса мы находим сравнение между передовыми людьми XVIII века — просветителями и аристократом Джемсом Стюартом. Защищая идеи прогрессивной демократии, просветители считали буржуазные отношения законом природы. „Стюарт, который во многих отношениях, в противоположность XVIII веку, как аристократ, больше стоит на исторической почве, избежал этого заблуждения“»[16].

[16] Лифшиц б.г.

Марксова парадигма развертывания родовой сущности человека и преодоления отчуждения оперирует категориями более универсального порядка, чем прогрессистско-либеральная или либерально-консервативная парадигма и в целом мейнстрим политической теории, с которым мы имеем дело сейчас. В основе марксистского подхода лежит представление о наиболее человечном, то есть неотчужденном, бытии, возможном в конкретный исторический период. При такой перспективе более важно деление практик не на прогрессивные и реакционные, а на отчуждающие и способствующие преодолению отчуждения. Даже если облегчающая отчуждение практика апеллирует к прошлому, облекается в «реакционные» или «консервативные» идеологические формы, она является гуманистически значимой, выходя тем самым за рамки «буржуазной ограниченности». Более того, даже если с точки зрения прогресса ретропрактикам предначертано сойти с исторической сцены, а оправдывающим их идеологиям — расписаться в несостоятельности и утопизме, то ориентирующиеся на них люди заслуживают сочувствия именно как люди, преодолевающие отчуждение доступными им способами. Наконец, немаловажно, что практики «современности» только *относительно* прогрессивны и потому не имеют весомого морального преимущества перед ретропрактиками. И они так же обречены на гибель (и частичное возрождение уже в виде ретропрактик и «неправильно понятых форм»[17]).

[17] В письме Фердинанду Лассалю от 22 июля 1861 г. Маркс говорит о «неправильно понятом старом» как о форме, в которой наследие прошлого используется в настоящем для решения специфичных именно для настоящего задач. Как следствие, это «неправильно понятое старое» становится «всеобщей формой», которая на определенной ступени развития общества пригодна «для всеобщего употребления» (Маркс — Фердинанду Лассалю 1963: 504—505).

В основе же либерально-прогрессистского подхода лежит представление о необходимости для всех человеческих общностей пройти через одни и те же стадии развития, причем последующие заведомо прогрессивнее предыдущих. Поэтому сопротивление считающемуся в настоящий момент передовым и современным всегда реакционно;

современное однозначно превосходит в моральном смысле то, что ему предшествовало. Несмотря на всю индивидуалистическую риторику, в центре либерально-прогрессистских воззрений находится вовсе не человек с его нуждами, радостями, страданиями, а некая актуальная модель современности, которой необходимо соответствовать, пройдя путь «модернизации». «Левая» версия такого дискурса в конечном счете рисует безрадостную картину человеческой истории, в которой в принципе нет ничего, кроме отчуждения, насилия, эксплуатации и борьбы, и которую надо как можно скорее проскочить ради достижения светлого будущего. Пример подобного плоско-прогрессистского понимания дает нам, в частности, Сильвия Федеричи: «Только с капиталистической точки зрения продуктивность может считаться моральной добродетелью, если не сказать моральным императивом. С точки зрения рабочего класса быть продуктивным означает лишь эксплуатацию. Поэтому быть производительным работником — это не удача, а несчастье»[18]. Здесь мы видим ту грань, за которой марксова «критика труда» прочитывается как его прямолинейное отрицание, а человеческая история, соответственно, превращается в беспросветную юдоль скорби. Здесь же становится очевидна разница между Марксом и современными леваками, которые фактически хотят *довести капитализм до крайних его проявлений*[19] — вероятно, чтобы он рухнул под тяжестью собственных противоречий. Однако вернее будет предположить, что именно так процесс и пойдет, если предоставить его самому себе. Но последнее — утопия в плохом смысле. В действительности процесс развития капитализма не может идти без сопротивления, без попыток ограничить отчуждающие практики разными способами, всякого рода частичным отрицанием капитализма, в том числе посредством внешне реакционных ретропрактик.

[18] Federici 2021: 13.

[19] Что отчетливо просматривается в политике идентичности, продвижении идеи платы за домашний труд и т.п. Подробнее см. Фишман 2020: 46—48.

Модерн как эпоха ретропрактик

В связи с этим, обращаясь к современности, нельзя упускать из виду, что некоторые из практик, кажущихся исключительно консервативными или даже реакционными, представляют собой скорее ретропрактики — конечно же, эксплуатируемые соответствующими политическими силами и идеологиями, но играющие тем не менее самостоятельную историческую роль.

Прежде всего следует вспомнить, что изначальный, лежащий в основании Модерна «темпоральный режим» сфокусирован на прошлом, а вовсе не на настоящем и будущем[20]. В истоках Модерна обнаруживается феномен революции. Но, как неоднократно отмечалось, слово «революция» в исходном значении апеллирует прошлому, к возврату, круговому движению — как и «реакция». Революционеры нередко прямо указывают на необходимость восстановления порушенных древних свобод, на забытые старые договоры между правителем и нацией, на нечто вроде утраченного «золотого века», к которому желательно вернуться. Поэтому великие революции Нового времени являются также

[20] Каминер 2022: 122.

и полем развертывания ретропрактик (пусть преимущественно в области символики и мифологии), рядятся в римские тоги и т.д. Ретропрактическая сторона революций Нового времени выражается и в том, что эти революции парадоксальным образом оказывались и *восстаниями против Современности*, которая в глазах революционеров и предшествовавших им идеологов Просвещения представала эпохой рабства, деспотизма и развращающей цивилизации. Эти рабство, деспотизм и развращающая цивилизация были плодами прогресса, и революция выступала против этих плодов, апеллируя к тем временам и практикам, когда прогресс еще не шагнул так далеко. Характерно в этом смысле, что самые ранние буржуазные революции совершались под сенью протестантского религиозного фундаментализма, провозглашавшего возврат к истинному христианству, утраченному по мере морального упадка средневековых обществ.

Показателен и сам факт, что Модерн как нарратив существует в виде концепций, основанных на совокупности понятийных дихотомий[21]. Магистральному ряду понятий, выражающих «правильную сторону истории», противостоит симметричный ряд, описывающий сторону «неправильную», архаичную, реакционную — «проклятую сторону вещей». Тем не менее четко осознается, что стороны эти неразрывно связаны, что «проклятая сторона вещей» в основном порождена именно «светлой» и является реакцией на нее, а не ведет свое происхождение непосредственно из прошлого. Более того, «проклятая сторона вещей» со всеми ее концептами, философиями и индивидуальными практиками является адекватным средством частичного облегчения отчуждения, порожденного светлым ликом Модерна, — даже если взятая *сама по себе* она выглядит отталкивающе. Но она никогда не существует сама по себе. Постмодерн в этом смысле, то есть не только как нарратив, но и как набор практик, делающий акцент на «проклятой стороне вещей», потому и не может считаться альтернативой Модерну. Он есть его продолжение и мировоззренческое обоснование ретропрактической коррекции в эпоху, когда «революционное» продолжение Модерна по разным причинам оказывается невозможным. Зато Модерн все еще возможен как констелляция ретропрактик, в том числе и представляющих собой реакцию на либеральный прогрессизм на антиуниверсалистской подкладке (политика идентичности и т.д.).

[21] Подробнее см. Фишман и Мартьянов 2021: 100—113.

Чтобы не выглядеть голословными, обратимся к ряду широко известных практик, определивших лицо Модерна за рубежом и в России.

К ретропрактикам можно отнести реформы в Англии XIX в., облегчавшие положение рабочих, женщин, детей. Как известно, в Англии во времена марксовой молодости женщины наряду с мужчинами по 15 часов трудились на фабриках — и в этом смысле были абсолютно равны мужчинам. Они нередко перенимали саморазрушительный образ жизни мужчин-пролетариев, сопровождавшийся фактическим отказом от ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, вообще вступления в брак, пьянством и иными проявлениями эмансипации. Как от-

мечает Федеричи, «после того как ужасные эпидемии и переутомление уничтожили рабочий класс и, что наиболее важно, волны пролетарской борьбы в 1830-х и 1840-х годах приблизили Англию к революции, потребность в более стабильной и дисциплинированной рабочей силе побудила капитал восстановить рабочую семью»[22]. Но, казалось бы, реакционное восстановление иерархических отношений в семье, возвращение женщины на кухню и к детям в действительности облегчили ее положение. Аналогичным образом «патриархальный» откат[23] в политике по отношению к семье в СССР в 1930-е годы, возврат к «семейным ценностям» в реальности сделал положение женщины гораздо более гарантированным, чем это было в период советской «сексуальной революции» 1920-х годов.

[22] Federici 2021: 14.

[23] «Эти древние правила патриархата воскресили сейчас в СССР; там возродили патерналистские теории брака; и тем самым государство пришло к тому, что вновь потребовало от женщины стать эротическим объектом: в одной недавней речи советских гражданок призывали изящно одеваться, пользоваться косметикой и кокетничать, дабы удержать мужей и разжечь в них желание» (Бовуар 1997: 90).

В качестве ретропрактик можно рассматривать и восходящие к церковному покаянию процедуры «обнаружения и подтверждения наличия сознательности коммуниста»[24], да и в целом практики выработки личностного начала в коллективах. Конкретно в СССР подобные практики становились опорой того, что Анатолий Вишневский называет консервативной модернизацией: «В корпорациях, всякого рода объединениях, союзах и т.п., которые позволяют власти иметь дело не с отдельными людьми, а с их корпоративными представителями, европейские политики и идеологи, включая и московских большевиков, видели путь к новому структурированию „масс“ и восстановлению утраченного порядка. Стержнем, объединявшим очень разные, на первый взгляд, направления мысли и действия, были поиски возможностей модернизации, опирающейся не на автономное „частное лицо“, а на соборного человека-винтика, включенного в какие-то новые формы коллективности, соответствующие промышленной и городской эпохе. Разумеется, теперь это уже не соборный крестьянин прошлых веков, но и не индивидуалистический автономный человек, не „буржуа“ или не вполне „буржуа“ западного типа»[25].

[24] Хархордин 2002: 71.

[25] Вишневский 1998: 177.

«Религиозное возрождение» в конце советского — начале постсоветского периода тоже можно квалифицировать как ретропрактику. Во многом оно осталось формальным именно потому, что только для меньшинства являлось собственно религиозной практикой спасения души. Для большинства же оно стало одним из способов отстаивания границ личной идентичности, обособления от лицемерного официоза, поиском свежей струи в жизни, одним из «пространств вненаходимости»[26]. Как только в постсоветские времена оказались доступны другие модусы существования, достигавшие той же цели, православие для большинства превратилось в потерявшую актуальность ретропрактику и довольно быстро вернулось к традиционному облику державной религии.

[26] Юрчак 2014: 305—311.

Ретропрактики были широко задействованы в формировании модерновых наций, которое сопровождалось обильными отсылками к героическому и романтическому докапиталистическому и даже дофеодальному прошлому. Это особенно заметно при становлении модернового милитаризма, когда, чтобы сгладить эффект суровой муштры,

солдатам массовых армий прививали едва ли не племенную лояльность и сплоченность, а также воодушевляли их лестным сравнением с рыцарями и воителями древних эпох. Массы буржуазного, урбанистического, индустриального общества старались воспитывать в духе, далеком от «материалистической» эры Модерна, обращаясь за вдохновением к мифическому прошлому с приписываемой ему телесной чистотой и силой. Военная служба рекламировалась как лекарство от бесцельности существования, избавление от городского быта с его удушающим комфортом, противоядие от физического и морального упадка. «Прозаики и поэты романтизировали войну, уснащая свои произведения псевдосредневековой символикой и языком»[27]. Иными словами, именно в сравнении с отчуждающими элементами современности модерновые милитаризм и национализм приобретали эмансипаторские, облегчающие отчуждение черты ретропрактики. (В сущности, в этом и заключалось так называемое изобретение традиции: выработать работающую здесь и сейчас ретропрактику как «ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой»[28]). Эти черты до сих пор имеют ключевое значение для нашей культуры и обусловливают привлекательность войны для очень значительной части людей.

[27] *Осборн 2007: 622.*

[28] *Хобсбаум 2000: 48.*

Аналогичные апелляции к романтизму и мироощущению доиндустриальных времен мы встречаем на уровне модерновых субкультур, ведущих свою историю от германских фёлькише или российских «коммунитариев». В последнем случае ретропрактическая природа этих субкультур особенно заметна: люди часто уходили в подобные общины для того, чтобы разрешить или облегчить экзистенциальные коллизии, вызванные процессами модернизации: «Основное содержание переживаний участников российского коммунитарного движения — *чувство отчужденности* (здесь и далее курсив наш — *Л.Ф.*) от государственных институтов и общества. <...> В связи с этим в жизни человека приобретают особо важную роль и наполняются новым содержанием такие институты частной жизни и неформальные группы, как семья, церковь, дружеские кружки и добровольные общественные объединения. <...> Это настроение могло находить свое выражение не только в образе чаемого общества, осуществление которого — дело далекого будущего, но и *в стремлении „здесь и сейчас“ удовлетворить свою потребность в „теплых“ отношениях с окружающими* путем создания тесного кружка единомышленников, живущих праведной жизнью и преследующих высокие цели»[29].

[29] *Гордеева 2003: 227—229.*

Социальное государство тоже во многом построено на ретропрактиках. В своих изначальных основаниях оно апеллирует к феодально-абсолютистским принципам заботы сюзерена о своих вассалах и иных служителях, притом главным образом служителях, полезных в военном, административном и экономическом плане. Лишь затем этот сочетающий утилитаризм и традиционализм принцип заботы распространяется на всех граждан. Тем самым они частично ограждаются от превратностей свободного рынка, получая своего рода «архаичную» ренту за одну

свою принадлежность к государству[30]. Те же принципы в XX в. получают распространение в политике заключения «пожизненного контракта» с наемными работниками, в развитии корпоративизма, отчасти отсылающего к средневековым гильдиям.

[30] Подробнее см. Фишман, Мартьянов и Давыдов 2019.

Со своей стороны неолиберализм в том его аспекте, в котором он апеллировал к свободному рынку, отчасти являлся реакцией именно на издержки прогресса в виде формализованного, бюрократического социального государства. Неолиберализм был прежде всего «практикой», которая радикализировалась по мере реализации идей социального государства и кейнсианского регулирования с сопутствующими им издержками, вызывавшими недовольство граждан. Поэтому его нельзя сводить к одному только обману и идеологической манипуляции. Принципам свободного рынка и личной инициативы под сенью неолиберализма пришла очередь выступить в роли ретропрактики. Неолибералы это по-своему осознавали, когда утверждали, что «от государства граждан защищает само существование частного рынка, а друг от друга их защищает сохранение конкуренции»[31]. Показательна эта риторика защиты граждан, согласно которой они обретают бóльшую степень свободы именно потому, что *две отчуждающие социальные сферы нейтрализуют друг друга*. Это одна из причин того, что неолиберальная философия свободы оказалась близка многим. Иначе невозможно объяснить, почему неолиберализм нашел отклик у трудящихся масс, а не только у «среднего класса» и капиталистов. Практики, которым веком ранее очень многие и очень настойчиво хотели положить предел, были вновь привлечены ради ограничения нового отчуждения. Аналогичным образом, когда уже неолиберальная социальная политика исчерпала свой скудный эмансипаторский (ограничивающий отчуждение) потенциал, возвращение к казавшимся ранее ригидными и формальными практикам социального государства обретает новый, едва ли не революционный смысл — даже если оно осуществляется руками правых популистов. «Марин Ле Пен, объявляющая себя лидером французского национализма, по сути, имеет к якобинцам гораздо большее отношение, чем левый социалист Меланшон, объявляющий себя интернационалистом (ведь социалистический интернационализм воспроизводит на новом витке исторической спирали добуржуазный пан-европеизм)»[32].

[31] Стедмен-Джоунз 2017: 133.

[32] Вахитов 2023.

Ограниченность ретропрактик

В связи с вышесказанным необходимо указать на объективную ограниченность ретропрактик. Дело в том, что сопряженные с ними ожидания нередко оказываются завышенными, поскольку их освобождающий (или, шире, ослабляющий отчуждение) потенциал может полностью проявиться исключительно в условиях давления «прогрессивных» или «современных» форм отчуждения. Когда же это давление исчезает или трансформируется, теряется и значительная доля привлекательности самой ретропрактики. Это касается не только ретропрактик в чистом виде, но и разных видов эскапизма творческих и не очень

творческих людей, художественные формы которого утратили общественное значение со сменой эпох. Давно замечено, что кумиры диссидентствующей интеллигенции в своем большинстве не смогли создать после перестройки ничего равного по силе шедеврам «несвободного» советского периода их творчества. Это не означает, что для максимальной эффективности всякой творческой деятельности необходимо политическое и цензурное давление. Это значит лишь то, что созданные в дискомфортной, отчуждающей ситуации произведения потому и имеют ценность для современников, что служат отдушинами *конкретно для них*. Когда нужда в таких отдушинах отпадает, это, может, и не лишает величия уже созданное, но делает невостребованной ту конфигурацию талантов и личностных черт, которые данные произведения создавали.

Точно так же ограничен и потенциал ретропрактик, *вторичная* привлекательность которых утрачивается по мере того, как уже «изнутри» нового социального порядка появляются другие средства компенсации издержек «прогресса». Так, в СССР «семейные ценности» (в виде рудиментов патриархальной семьи) ослабевают по мере того, как государство начинает в большей степени, чем раньше, защищать женщину и ребенка, тем самым снижая их зависимость от мужчины и вообще от формального пребывания в браке. Сегодняшний акцент пропаганды на семейных ценностях вряд ли способен достичь своей цели, поскольку он не играет более роли ретропрактики. У всякой подлинной ретропрактики есть освобождающая функция, функция компенсации отчуждения, имеющая непосредственное отношение к экзистенциальным потребностям больших социальных групп. У нее имеется явный бенефициар (в данном случае — женщины). Сегодня у политики насаждения семейных ценностей нет ни бенефициара, ни функции. Женщину не от чего защищать — она уже достаточно защищена практиками советского и постсоветского периода. (В частности, поэтому у нас не прижился и современный западный феминизм.) Следовательно, бенефициаром такой политики может стать разве что абстрактная российская государственность, нуждающаяся для своего сохранения в притоке новых граждан. Насколько нужды этого бенефициара совпадают с экзистенциальными потребностями жителей России — другой вопрос. В этой ситуации попытка насадить семейные ценности оборачивается имитацией, когда утратившая творческую потенцию государственная бюрократия пытается вновь пустить в дело практики чуть ли не вековой давности на том основании, что когда-то они сработали.

Заключение

Несмотря на то что актуальность ретропрактик отражается в усилении влияния консервативных, а то и реакционных идеологем, левым непродуктивно отмахиваться от них как от непрогрессивных. Простое отрицание и клеймение, например, политики неолибералов привели к долгой череде поражений. Аналогичная стратегия в отношении правого популизма не остановила роста его популярности. Упущение левых

заключается в том, что они не способны всесторонне осмыслить значение ретропрактик, видя в них только плохое. Потому популисты, ориентирующиеся на ряд элементов прошлого, для них всегда однозначно реакционны, одержимы ресентиментом[33] и в целом морально ущербны. Соответственно, левые оказываются в ловушке линейного прогрессизма («больше всяких свобод») и технологического детерминизма. Посыл данной статьи заключается вовсе не в том, что Маркс был консерватором или реакционером, а в том, что у Маркса не было стопроцентной предубежденности против «реакционной мысли», чем чаще всего страдают прямолинейные либеральные прогрессисты и многие марксисты. Это позволяло ему быть тоньше и адекватнее в оценке происходящего. Возможно, утрата этой гибкости, вырастающая из безоглядного пренебрежения «реакционным», и есть одна из причин проигрышей левых в современном мире. Если для них прошлое по определению не может быть кладезем *в том числе* практик, компенсирующих отчуждение, то единственным источником снятия отчуждения становится технический прогресс и все более радикально понимаемая либерализация, борьба с «предрассудками», интерсекциональным угнетением и прочий «прикладной постмодернизм»[34]. О проблемах неравенства и эксплуатации зачастую говорится так, будто они решаются преимущественно за счет умелого администрирования и технологического прогресса. Как только появляются достаточные технические средства, требуется лишь относительно небольшая толика предвидения, здравого смысла и взвешенной политики, чтобы реформировать капитализм, прийти к некоему «построенному по плану, в целом справедливому обществу, основанному на использовании технологий для смягчения климатических рисков и неравенства одновременно»[35].

[33] Подробнее см. Фишман 2023: 26—29.

[34] Плакроуз и Линдси 2021.

[35] Кинг и Пэтти 2022: 166.

Считающие себя левыми и прогрессивными должны научиться замечать, что порой их оппоненты делают их, прогрессивных сил, работу, — разумеется, отличая выполнение такой работы от банального торжества мракобесия и реакции в собственном смысле слова. Настоятельная потребность в осмысляющей это теории отражается в том, что некоторые традиционные левые давно не просто объективно выступают как консерваторы, но и осознают себя в качестве таковых[36]. В российском случае, однако, это сводится к банальному ностальгическому неосоветизму и стремлению сохранить определенные элементы советской социальной политики. Насколько эффективна подобная стратегия — отдельный вопрос; но очевидно, что она никак не помогает системным (вроде КПРФ) и внесистемным левым перехватить инициативу. В простом лоббировании протекционистской социальной политики системная левая оппозиция всегда будет плестись в хвосте государственной бюрократии, которая располагает реальными ресурсами для ее проведения в нужных себе объемах.

[36] Исаев 2010.

Современные общества, как и глобальный порядок в целом, переживают коренную ломку, которая должна изменить их облик. Нередко эта ломка окрашена скорее в правые, нежели в левые идеологические

тона, — и это при том, что сами критерии различения левого и правого уже в существенной мере размыты. Возможно, именно сейчас мы и живем в конце того, что Маркс называл человеческой предысторией. Последняя не может завершиться до тех пор, пока все ключевые практики Модерна, равно как и предшествовавших ему периодов, не исчерпают своего эмансипаторского потенциала и не будут возвращены в оборот в виде ретропрактик. Поэтому завершающий этап предыстории с традиционной левой точки зрения выглядит как эпоха реакции.

Однако именно во времена реакции появляется шанс на развитие теории. Учитывая все то, что было сказано выше, такая теория должна исходить из признания ключевого значения ретропрактик для облика возможного в текущий момент социализма. Опыт XX столетия свидетельствует о том, что апелляции к капиталистическим, советским и прочим ретропрактикам будут долго актуальны для сглаживания возникающих внутри нового общественного строя коллизий. Вряд ли сегодня можно всерьез говорить о коммунистической перспективе. Но если реальна перспектива социалистическая, то правомерно предположить, что современный социализм станет возможным преимущественно как сочетание ретропрактик — в том случае, если левые окажутся в состоянии практически осмыслить действительную роль в истории «консервативного» и «реакционного», не пренебрегая ими высокомерно.

Библиография

Арендт Х. (2014) *Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. (1924) Кн. 1. М.: Государственное изд-во.

Бовуар С. де. (1997) *Второй пол: В 2-х т*. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя.

Вагнер П. (2022) «От господства к автономии: две эпохи прогресса в мировой социологической перспективе» // *Антиномии*, т. 22, № 3: 72—95. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/647/688/40b1ebee7ca0cf8c4b906f3158be844c (проверено 24.11.2023).

Вахитов Р. (2023) «Почему консерватизм теперь должен быть левым?» // *Русский Лад*, 24.09. URL: https://rus-lad.ru/news/r-vakhitov-pochemu-konservatizm-teper-dolzhen-byt-levym/ (проверено 24.11.2023).

Вишневский А.Г. (1998) *Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР*. М.: ОГИ.

Гордеева И.А. (2003) *«Забытые люди»: История российского коммунитарного движения*. М.: АИРО-XX.

«Исаев: Консервативная идеология и современная политическая система». (2010) // *ЦСКП*, 21.11. URL: http://cskp.ru/2010/11/21/isaev-konservativnaya-ideologiya-i-sovremennaya-politicheskaya-sistema/?ysclid=losdxs3c2d325203815 (проверено 24.11.2023).

Каминер Т. (2022) «В ловушке настоящего: планирование, архитектура и время постмодерна» // *Антиномии*, т. 22, № 3: 119—135. URL:

https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/786/857/73919965207fffef902f3ee88fdabbfe (проверено 24.11.2023).

Кинг Б. и Р.Пэтти. (2022) *Техносоциализм: Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок*. М.: Олимп-Бизнес.

Лафарг П. (2012) «Право на лень» // Лафарг П. *Право на лень. Религия капитала*. М.: Либроком: 3—29.

Лифшиц М. (2004) *Что такое классика?* М.: Искусство XXI век.

Лифшиц М. (2009) *Почему я не модернист?* М.: Искусство XXI век.

Лифшиц М. *В чем сущность спора?* URL: http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/spor.htm (проверено 24.11.2023).

«Маркс — Фердинанду Лассалю, 22 июля 1861 г.». (1963) // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 30. М.: Государственное изд-во политической литературы: 504—505.

Маркс К. (1962) «Экономические рукописи 1857—1859 годов» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 46, ч. 1. М.: Государственное изд-во политической литературы: 3—553.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Немецкая идеология» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 3. М.: Государственное изд-во политической литературы: 7—544.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1974) *Манифест Коммунистической партии*. М.: Политиздат.

Осборн Р. (2007) *Цивилизация: Новая история Западного мира*. М.: АСТ; Астрель.

Плакроуз Х. и Дж.Линдси. (2021) *Циничные теории: Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого*. М.: Individuum.

Стедмен-Джоунз Д. (2017) *Рождение неолиберальной политики: От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер*. Москва: Мысль; Челябинск: Социум.

Фишман Л.Г. (2020) «Посткапитализм и последняя (анти)утопия нашего времени» // *Полития*, № 2 (97): 40—53. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-40-53.pdf (проверено 24.11.2023).

Фишман Л.Г. (2023) «Концепция ресентимента и современность: в поисках ускользающего „компаратора“» // *Общественные науки и современность*, № 1: 20—33.

Фишман Л.Г. и В.С.Мартьянов. (2021) «Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 65, № 1: 100—113.

Фишман Л.Г., В.С.Мартьянов и Д.А.Давыдов. (2019) *Рентное общество: В тени труда, капитала и демократии*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Хархордин О. (2002) *Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности*. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад.

Хобсбаум Э. (2000) «Изобретение традиций» // *Вестник Евразии*, № 1: 47—62.

Энгельс Ф. (1955) «Положение рабочего класса в Англии» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы: 231—517.

Энгельс Ф. (1961) «Происхождение семьи, частной собственности и государства» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 21. М.: Государственное изд-во политической литературы: 23—178.

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

Federici S. (2021) *Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism*. Oakland (CA): PM Press.

L.G.Fishman

NO DISRESPECT TO THE "REACTIONARY"

Leonid G. Fishman — Doctor of Political Science; Professor; Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: lfishman@yandex.ru.

Abstract. The article addresses the question of why, despite the seemingly long-standing accumulation of economic and technical conditions sufficient for building, if not communism, then socialism, the left-wing forces are unable to take advantage of this, and yield the initiative to the right-wing, conservative, and even reactionary forces. The author explains this situation by the rationale that the mindset of the left is still dominated by a flat liberal progressivism characterized by cliché ideas about the progressive and the reactionary, but it lacks tools to adequately assess the reasons for the "reactionary" sympathies of the broad masses and to admit that these masses have "grounds for concern" at the very least.

As a theoretical basis, the article uses the concept of human prehistory of the classics of Marxism. The author demonstrates that the underlying dichotomy of the alienated and authentic, human and inhuman does not coincide with the dichotomy of "reactionary" and "progressive". The Modern Age is examined as both an epoch of reaction (in the literal sense of the word, net of ideological connotations) and that of progress. In order to resolve these issues, the author introduces the concept of retropractice, which is supposed to help adequately describe these seemingly "reactionary" and "con-

servative" sides of Modernity. Retropractices, in contrast to "reaction", possess an emancipatory and alienation-reducing potential. The flaw of the left is that they fail to comprehensively conceptualize the meaning of retropractices because they view them only as "reaction" and "conservatism" in the usual sense. However, socialism, if realized, will largely turn out to be precisely a set of retropractices.

Keywords: Marxism, Modernity, alienation, progress, reaction, retropractices, socialism

References

Arendt H. (2014) *Mezhdu proshlym i budushchim: Vosem' uprazhnenij v politicheskoj mysli* [Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

Arkhiv K.Marksa i F.Engel'sa [Archive of K.Marx and F.Engels]. (1924) Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo. (In Russ.)

Beauvoir S. de. (1997) *Vtoroj pol: V 2-kh t.* [Le Deuxième Sexe]. Moscow: Progress; St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Engels F. (1955) "Polozhenie rabochego klassa v Anglii" [Die Lage der arbeitenden Klasse in England] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoj literatury: 231—517. (In Russ.)

Engels F. (1961) "Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva" [Der Ursprung der Familie, des Privateigent-hums und des Staats] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 21. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoj literatury: 23—178. (In Russ.)

Federici S. (2021) *Patriarchy of the Wage: Notes on Marx, Gender, and Feminism*. Oakland (CA): PM Press.

Fishman L.G. (2020) "Postkapitalizm i poslednjaja (anti)utopija nashego vremeni" [Post-Capitalism and Last (Sys)Topia of Our Time] // *Politeia*, no. 2 (97): 40—53. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-40-53.pdf (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Fishman L.G. (2023) "Kontseptsija resentimenta i sovremennost': v poiskakh uskol'zajushchego „komparatora"" [The Concept of Ressentiment and Modernity: In Search of Elusive Comparator] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 1: 20—33. (In Russ.)

Fishman L.G. and V.S.Martianov. (2021) "Sotsial'nye nauki i global'naja turbulentnost': perezagruzka mejnstrima" [Social Sciences and Global Turbulence: Rebooting the Mainstream] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 65, no. 1: 100—113. (In Russ.)

Fishman L.G., V.S.Martianov, and D.A.Davydov. (2019) *Rentnoe obshchestvo: V teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Gordeeva I.A. (2003) *"Zabytye ljudi": Istorija rossijskogo kommunitarnogo dvizhenija* ["Forgotten People": The History of Russian Communitarian Movement]. Moscow: AIRO-XX. (In Russ.)

Hobsbawm E. (2000) "Izobretenie traditsij" [The Invention of Tradition] // *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasica], no. 1: 47—62. (In Russ.)

"Isaev: Konservativnaja ideologija i sovremennaja politicheskaja sistema" [Isaev: Conservative Ideology and Modern Political System]. (2010) // *TsSKP* [The Center for Social and Conservative Policy], 21.11. URL: http://cskp.ru/2010/11/21/isaev-konservativnaya-ideologiya-i-sovremennaya-politicheskaya-sistema/?ysclid=losdxs3c2d325203815 (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Kaminer T. (2022) "V lovushke nastojashchego: planirovanie, arkhitektura i vremja postmoderna" [Trapped in the Present: Planning, Architecture and Postmodern Time] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 22, no. 3: 119—135. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/786/857/73919965207fffef902f3ee88fdabbfe (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Kharkhordin O. (2002) *Oblichat' i litsemerit': genealogija rossijskoj lichnosti* [To Denounce and Dissemble: Genealogy of the Russian Personality]. St Petersburg: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge; Letnij sad. (In Russ.)

King B. and R.Petty. (2022) *Tekhnosotsializm: Kak neravenstvo, iskusstvennyj intellekt i klimaticheskie izmenenija sozdajut novyj miroporjadok* [The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate Will Usher in a New World Order]. Moscow: Olimp-Biznes. (In Russ.)

Lafargue P. (2012) "Pravo na len'" [Le Droit à la paresse] // Lafargue P. *Pravo na len'. Religija kapitala* [Le Droit à la paresse. La Religion du Capital]. Moscow: Liberkom: 3—29. (In Russ.)

Lifshits M. (2004) *Chto takoe klassika?* [What Is a Classic?] Moscow: Iskusstvo XXI vek. (In Russ.)

Lifshits M. (2009) *Pochemu ja ne modernist?* [Why Am I Not a Modernist?] Moscow: Iskusstvo XXI vek. (In Russ.)

Lifshits M. *V chem sushchnost' spora?* [What Is the Essence of the Dispute?] URL: http://www.gutov.ru/lifshitz/texts/spor.htm (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

"Marks — Ferdinandu Lassalju, 22 ijulja 1861 g." [Marx to Ferdinand Lassalle, July 22, 1861]. (1963) // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 30. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoj literatury: 504—505 (In Russ.)

Marx K. (1962) "Ekonomicheskie rukopisi 1857—1859 godov" [Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 46. Part 1. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoj literatury: 3—553. (In Russ.)

Marx K. and F.Engels. (1955) "Nemetskaja ideologija" [Die deutsche Ideologie] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoj literatury: 7—544. (In Russ.)

Marx K. and F.Engels. (1974) *Manifest Kommunisticheskoj partii* [Manifest der Kommunistischen Partei]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Osborne R. (2007) *Tsivilizatsija: Novaja istorija Zapadnogo mira* [Civilization: A New History of the Western World]. Moscow: AST; Astrel'. (In Russ.)

Pluckrose H. and J. Lindsay. (2021) *Tsinichnye teorii: Kak vse stali sporit' o rase, gendere i identichnosti i chto v etom plokhogo* [Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody]. Moscow: Individuum. (In Russ.)

Stedman Jones D. (2017) *Rozhdenie neoliberal'noj politiki: Ot Hajeka i Fridmena do Rejgana i Tetcher* [Masters of the Universe: Hayek, Friedman, and the Birth of Neoliberal Politics]. Moscow: Mysl'; Chelyabinsk: Sotsium. (In Russ.)

Vishnevsky A.G. (1998) *Serp i rubl': Konservativnaja modernizatsija v SSSR* [Sickle and Ruble: Conservative Modernization in the USSR]. Moscow: OGI. (In Russ.)

Vakhitov R. (2023) "Pochemu konservatizm teper' dolzhen byt' levym?" [Why Should Conservatism Be Left-Wing Now?] // *Russkij Lad* [Russian Mood], 24.09. URL: https://rus-lad.ru/news/r-vakhitov-pochemu-konservatizm-teper-dolzhen-byt-levym/ (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Wagner P. (2022) "Ot gospodstva k avtonomii: dve epokhi progressa v mirovoj sotsiologicheskoj perspective" [From Domination to Autonomy: Two Eras of Progress in World-sociological Perspective] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 22, no. 3: 72—95. URL: https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/647/688/40b1ebee7ca0cf8c4b906f3158be844c (accessed on 24.11.2023). (In Russ.)

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos': Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-29-44

Д.А.Давыдов

СОЦИАЛИЗМ ПРЕТКНОВЕНИЯ, ИЛИ ПРОБЛЕМЫ ЛЕВОГО ПОПУЛИЗМА

Дмитрий Александрович Давыдов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором davydovdmitriy90@gmail.com.

Аннотация. Первая четверть XXI в. стала временем возрождения идеи социализма. Однако главным предполагаемым субъектом прогрессивных изменений оказался уже не рабочий класс. Вместо рабочих движений и соответствующих партий наблюдается подъем левого популизма. Ключевая особенность такого популизма состоит в стремлении объединить всех угнетенных и эксплуатируемых в борьбе против капиталистической «гегемонии». Данная установка нашла отражение, в частности, в идее интерсекциональности, в соответствии с которой разные «системы» угнетения (расизм, сексизм, гомофобия и т.д.) и капиталистическая эксплуатация переплетены и могут усиливать друг друга. Отсюда постоянные отсылки к общей, как бы «народной» борьбе против капитализма и различных форм угнетения. Более того, некоторые левые теоретики прямо настаивают на необходимости обращения к популизму и выстраивания стратегий левой «контргегемонии».

Детально проанализировав современные левопопулистские концепции, автор выявляет в них серьезные уязвимости. За стремлением к справедливости и равенству нередко скрывается жажда привилегий и радикальная враждебность по отношению к тем, кого далеко не всегда обоснованно причисляют к угнетателям. Кроме того, борьба за социализм зачастую означает акцент на свободе от труда для одних при игнорировании материальных проблем других. Противоречия левого популизма автор относит к категории неразрешимых ввиду невозможности отличить борьбу за равенство от борьбы за частные интересы отдельных групп. Согласно его заключению, в условиях, когда игры с нулевой суммой неизбежны, для бедных и социально уязвимых все более выгодными и привлекательными будут стратегии отстаивания собственных интересов в противовес популистским проектам, а также идее социализма per se, все чаще подразумевающей отказ от этих интересов без гарантий какой-либо отдачи в будущем.

Ключевые слова: социализм, левый популизм, контргегемония, антикапитализм, интерсекциональность, политика идентичности

Введение

Последняя четверть XX в. была временем разочарования в социализме/коммунизме. С одной стороны, это было разочарование в «реальном» социализме, то есть в попытках построить некапиталистические общества с помощью плановой экономики и централизованного партийного руководства («диктатуры пролетариата»). С другой стороны, это было разочарование в рабочем классе (или, шире, в трудящихся) там, где он пошел на компромисс с буржуазией, заменив мечту о коммунизме мечтой о «потребительском рае». Первая четверть XXI в. стала временем возрождения идеи социализма. Правда, теперь уже не рабочий класс является главным предполагаемым субъектом прогрессивных изменений. Вместо рабочих движений и соответствующих партий наблюдается подъем того, что можно обозначить как *левый популизм*. Ключевая особенность такого популизма[1] заключается в стремлении объединить всех угнетенных и эксплуатируемых в борьбе против капиталистической «гегемонии». Подобная установка нашла отражение, в частности, в крайне популярной идее *интерсекциональности*, в соответствии с которой разные «системы» угнетения (расизм, сексизм, гомофобия и т.д.) и капиталистическая эксплуатация переплетены и могут усиливать друг друга[2], а также в попытках синтеза этой идеи с марксизмом[3]. Отсюда постоянные отсылки к общей, как бы «народной» борьбе против капитализма и различных «системных» (или институциональных) форм угнетения. Более того, некоторые левые теоретики прямо настаивают на необходимости обращения к популизму и выстраивания стратегий «контргегемонии». В этом преуспела, например, Шанталь Муфф, названия двух недавних книг которой — «За левый популизм»[4] и «На пути к зеленой демократической революции: левый популизм и сила аффектов»[5] — говорят сами за себя. Согласно Муфф, ни одна из групп не в состоянии побороть гегемонию неолиберального капитализма. На это способен только *народ*, создавший единую синтетическую политическую идентичность, противопоставленную капиталистическому «другому»[6].

Применительно к левым такое принятие популизма, несмотря на все негативные ассоциации, связанные с этим словом, вполне объяснимо: сама идея социализма подразумевает строй, который пойдет на благо всему обществу, а не только горстке самых богатых. Как известно, даже классики марксизма считали, что капиталисты отчуждены, хотя их отчуждение не доставляет им страданий, в отличие от рабочих: «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования»[7]. Однако является ли ориентация на популизм лучшей стратегией борьбы за интересы наиболее бедных и социально уязвимых? Это было бы так, если

[1] В принципе здесь подходит классическое значение термина «популизм», под которым понимается политическая стратегия, сочетающая антиэлитизм, определенный антиплюрализм (восприятие народа как однородной массы) и самоотождествление с народом, его волей.

[2] Collins 2019.

[3] См. Bohrer 2019.

[4] Mouffe 2018.

[5] Mouffe 2022.

[6] Mouffe 2018.

[7] Маркс и Энгельс 1955: 39.

бы социализм как воплощение в жизнь принципов равенства и братства, а также консолидации общества в рамках базового набора *общих интересов* был возможен на данном этапе развития человеческой цивилизации. Но, как мы постараемся показать далее, вполне вероятно, что социализм так и останется на неопределенное время утопическим идеалом, тогда как разные группы и индивиды продолжат бороться за *свои интересы*. В этом случае социализм для многих станет опасной и обманчивой идеей, обязывающей искать солидарность и социальную гармонию там, где их нет и в обозримой перспективе не будет и где под масками предполагаемых союзников зачастую скрываются недоброжелатели.

Левый популизм

В книге «Коммунизм и стратегия»[8] Изабель Гаро задается вопросом: почему глобальное капиталистическое господство и его кризис имеют своим следствием беспрецедентное поражение левых сил и, что особенно важно, любого альтернативного коллективного, мажоритарного политического проекта? Изучая истоки тупика левого движения, она обращает внимание на исчезновение из левой политической теории стратегических идей относительно инструментов и тактики борьбы за власть с помощью *политического посредничества*. В своих рассуждениях она опирается на анализ трудов таких авторов, как Ален Бадью, Эрнесто Лакло, Антонио Негри и Майкл Хардт. Этих авторов объединяет неприятие иерархических структур, будь то партия или государство, что понятно, учитывая опыт СССР и других потерпевших провал социалистических экспериментов. Бадью пишет о постоянно возрождающемся *событии*, для него коммунизм есть «историческая конвульсия», «прежде всего движение», перманентная мобилизация, никогда не затвердевающая борьба, избегающая какой-либо институциональности[9]. Лакло выдвигает на первый план идеологические и культурные вопросы, причем его популистская стратегия нацелена на поиск свободных от каких-либо экономических детерминаций коллективных идентичностей (эти идентичности также никогда не «цементируются» и всегда находятся в движении)[10]. «Нематериальный труд» и «всеобщий интеллект» в концепции Негри и Хардта представляют собой имманентные тенденции капитализма, разрушающие его изнутри, из чего вытекает, что коммунизм возникнет *спонтанно*, через серию радикальных мутаций, порождающих пространства «автономности» (вроде сообществ приверженцев свободного программного обеспечения)[11]. Все это, по мнению Гаро, не является помехой для капитализма: левое движение нуждается в стратегическом мышлении, в *массовой мобилизации*[12].

[8] *Garo 2023.*

[9] *Ibid: 20—46.*

[10] *Ibid: 47—70.*

[11] *Ibid: 71—101.*

[12] *Ibid: 220—225.*

Тем не менее ее заключения оказываются даже еще более популистскими, чем, скажем, построения Лакло. Если последний фокусировался преимущественно на политических *других* (в чем-то повторяя ключевую идею Карла Шмитта), то здесь политический популизм наслаивается на популизм экономический. Никакое восстание, полагает

Гаро, не изменит мир, а завоевание политической власти посредством избирательной урны немедленно подвергнет любое прогрессивное правительство гигантскому давлению со стороны национальных и наднациональных институтов, которые начнут ослаблять его преобразовательные возможности. В какой-то момент может показаться, что Гаро выступает за восстановление боевого потенциала рабочего класса, призывает вернуться к классическому марксизму. Но далее в ее книге мы вновь встречаем отсылки к *общей* (читай — *народной*) борьбе против гегемонии капитализма: «Наблюдаемое сегодня возрождение антирасистской, феминистской и ЛГБТК+ мобилизации в сочетании с продолжающейся реакцией и повышением ставок в социальной борьбе говорит о возможности нескольких сценариев: либо братоубийственные разногласия, разрушающие политический ландшафт в условиях глубокого кризиса, либо еще большее и гибкое соединение всех ключевых секторов стратегического возрождения и критики»[13].

[13] *Ibid.: 192.*

Не оставляет места для какой-либо иной стратегии, кроме популистской, и Нэнси Фрейзер. Оценивая расклад сил в США, она отмечает, что прогрессистскому неолиберализму там сейчас оппонируют два популистских блока: реакционный (сторонники Дональда Трампа) и прогрессивный (сторонники Берни Сандерса). Трамп воспользовался игнорированием прогрессистскими неолибералами во главе с Хиллари Клинтон классовой повестки и сделал упор на апелляцию к материальным интересам «простых людей» (пересмотр условий НАФТА, стена на мексиканской границе плюс крупномасштабные расходы на инфраструктуру). Сандерс попытался соединить инклюзивную политику признания с политикой перераспределения в пользу работающих семей[14]. Характеризуя текущее положение в стране дел, Фрейзер цитирует слова Антонио Грамши: «старое умирает, а новое не может родиться»[15]. С ее точки зрения, в подобных условиях левый популизм попросту *неизбежен*. Сторонникам Трампа и Сандерса из рабочего класса нужно осознать себя союзниками, жертвами (хотя и находящимися в разных ситуациях) единой «фальсифицированной экономики», которую они могли бы попытаться совместно преобразовать. Правда, от «реакционных» консервативных ценностей придется отказаться, ведь только инклюзивная политика признания имеет реальный шанс объединить эти социальные силы с другими секторами рабочего и среднего классов. «Я не предлагаю, — пишет она, — чтобы прогрессивно-популистский блок заглушил свою жгучую обеспокоенность по поводу расизма, сексизма, гомофобии, исламофобии и трансфобии. Напротив, борьба с этим злом должна стать центральной задачей прогрессивно-популистского блока. Но решать ее через морализаторскую снисходительность в духе прогрессистского неолиберализма контрпродуктивно. Подобный подход подразумевает поверхностный и неадекватный взгляд на эту несправедливость, сильно преувеличивая степень, в которой проблема находится в головах людей, и упуская из виду укорененность структурно-институциональных сил, которые ее поддерживают»[16].

[14] *Fraser 2019: 23—32.*

[15] *Ibid.: 30.*

[16] *Ibid.: 40.*

Популизм, таким образом, стал новым общим местом в современной западной политической теории, причем неважно, признают это сами теоретики или нет. Если в книге левого автора нет дежурной фразы об объединении всех угнетенных и притесняемых для совместной борьбы против «системы» (с обязательным перечислением угнетаемых групп: ЛГБТК+, женщины, люди неевропейской внешности и др.), то, скорее всего, эта книга была написана давно — или не на Западе.

Подъем левого популизма объясняется, на наш взгляд, отнюдь не только ситуацией, когда старое умирает, а новое еще не родилось. Одним из факторов является сама идея социализма[17]. Эта идея все еще жива и, более того, переживает своеобразный ренессанс. Общие коннотации примерно те же, что были в классическом марксизме, — общество достигло той стадии развития, при которой идеи равенства и справедливости одерживают верх, то есть наступает период движения к *бесклассовому* состоянию. Если главная цель — это равенство[18], было бы странно мыслить социализм как общество, где существуют господство, подчинение, системное насилие и т.д. Стало быть, прямая логика ведет к выводу о необходимости борьбы против всех форм угнетения и эксплуатации. Но, как представляется, стратегия, предполагающая совместную борьбу за воплощение абстрактного социалистического идеала, может подойти далеко не всем бедным и социально уязвимым.

[17] Причем сегодня все чаще отнюдь не в марксовом и не в ленинско-сталинском понимании. В их глазах социализм вовсе не предполагал, что «всем сестрам раздадут по серьгам», исчезнет всякое неравенство и пр. Это был довольно суровый и жесткий строй, основанный на подавлении классовых врагов. И именно поэтому для его реализации не требовался «широкий фронт» в лице ЛГБТК+ и т.д.

[18] Хотя заметим, что само по себе равенство не было ключевой идеей старого социализма. Оно было таковой только в сочетании с идеями уничтожения частной собственности и эксплуатации, а также установления политического режима, который воплощал бы в себе власть трудящихся («диктатура пролетариата»).

Ненулевая сумма?

Как и любой абстрактный идеал, социализм несет в себе набор ловушек. Одна из них — предписывающий характер утопии, когда идеал имеет приоритет над сложной реальностью. Но это значит, что все игроки, стремящиеся к реализации коллективного антикапиталистического проекта, должны отказаться от весомой доли своих частных интересов в пользу общего интереса. Образ социалистического общества должен быть максимально непротиворечивым, то есть представлять собой условную плоскость, на которой располагается ненулевая сумма всех интересов. Все это ведет к своеобразной обязывающей эсхатологии: не бывает «половинчатых» социализмов, «конец капитализма» сопряжен с полным искоренением неравенства и несправедливости. Поэтому человека, рассуждающего *только* о классовом неравенстве, сегодня могут обвинить в расизме или сексизме, так как он поднимает лишь одну проблему, а не все существующие. Левый популизм мог бы считаться лучшей стратегией, если бы социализм был действительно в скором времени достижим, то есть сумма интересов людей и групп, стремящихся к нему, действительно была бы ненулевой. Однако есть основания сомневаться, что это так.

Левый популизм — феномен не новый. Здесь можно было бы вспомнить большевиков, оправдывавших революцию рабочего класса в стране, населенной преимущественно крестьянами, или иные подобные истории. Но по-настоящему популистские стратегии стали востребованы как раз тогда, когда последняя надежда на революцию именно

рабочего класса была утрачена. Так, в 1960-е годы Герберт Маркузе призывал к установлению «диктатуры интеллектуалов», поддержку которым должны были оказать жители гетто[19]. Но жители гетто в итоге так и остались жителями гетто, несмотря на устроенные ими общественные беспорядки, а революционеры-интеллектуалы поступили на работу в престижные университеты. Многие из этих интеллектуалов стали идеологами неолиберального прогрессизма (точнее — прикладного постмодернизма[20]), поставившего борьбу за права меньшинств над борьбой с реальной бедностью и классовым неравенством.

[19] Marcuse 1969.

[20] Pluckrose and Lindsay 2020.

Сегодня происходит нечто похожее. Левые интеллектуалы апеллируют к очень разнородным группам, которые объединяет лишь некоторая степень неприязни к капитализму. Предполагается, что борьба за их вполне конкретные групповые интересы является борьбой за общие интересы человечества. Но есть причины считать, что эта борьба приводит лишь к новым социальным противоречиям. Причем она наглядно демонстрирует три проблемы, неизбежно встающие перед теми, кто стремится к равенству и справедливости. Рассмотрим их по отдельности.

1. *Невозможно понять, где проходит грань между борьбой против угнетения и стремлением к привилегиям*. Эта проблема до сих пор не решена левыми теоретиками. Суть ее заключается в следующем. Системные формы угнетения обусловлены не только формальными вещами, которые легко обнаружить и отменить, вроде неравенства в правах. Основная цель ключевых левых теорий (например, критической расовой теории) сегодня — разоблачение многочисленных *предрассудков*, а также «злого умысла» «угнетателей». Истоки расизма, сексизма, гомофобии, трансфобии и т.п. кроются не в неравенстве материальных возможностей или формальных прав, они находятся в сознании людей. Проблема здесь в том, что в рамках данного подхода *любое* неравенство результатов, когда проигравшей стороной оказываются «угнетенные», можно трактовать как следствие расизма, сексизма, гомофобии и пр., даже если это совсем не так.

Неравенство результатов может быть обусловлено множеством обстоятельств — от классового положения и отсутствия доступа к элементарным материальным возможностям до биологических (физиологических) факторов или особенностей культуры. Например, бедность и преступность в районах проживания чернокожих можно объяснить «системным расизмом», а можно — гангстерской культурой. И мы вряд ли сможем четко отделить одно от другого. Соответственно, до тех пор, пока существует неравенство результатов, такие авторы, как Робин Дианджело[21], могут называть *всех* белых расистами (во всяком случае, подсознательными). Это дает карт-бланш всем борцам с «системным неравенством», но их инициативы, по сути, превращаются в борьбу за привилегии, так как ресурс обвинений в расизме и иных формах угнетения при отсутствии действенного способа их выявления (читать мысли и считывать истинные намерения невозможно) практически неисчерпаем. В своей недавней книге Хизер Мак Дональд описывает,

[21] См. DiAngelo 2018.

как борьба с расизмом в США de facto переросла в антибелый расизм, подпитываемый «культурой отмены», цензурой и «властью толп»[22]. Такое положение дел характеризуется ею как *крах меритократии*: при поступлении в университеты или на работу приоритет сегодня отдается именно чернокожим и людям неевропейской внешности (а если это одновременно и женщина нетрадиционной сексуальной ориентации или трансгендер, вероятность успеха еще выше). Ключевые назначения на должности происходят не за заслуги, а по критериям цвета кожи, гендера, сексуальной ориентации. Целые культурные пласты осуждаются и «отменяются». Это касается, в частности, классической музыки, так как она написана белыми европейцами (например, Пятая симфония Людвига ван Бетховена объявляется символом «превосходства и важности» белого мужчины). Профессиональные награды присуждаются только с учетом квоты разнообразия. Белые полицейские боятся задерживать чернокожих преступников, чтобы не быть обвиненными в расизме (отсюда всплеск преступности в США в 2020—2022 гг.). Все, кто пытается усомниться в институциональном расизме или хотя бы выступает за *равные возможности*, лишаются работы и подвергаются травле. Но это не решает ключевой проблемы: неравенство результатов остается, и многие факты указывают на то, что оно обычно бывает обусловлено вовсе не расизмом или другими формами угнетения[23]. Какое, к примеру, отношение к социальной несправедливости имеет процент чернокожих в камерных оркестрах, если доля чернокожих детей, изучающих классическую музыку, ничтожно мала?

2. *Невозможно понять, где проходит грань между стремлением к равенству и враждебностью по отношению к «другому» (или стиранием различий)*. Очевидно, что до тех пор, пока сохраняются социальные различия, ассоциируемые с неравенством, можно бесконечно находить основания для претензий к «другим». Актуальность данной проблемы наглядно показывает эволюция феминизма. Сначала речь шла о формальном, правовом равенстве. Затем женщины боролись за равные возможности на рынке труда. Сегодня мы видим следующую волну межполового конфликта: все чаще говорят о значении неоплачиваемого аффективного труда и необходимости равного участия отцов в воспитании детей. Однако на этом теоретики феминизма не останавливаются, настаивая уже на том, что на плечи женщин неизбежно ложится львиная доля любого эмоционального «труда» в гетеросексуальных семьях. Но если так, то решить эту проблему можно только путем *уничтожения семьи и гендера*. Иными словами, если пока невозможно отделить женщину в семье от, скажем, функции вынашивания и кормления детей, то стоит вообще уничтожить гетеросексуальные отношения и семью, где такая функция является прямой демонстрацией различий, рассматриваемых как свидетельство неравенства. Как пишет Алва Готби в книге «Они называют это любовью: Политика эмоциональной жизни»[24], «необходимо подвергнуть сомнению удовольствия, которые люди получают от гетеросексуальности и семейной любви, как пото-

[22] Mac Donald 2023.

[23] Вероятность того, что офицер полиции будет убит чернокожим подозреваемым, примерно в 400 раз выше, чем вероятность того, что невооруженный чернокожий будет убит полицейским (Mac Donald 2023: 166).

[24] Заметим, что речь идет не о какой-то маргинальной концепции, а о книге, опубликованной в престижном и, можно сказать, центральном для левых теоретиков издательстве Verso.

му, что они основаны на эксплуатации феминизированных людей, так и ввиду исключений и ограничений, которые создает такое приятное воспроизводство»[25]. Далее она утверждает, что следует «отменить» не только гендер, но и работу, поскольку трудовые отношения тоже ведут к семейному «разделению труда». Альтернативу семейным отношениям Готби подсматривает у «криминализованных сообществ»: «криминализованные способы выживания можно понимать как форму сопротивления собственности и приличиям. Неформальная экономика также может создавать материальный контекст для несемейных форм солидарности»[26]. «Преступник-гомосексуалист» предстает в ее книге как «фигура политической мысли», а трансженственность рассматривается не как утверждение женственности, а как частичное ее разрушение, которое стоит приветствовать[27].

[25] *Gotby 2023: 23.*

[26] *Ibid.: 126.*

[27] *Ibidem.*

Но если Готби призывает лишь к отмене семьи и гендера, то схожая логика апелляции к существованию различий (наличию «неудобного другого») приводит некоторых авторов к прямой ненависти. Небольшая книга-бестселлер Полин Харманж так и называется — «Я ненавижу мужчин». В ней Харманж отталкивается от такой посылки: если есть системное угнетение женщин, то почему нужно отказываться от системного угнетения мужчин? Вместо борьбы против сексизма Харманж предлагает сознательно придерживаться мизандрического сексизма: «они жестокие, эгоистичные, ленивые и трусливые»[28]. Здесь вновь вообще любые социальные различия, которые вряд ли можно квалифицировать как заведомо негативные, трактуются в качестве маркера неравенства: «мужчины всегда хотят найти решение, разобраться в моих проблемах, объяснить мою боль, тогда как очень часто все, что мне нужно, это благожелательный слушатель и плечо, чтобы поплакать. Иногда я задаюсь вопросом, не является ли эта мужская тенденция позиционировать себя поставщиком решений — спасителем — на самом деле попыткой, пусть и неосознанной, заставить меня замолчать»[29].

[28] *Harmange 2022: 12.*

[29] *Ibid.: 84.*

3. *Невозможно понять, где проходит грань между свободой одних и потребностями других.* В третьем томе «Капитала» Карл Маркс замечает: «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью»[30]. Если и можно максимально кратко выразить суть марксизма, то именно с помощью данного высказывания. Начиная с самого Маркса, в трудах левых идеологов довольно часто встречается подобная логика: мы уже достигли *достаточного* уровня совокупного богатства, чтобы избавиться от нужды в *базовых благах*. Соответственно, в приоритет надо поставить *свободу*, а не труд. Для движения к царству свободы следует лишь *перераспределить* имеющиеся ресурсы в пользу большинства. Как утверждает Стив Пакстон, «в XXI веке проблема человеческой бедности связана с распределением, а не с дефицитом»[31]. Но так ли это? Наряду с рассуждениями о том, что всем всего уже достаточно, существует и более скептический взгляд. *Нужда безгранична*. Население земного шара увеличивается, планетарные ресурсы истощаются, чем

[30] *Маркс 1962: 386.*

[31] *Paxton 2022: 56.*

дольше люди живут, тем больше болезней они переносят, тем больше боли и страданий испытывают, лишь бы прожить дополнительный год. Бороться за жизнь и здоровье каждого человека можно с практически бесконечным приложением общественных усилий. Кроме того, люди вступают в острую конкурентную борьбу с роботами и искусственным интеллектом. Чтобы стать полноценной личностью, человеку уже мало того развития, которое обеспечивает ему общедоступная школа — изобретение промышленного века массового физического труда. Воспитание и развитие личности, востребованной в условиях высокотехнологичной экономики, — чрезвычайно ресурсоемкое предприятие. Таким образом, практически бесконечных усилий требует потенциальная борьба не только за жизнь, но и за личность каждого. Не стоит также забывать, что в мире остается огромное количество людей, живущих в крайней бедности. Мир все еще безумно опасен и жесток.

Можно ли с уверенностью сказать, что мы подошли к «царству свободы» и нужно только грамотно распределить уже имеющееся? Возможно, такое распределение решит одни социальные противоречия, но породит другие. Если мир по-прежнему жесток и полон страданий, то борьбу за *свободу от труда, диктуемого «нуждой и внешней целесообразностью», можно представить как борьбу за свободу от помощи другим*. Заметим, что образ жизни свободного творческого деятеля, ведущего богемное существование на базовый доход, тоже является коммунистическим (в каком-то смысле такую жизнь и вел в свое время Маркс, только вместо базового дохода он получал средства от Фридриха Энгельса). Именно этот идеал, то есть минимизация труда с целью максимизации свободы, как нам представляется, сегодня крайне востребован сторонниками идеи *посттруда* и концепций *базового дохода*[32].

[32] См., напр. Lowrey 2018.

Одним из главных теоретиков посттруда является Ник Срничек (кстати, тоже сторонник левого популизма). Посткапиталистическое общество он связывает с минимизацией труда и расширением досуга[33], но сам же ощущает внутреннюю противоречивость своей позиции. Весьма показательна в этом плане книга «После работы: История дома и борьба за свободное время», написанная им в соавторстве с Хелен Хестер[34]. По мнению Срничека и Хестер, посттруд начинается с посылки, согласно которой наемный труд вдвойне несвободен, независимо от его условий, и предлагает альтернативные взгляды на мир, направленные на отмену этой социальной формы. Но в своей книге они говорят не о наемном труде, а о том, что они называют *репродуктивной работой* в семье, которая не оплачивается (воспитание детей, походы в магазин, приготовление еды, уборка и т.д.). Логика здесь схожа с логикой Готби: перераспределение ролей в семье не освобождает по-настоящему, а потому ни женщины, ни мужчины не должны тратить «драгоценные часы своей жизни» на работу, которая не является ни стимулирующей, ни творческой, ни продуктивной. Подобно Готби, Срничек и Хестер ратуют за отмену семьи, ведь, когда за младенцами требуется присмотр, женщины с гораздо большей вероятностью уйдут с работы. Крайне

[33] См. Srnicek and Williams 2016.

[34] Hester and Srnicek 2023.

важно для них минимизировать вообще любые трудозатраты, так как их «сокращение <...> расширяет доступность свободного времени, что является предпосылкой для любой значимой концепции свободы»[35]. Выдвигая принцип *коллективной заботы*, они выступают за создание ряда новых институтов и способов удовлетворения тех потребностей, которые призвана удовлетворять семья. В частности, они не скрывают своего восхищения советским коммунальным жильем и резко критикуют пригородные дома. С их точки зрения, гораздо лучше, когда жилье одновременно представляет собой общину, где отдельные и подчас непохожие люди заботятся о детях и стариках. Кроме того, жизнь в многоквартирных общинах позволяет владеть сообща различными инструментами, что минимизирует затраты на их покупку и хранение. Каждый в таких сообществах будет вносить свой вклад в репродуктивный труд, причем по доброй воле[36].

[35] *Hester and Srnicek 2023: 20.*

[36] *Ibid.: 88—115.*

Правда, чем больше Срничек и Хестер детализируют свою утопию, тем чаще они вынуждены делать оговорки. Да, отмечают они, в обществе свободных от труда людей не обойтись без высококачественного круглосуточного универсального ухода (речь, видимо, идет о детских садах, школах, домах престарелых), а такой уход подразумевает *обязательный труд*. Пытаясь снять эту проблему, Срничек и Хестер ссылаются на то, что посттруд не означает полного искоренения всякого труда, оставляя, однако, без ответа вопрос, почему кто-то должен будет выполнять эту достаточно сложную и изматывающую работу, а кто-то — нет[37] (вариант, что люди будут заниматься ей исключительно по желанию, едва ли заслуживает рассмотрения, так как речь идет о труде, требующем дисциплины и профессионализма).

[37] *Ibid.: 133—152.*

То же самое касается их предложений организовывать общественные кухни; формировать команды профессиональных, хорошо оплачиваемых уборщиков, берущих на себя необходимую работу по дому; развивать услуги по стирке экологически чистых многоразовых подгузников; создавать службы проката детской одежды, сообщества поддержки грудного вскармливания (с консультантами, которые будут посещать нуждающихся на дому), группы по до- и послеродовому психическому здоровью, центры помощи по выполнению домашних заданий и т.д. Не лучше обстоит дело и с продвигаемой ими идеей создания инфраструктуры свободного времени — среды, где люди смогут собираться, общаться, играть и творить, и все это без какой-либо оплаты. Ни в одном из отмеченных случаев Срничек и Хестер даже не ставят вопроса о том, кто будет выполнять сопряженную со всем этим работу: обслуживать, следить, убирать, готовить и т.д. Для того чтобы сохранить свою утопию непротиворечивой, они фокусируют внимание на *минимизации* даже коллективных форм заботы. Например, не следует злоупотреблять ими применительно к детям: «у детей будет больше времени, чтобы просто быть детьми, что обратит вспять сокращение игрового времени, наблюдаемое во многих странах в последние десятилетия»[38]. В эпоху растущей конкуренции за качество человеческого капитала

[38] *Ibid.: 140.*

подобное заявление выглядит как предложение оставить детей в покое и не заниматься их развитием. В условиях, когда школа находится в глубоком кризисе и, возможно, нуждается в уменьшении численности классов и снижении нагрузки на учителей, легко поддаться соблазну «сокращения затрат», предоставив воспитание и образование неким группам друзей по коммунальной квартире (или так называемому коливингу).

В конечном счете Срничек и Хестер признают некоторую непоследовательность собственной позиции: «более жесткое разделение труда могло бы обеспечить бóльшую специализацию и в итоге повысить его эффективность. Однако сокращение рабочей силы находится в противоречии с целью дать людям возможность гораздо более гибко менять свои роли, чем в настоящее время. Как всегда, выбор между различными вариантами — это не то, на что можно дать окончательный ответ, но он представляет собой реальное напряжение, с которым придется столкнуться миру»[39]. Что Срничек и Хестер упускают из вида, так это то, что реализация их предложений может потребовать даже большего количества труда, чем сегодня. Скажем, по-настоящему качественное общественное питание, учитывающее предпочтения и физиологические особенности каждого (в идеале — еще и экологически «устойчивое»). Или воспитание детей, предоставленных не самим себе или «сообществу друзей», живущих в коливинге, а профессионалам, не испытывающим выгорания от слишком массовых групп подопечных. Но в этом случае максимизация труда перекроет соблазнительную перспективу беззаботной жизни без него. Таким образом, утопия Срнчиека и Хестер сталкивается с фактически неразрешимым противоречием между ценностью свободы от труда (ценностью досуга) и ценностью заботы о других. Никуда не исчезнувшая потребность в труде, заботе и внимании разбивает миф о «достаточности» того, что уже произведено, а также о скором удовлетворении неких «базовых» потребностей всех.

[39] Hester and Srnicek 2023: 150.

Заключение. Нужен ли бедным «социализм»?

Мы затронули отнюдь не все узкие места современной левой политической теории, которые на данном этапе исторического развития представляются практически непреодолимыми. Но сказанного достаточно, чтобы усомниться в сочетаемости интересов тех групп, которые по идее должен объединить под своим крылом левый популизм. Разумеется, приведенные соображения вряд ли покажутся новыми для тех, кто знаком с изъянами западной политики идентичности. В конце концов, некоторые из этих изъянов осознаются и многими левыми теоретиками. К примеру, Вивек Чиббер пишет о том, что борьба с расизмом, сексизмом, гомофобией, трансфобией и прочими формами «угнетения» фактически была приручена капитализмом. Проблемы рабочего класса были забыты, и каждая вторая корпорация теперь с успехом пользуется «прогрессивностью» с целью привлечения внимания потребителей. Более того, постмодернистская критика европоцентризма и боль-

ших нарративов разрушила универсальную силу классового анализа[40]. Если применить это наблюдение к тому, о чем говорилось выше, придется констатировать, что мы не только не в состоянии провести четкую грань между борьбой с угнетением и борьбой за привилегии, но и не видим разницы между угнетением и эксплуатацией. Как уже упоминалось, любые попытки поставить во главу угла классовую борьбу теперь воспринимаются в штыки прогрессистскими левыми, которые объясняют все негативные социальные явления *прежде всего* расизмом, сексизмом, гомофобией, а не неравенством материальных возможностей.

[40] Chibber 2022.

В книге «Левый не значит проснувшийся»[41] Сьюзан Нейман критикует воукизм[42] за *эпистемологию позиции* (standpoint epistemology), согласно которой угнетатели никогда не смогут понять опыт угнетенных и не должны иметь права «присваивать» их культуру. Она показывает, что выпады левых в адрес Просвещения, которое обвиняется в универсализации рационалистического взгляда белых европейцев, попросту безосновательны, так как ключевые теоретики Просвещения (в частности, Дени Дидро и Иммануил Кант) осуждали практики колониализма. Сегодня же эпистемология позиции способствует отчуждению людей друг от друга, порождает *трайбализм* (точнее, войну всех против всех), поскольку у разных культурных групп не остается общего языка, общего символического пространства, общей *человечности*.

[41] Neiman 2023.

[42] Wokeism (от афроамериканского жаргонного слова «woke», в свою очередь восходящего к англ. «wake» — «просыпаться») — движение «проснувшихся» и осознавших масштабы существующих в обществе привилегий, поддерживающее леволиберальную политику идентичности.

Однако, что примечательно, ни Чиббер, ни Нейман не высказываются против современной политики идентичности *per se*. То есть они придерживаются все того же левого популизма, нацеленного на объединение всех эксплуатируемых и угнетенных, но с рядом поправок: для Чиббера это приоритет классовой борьбы, для Нейман — приоритет Разума. Но подобные поправки никак не решают тех проблем, о которых шла речь в настоящей статье. Более того, они лишь подливают масла в огонь всеобщего недоверия. Это видно, в частности, по тому, как Фрейзер фактически пытается разделить левых, провоцируя внутренний конфликт в левопопулистском движении: «что необходимо, так это стратегия разделения, направленная на усиление двух крупных расколов. Менее привилегированных женщин, иммигрантов и цветных нужно отвратить от консервативных феминисток, меритократических антирасисток, основного движения ЛГБТК+, сторонников корпоративного разнообразия и подставных лиц зеленого капитализма, которые похитили их интересы, исказив их в терминах соответствия неолиберализму. На это нацелена недавняя феминистская инициатива, которая стремится установить „феминизм для 99%“. Другие освободительные движения должны скопировать эту стратегию, заставить Ржавый пояс, южные и сельские рабочие сообщества покинуть своих нынешних крипто-неолиберальных союзников. Хитрость в том, чтобы убедить их, что силы, пропагандирующие милитаризм, ксенофобию и этнонационализм, не в состоянии и не станут обеспечивать им материальные предпосылки, необходимые для хорошей жизни, тогда как прогрессивно-популист-

ский блок вполне может это сделать»[43]. Но нет ли здесь настоящей *хитрости*, попытки тех, кто de facto борется за привилегии или за свою *личную* свободу от нужды, заманить часть бедных и социально уязвимых в ловушку левого популизма?

[43] *Fraser 2019: 51.*

На наш взгляд, сама идея социализма в современных условиях может порождать иллюзию, что *любая* борьба за справедливость и равенство является необходимым этапом прогрессивного движения к светлому социалистическому (а то и коммунистическому) будущему. Она также может побудить очень многих поступиться своими интересами — от ни в чем не повинных белых (и, к слову, азиатов), чьи заявки на поступление в университеты отклоняются в пользу получивших значительно худшие баллы чернокожих, никогда не страдавших от реального рабства или вовсе недавно иммигрировавших в страну, до рабочих в сырьевых секторах экономики, вынужденных мириться с утратой работы ради спасения от вымирания редких видов флоры или фауны где-то на другом конце планеты. Слово «социализм» фактически стало сегодня не столько даже пустым означающим, сколько означающим крайне разные или диаметрально противоположные вещи. В качестве социалистического может рассматриваться, например, общество отменивших гендер и семью минималистов, живущих в экопоселениях и отказавшихся от благ цивилизации ради спасения природы (к чему активно призывают многочисленные сторонники идеи дероста (degrowth)[44]). Но так же может называться и общество максималистов, стремящихся к наиболее полному раскрытию личностного потенциала каждого, для которых расслабленное посттрудовое существование равнозначно эгоизму и отсутствию внимания к страданиям стареющих и умирающих. Причем в глазах таких максималистов социальные различия могут представать не поводом для зависти и ресентимента, а основанием для взаимодополняющей любви.

[44] *См., напр. Nelson 2022.*

В связи с этим представляется вполне вероятным, что в условиях, когда за рассуждениями об общей борьбе против угнетения и эксплуатации может скрываться стремление к привилегиям и скрытая *враждебность*[45], наиболее бедные и социально уязвимые все чаще будут присматриваться к специфике *собственного* положения и *собственных* интересов, а не к популистским проектам, обещающим социализм там, где его в принципе быть не может. Возможно, самое ценное и актуальное для масс в нынешнем социализме — не абстрактные теории и умозрительные образы будущего, а стратегии борьбы «каждого за свое».

[45] *В шмиттианском смысле — как подсознательное, а то и открыто декларируемое неприятие «другого», экзистенциальная нетерпимость.*

Библиография

Маркс К. (1962) «Капитал. Критика политической экономии. Т. 3» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 25. Ч. 2. М.: Изд-во политической литературы.

Маркс К. и Ф.Энгельс. (1955) «Святое семейство, или Критика критической критики» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Сочинения*. Т. 2. М.: Изд-во политической литературы: 3—230.

Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.

Chibber V. (2022) *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press.

Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory.* Durham: Duke University Press.

DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press.

Fraser N. (2019) *The Old Is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. New York: Verso.

Garo I. (2023) *Communism and Strategy: Rethinking Political Mediations*. New York: Verso.

Gotby A. (2023) *They Call It Love: The Politics of Emotional Life*. New York: Verso.

Harmange P. (2022) *I Hate Men: More Than a Banned Book, the Must-Read on Feminism, Sexism and the Patriarchy for Every Woman*. London: Fourth Estate.

Hester H. and N.Srnicek. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time.* New York: Verso.

Lowrey A. (2018) *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World.* New York: Crown.

Mac Donald H. (2023) *When Race Trumps Merit: How the Pursuit of Equity Sacrifices Excellence, Destroys Beauty, and Threatens Lives*. Nashville: DW Books.

Marcuse H. (1969) *An Essay on Liberation*. Boston: Beacon Press.

Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. New York: Verso.

Mouffe C. (2022) *Towards a Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects*. New York: Verso.

Neiman S. (2023) *Left Is Not Woke*. Cambridge: Polity.

Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy.* London: Pluto Press.

Paxton S. (2022) *How Capitalism Ends: History, Ideology and Progress*. London: Zero Books.

Pluckrose H. and J.Lindsay. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.

Srnicek N. and A.Williams. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.

D.A.Davydov

STUMBLING SOCIALISM, OR PROBLEMS OF LEFT-WING POPULISM

Dmitriy A. Davydov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: davydovdmitriy90@gmail.com.

Abstract. The first quarter of the 21st century became a time of revival of the idea of socialism. However, the working class is no longer the assumed main subject of the progressive change. The rise of left-wing populism is replacing workers' movements and corresponding parties. The key feature of such populism is its desire to unite all the oppressed and exploited in the struggle against capitalist "hegemony". This attitude is reflected, in particular, in the idea of intersectionality, according to which different "systems" of oppression (racism, sexism, homophobia, etc.) and capitalist exploitation are intertwined and can reinforce each other. This idea leads to constant allusions to the general, so to say, "people's" struggle against capitalism and various forms of oppression. Moreover, some leftist theorists directly insist on the necessity to turn to populism and build strategies for leftist "counter-hegemony".

The author thoroughly analyzes modern left-wing populist concepts and reveals serious flaws. The desire for justice and equality often disguises a thirst for privilege and radical hostility towards those who are viewed — often unfairly — as oppressors. Moreover, the struggle for socialism often means emphasizing freedom from labor for some, while ignoring economic hardships of others. The author classifies the contradictions of left-wing populism as insurmountable due to the impossibility of disentangling between the struggle for equality and for the private interests of individual groups. According to his conclusion, under the conditions when zero-sum games are inevitable, for the poor and socially vulnerable strategies for defending their own interests will become increasingly profitable and attractive in contrast to both populist projects and the idea of socialism per se, which increasingly implies the abandonment of these interests without guarantees of any returns in the future.

Keywords: socialism, left populism, counter-hegemony, anti-capitalism, intersectionality, identity politics

References

Bohrer A.J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*. Bielefeld: Transcript-Verlag.

Chibber V. (2022) *The Class Matrix: Social Theory after the Cultural Turn*. Cambridge: Harvard University Press.

Collins P.H. (2019) *Intersectionality as Critical Social Theory.* Durham: Duke University Press.

DiAngelo R. (2018) *White Fragility: Why It's So Hard for White People to Talk About Racism*. Boston: Beacon Press.

Fraser N. (2019) *The Old Is Dying and the New Cannot Be Born: From Progressive Neoliberalism to Trump and Beyond*. New York: Verso.

Garo I. (2023) *Communism and Strategy: Rethinking Political Mediations*. New York: Verso.

Gotby A. (2023) *They Call It Love: The Politics of Emotional Life*. New York: Verso.

Harmange P. (2022) *I Hate Men: More Than a Banned Book, the Must-Read on Feminism, Sexism and the Patriarchy for Every Woman*. London: Fourth Estate.

Hester H. and N.Srnicek. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time.* New York: Verso.

Lowrey A. (2018) *Give People Money: How a Universal Basic Income Would End Poverty, Revolutionize Work, and Remake the World*. New York: Crown.

Mac Donald H. (2023) *When Race Trumps Merit: How the Pursuit of Equity Sacrifices Excellence, Destroys Beauty, and Threatens Lives*. Nashville: DW Books.

Marcuse H. (1969) *An Essay on Liberation*. Boston: Beacon Press.

Marx K. (1962) "Kapital. Kritika politicheskoj ekonomii. T. 3" [Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie. Vol. 3] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 25. Part 2. Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury. (In Russ.)

Marx K. and F.Engels. (1955) "Svjatoe semejstvo, ili Kritika kriticheskoj kritiki" [Die heilige Familie, oder Kritik der kritischen Kritik] // Marx K. and F.Engels. *Sochinenija* [Works]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury: 3—230. (In Russ.)

Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. New York: Verso.

Mouffe C. (2022) *Towards a Green Democratic Revolution: Left Populism and the Power of Affects*. New York: Verso.

Neiman S. (2023) *Left Is Not Woke*. Cambridge: Polity.

Nelson A. (2022) *Beyond Money: A Postcapitalist Strategy.* London: Pluto Press.

Paxton S. (2022) *How Capitalism Ends: History, Ideology and Progress*. London: Zero Books.

Pluckrose H. and J.Lindsay. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity — and Why This Harms Everybody*. Durham: Pitchstone Publishing.

Srnicek N. and A.Williams. (2016) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. New York: Verso.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-45-76

Ю.Г.Коргунюк

СТРУКТУРА РАЗМЕЖЕВАНИЙ И ИСКАЖЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Коргунюк Юрий Григорьевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: partinform@mail.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты проверки гипотезы, согласно которой вброс голосов в пользу «партии власти», искажая структуру электоральных размежеваний в деталях, не меняет ее принципиально. Проверка осуществлялась на материалах выборов 2016 и 2021 гг. в Государственную Думу РФ по пропорциональной системе с помощью следующей методики: в регионах, где в пользу «Единой России» предположительно делались вбросы, из результатов ЕР вычиталось определенное количество голосов в соответствии с разницей между максимальным и эффективным ареалами электорального размежевания, связанного с противостоянием «партии власти» и остальными участниками выборов. При расчетах использовались две модели: в первой порогом для вычета являлась полуторная разница между максимальным и эффективным ареалами, во второй — разница в 5%.

Применительно к выборам 2016 г. первая модель отняла у ЕР более 6,1 млн голосов, вторая — более 12,5 млн, в случае выборов 2021 г. — более 5 и более 10 млн соответственно. Тем не менее кардинального изменения структуры электоральных размежеваний, не говоря уже о ее обнулении, не произошло. Проведенное исследование показало, что, хотя вброс голосов в пользу «партии власти» искусственно выпячивает роль авторитарно-демократического противостояния, затушевывая остальные, сама структура электоральных размежеваний при этом в основном сохраняется. И эта структура хорошо прощупывается с помощью математических методов, прежде всего факторного анализа.

Ключевые слова: выборы по пропорциональной системе, политические партии, электоральные размежевания, политические измерения, электоральные фальсификации

Теория размежеваний (cleavage theory) Сеймура Липсета и Стейна Роккана[1] была создана в свое время для анализа социальных конфликтов, лежащих в основе становления и консолидации партийных систем в северной части Западной Европы. Применима ли эта концепция к странам с режимом электорального авторитаризма с его практикой административного проталкивания своих кандидатов, в том числе путем вброса бюллетеней в их пользу?

[1] *Lipset and Rokkan 1967.*

Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что значительная часть исторического периода, на материале которого построена концепция Липсета—Роккана, отличалась незрелостью партийной демократии. Избирательное право в Европе еще не было всеобщим, выборы по факту были не совсем равными, а то, что сегодня называют административным ресурсом, цвело пышным цветом. Все это не помешало, однако, появлению теории размежеваний.

Сходным образом обстоит дело и с современным авторитаризмом, который отнюдь не предполагает отмены выборов. Подавляющее большинство сегодняшних авторитарных режимов относится к так называемым электоральным автократиям, в которых на выборах проводится реальный подсчет голосов (во всяком случае, на большей части территорий). Такие автократии редко прибегают к тотальным фальсификациям: власть подбрасывает голоса своим кандидатам и партиям, но не подтасовывает результаты остальных участников — хотя бы потому, что не видит смысла в лишней работе.

Вброс бюллетеней, конечно же, искажает электоральное пространство, но до какой степени? Уничтожает ли он саму возможность определить структуру размежеваний — например, с помощью математических методов?

В настоящей статье представлены результаты поиска ответов на эти вопросы на материале выборов в Государственную Думу РФ.

Постановка задачи и методология исследования

Следует отметить, что с момента появления теории размежеваний предмет ее внимания несколько изменился. В первоначальном виде она пыталась объяснить относительную устойчивость западноевропейских партийных систем доминированием ряда фундаментальных конфликтов социальных интересов — недаром одним из ключевых пунктов концепции Липсета—Роккана была гипотеза, согласно которой после введения в европейских странах всеобщего избирательного права там установились партийные системы, застывшие (freezed) в своем развитии на несколько десятилетий.

К 1990-м годам, когда взгляд на размежевания как на фундамент стабильности партийных систем потерял убедительность, интерес к этой теории со стороны партологов снизился, сохранившись, однако, у исследователей массового политического сознания[2], которые рассматривают размежевания прежде всего как политические противостояния, имеющие социальный резонанс.

[2] *Huber and Inglehart 1995; Albright 2010; Lachat 2018; Rovny and Polk 2019; Rovny and Whitefield 2019 и др.*

Выявлять последние можно разными методами, в том числе математическими — например, с использованием факторного анализа результатов голосования по партийным спискам в различных территориальных единицах. Тем самым фиксируются факторы территориальных различий в партийном голосовании, которые при обнаружении у них политической интерпретации и социальной базы могут быть признаны электоральными размежеваниями (ЭР)[3].

[3] Ахременко 2007; Коргунюк 2013, 2017, 2019a, 2019b, 2023.

По каждому фактору факторный анализ присваивает переменным (variables), то есть партиям, факторные нагрузки (factor loadings), колеблющиеся в интервале от -1 до 1, а случаям (cases), то есть территориальным единицам, — факторные оценки (factor scores), которые колеблются в более широком диапазоне.

«Лицо» каждого из факторов определяют переменные с наиболее расходящимися факторными нагрузками. Так, в России начиная с 2003 г. в роли первого фактора (электорального размежевания) выступает противостояние «Единой России» и остальных партий, обычно более или менее оппозиционно настроенных[4]. Если у «партии власти» факторная нагрузка по этому фактору имеет положительный знак, то у ее оппонентов она будет отрицательной (знак нагрузки не имеет принципиального значения, главное — само наличие поляризации). Наиболее высокие по модулю факторные оценки получают те регионы, где поддержка «Единой России» была наибольшей либо, наоборот, наименьшей (разумеется, с противоположными знаками).

[4] Коргунюк 2013, 2017, 2019a, 2019b, 2023.

Доминирующий характер размежевания по линии «„Единая Россия“ против всех остальных» вполне можно объяснить административным давлением на избирателей и даже откровенным вбросом бюллетеней. Однако не все так просто.

Злоупотребления административным ресурсом родились не в 2000-х годах. Правильнее сказать, что они никуда не девались с советских времен. На первых более или менее свободных выборах 1989—1991 гг. они работали на кандидатов от КПСС, в 1990-х годах — на кандидатов, близких к региональным и местным властям, которые в разных субъектах Федерации отдавали предпочтение разным партиям. В 2000-х годах административный ресурс был централизован и стал использоваться исключительно в интересах «Единой России». Его применение сразу стало заметным, и на смену господствовавшему в 1990-х годах размежеванию между советскими традиционалистами (коммунистами) и либералами-рыночниками пришло размежевание по линии «власть—общественность»[5], «власть—невласть»[6].

[5] Коргунюк 2013, 2017.

[6] Мелешкина 2004.

Но административный ресурс не сводится к фальсификациям и вбросу бюллетеней, главный его смысл — манипулирование сознанием избирателей. Поэтому в доминировании «Единой России» имеется не только фальсификационная, но и пропагандистская составляющая. И вопрос даже не в соотношении этих двух компонентов, а в том, насколько фальсификации искажают структуру и иерархию электоральных размежеваний.

Выяснить это можно путем сравнения конфигурации электорального и политического пространств. Если фальсификации играют решающую роль в обеспечении главенствующего положения «Единой России», эти пространства не конгруэнтны. Если же в политическом пространстве сложилась система противостояний, одно из которых связано с особым местом «Единой России», ведущую роль в доминировании «партии власти» играет все-таки пропагандистский компонент.

Как же сравнивать конфигурацию электорального и политического пространств? Мы используем для этого корреляционный анализ факторных нагрузок партий в обоих пространствах.

Факторные нагрузки партий в электоральном пространстве выявляются путем факторного анализа результатов (долей голосов), полученных партиями в различных территориальных единицах. Факторные нагрузки партий в политическом пространстве — посредством факторного анализа позиций тех же партий по актуальным вопросам политической повестки, порождающим наибольшую поляризацию в межпартийной дискуссии[7].

Оценки партийным позициям проставляются по шкале от -5 до +5, где -5 — резко отрицательная позиция, +5 — сугубо положительная, а 0 — центристская или отсутствующая (в соответствии с принципом: «и нашим и вашим» = «ни нашим ни вашим»)[8]. Затем проводится факторный анализ этих оценок, в результате чего также выделяются факторы, которые мы вслед за Иэном Баджем и его коллегами по проекту «Манифесто»[9] будем называть политическими измерениям (issue dimensions).

Факторные нагрузки позволяют определить главных участников соответствующих противостояний, а факторные оценки, присваиваемые вопросам (cases), помогают понять, какие из них в наибольшей степени поляризуют партийные позиции по каждому из факторов (измерений), поскольку самые большие по модулю факторные оценки как раз у таких вопросов.

При этом интерпретация данных измерений носит многоступенчатый характер. Сначала вопросы разбиваются на четыре предметные области (issue domains): 1) внутренняя политика; 2) социально-экономическая сфера; 3) внешняя политика; 4) мировоззренческие вопросы. Каждая из областей подвергается факторному анализу отдельно, в результате внутри них выделяются субизмерения.

Так, в ходе избирательной кампании 2021 г. из 186 вопросов, вызвавших поляризацию партийных позиций, 51 относился к внутриполитической сфере, 54 — к социально-экономической, 46 — к внешнеполитической, 42 — к мировоззренческой.

Во внутриполитическом домене факторный анализ выделил три противостояния (субизмерения):

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против всех остальных). Вопросы, вызвавшие наибольшую поляризацию, — использование властью административного ресурса на выборах, расшире-

[7] Материалы, на основе которых определяются партийные позиции по актуальным вопросам политической повестки, можно найти в базе данных «ПартАрхив» (http://www.partinform.ru/pa98). С 2015 г. мониторинг партийных позиций по этим вопросам ведется в ежедневном режиме с ежеквартальными замерами.

[8] Подробнее о методике см. Коргунюк 2013, 2017, 2019a, 2019b, 2023.

[9] Budge, Robertson, and Hearl (eds) 1987.

ние полномочий представительной власти, всенародное избрание глав местного самоуправления, отмена муниципального фильтра, практика многодневного голосования, ограничения на проведение митингов;

2) лоялисты против оппозиционеров («Родина», «Зеленые», «Гражданская платформа» и др. против Российской партии социальной справедливости[10], «Яблока» и КПРФ). Поляризующие вопросы — оценка политического режима в России как авторитарного, отношение к Владимиру Путину и его поправкам к Конституции;

3) особая позиция «Зеленой альтернативы» по ряду вопросов, в основном связанных с борьбой с коронавирусом.

[10] Далее — РПСС.

Первые два из этих субизмерений можно охарактеризовать как разновидности авторитарно-демократического противостояния, которое присутствовало в Западной Европе (особенно в южных ее регионах) на протяжении значительной части XX в., но утратило актуальность после развала «социалистического лагеря». Вместе с тем оно до сих пор широко распространено в постсоветских странах и Латинской Америке[11], а в последнее время дает о себе знать и в некоторых странах Центральной и Восточной Европы[12].

[11] Torcal and Mainwaring 2002; Stoll 2004: 32; Ахременко 2007.

[12] Sata and Karolewski 2020.

В социально-экономической сфере были выявлены три субизмерения:

1) власть против оппозиции («Единая Россия» против остальных). Поляризующие вопросы — возвращение прежнего пенсионного возраста, отмена взносов на капремонт, отношение к «оптимизации» здравоохранения и образования, «мусорной» реформе, политике Центробанка и правительства и т.п.;

2) либералы («Новые люди», Партия роста, «Яблоко») против «Зеленой альтернативы». Поляризующие вопросы — «мусорная» реформа, распределение между гражданами природной ренты (безусловный базовый доход), перераспределение налогов в пользу регионов и муниципалитетов и некоторые другие (по большинству из них у «Зеленой альтернативы» позиция отсутствовала);

3) либералы и экологисты против социал-протекционистов (КПРФ, «Коммунисты России», «Справедливая Россия — Патриоты — За правду»[13], Российская партия пенсионеров за социальную справедливость[14]). Поляризующие вопросы — «мусорная» реформа, распределение природной ренты, преимущества частной собственности перед государственной, пересмотр итогов приватизации 1990-х годов.

[13] Далее — СРЗП.

[14] Далее — Партия пенсионеров.

Первое из этих субизмерений — вполне типичное для всех режимов противостояние власти и оппозиции (оппозиция всегда критикует правящую партию, особенно в вопросах социальной политики), второе связано скорее с выходом на сцену «Зеленой альтернативы», а вот третье можно квалифицировать как доминировавшее на европейской сцене на протяжении практически всей второй половины XX в. социально-экономическое противостояние по поводу «соотношения уровня нало-

говой нагрузки и социальных обязательств»[15] и измеряющееся шкалой «социальное обеспечение — налоги»[16].

[15] *Гайдар 2005: 635.*

[16] *Далтон 2004: 240.*

В области внешней политики были обнаружены три субизмерения:

1) «ястребы» против «голубей» (коммунисты и «патриоты» против «Яблока» при нейтралитете «Новых людей» и «Зеленой альтернативы»). Поляризующие вопросы — Крым, Украина, внешняя политика российского руководства, приоритет российского права над международным, малайзийский «Боинг» и др.;
2) авторитаристы против демократов (КПРФ, «Единая Россия», «Родина» против экологистов, РПСС и либералов). Поляризующие вопросы — закон о нежелательных организациях, события 2020 г. в Белоруссии и др.;
3) «Новые люди» против РПСС и СПЗП. Поляризующие вопросы — контроль над деятельностью иностранных соцсетей и IT-ресурсов, необходимость жесткого внешнеполитического курса, внешнеполитический поворот России на восток и др.

В мировоззренческой сфере были зафиксированы четыре субизмерения:

1) либералы («Яблоко») против консерваторов (коммунисты, «Родина», СПЗП). Поляризующие вопросы — защита традиционных ценностей, преследование за пропаганду ЛГБТ, отказ от ЕГЭ, патриотическое воспитание молодежи и пр.;
2) советские традиционалисты (КПРФ и «Коммунисты России») против прогрессистов (Партия роста, «Зеленые», «Новые люди»). Поляризующие вопросы — отношение ко Дню России (12 июня), преимущество частной собственности перед государственной, самобытный путь России, неприятие капитализма, Октябрьская революция;
3) «Новые люди» против «Родины», ЛДПР, «Зеленой альтернативы» и «Единой России». Поляризующие вопросы — ограничения, связанные с коронавирусом, самобытный путь России, госконтроль над просветительской деятельностью, отношение к Ельцину;
4) «Единая Россия» против РПСС и «Гражданской платформы» (расхождения по частным пунктам).

В свою очередь факторный анализ партийных позиций по всем 186 вопросам выявил четыре основных политических измерения, первое из которых сильнее всего коррелировало с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, второе — с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике и лоялистов и оппозиционеров в политике внутренней, третье — с противостоянием советских традиционалистов и прогрессистов в мировоззренческой области, четвертое — с противостоянием либералов и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и особой позицией «Зеленой альтернативы» по вопросам внутренней политики.

Но вернемся к электоральным размежеваниям, то есть факторам территориальных различий в партийном голосовании. Чтобы выяснить,

имеют ли они политическую интерпретацию, надо сравнить факторные нагрузки партий внутри электоральных размежеваний с их факторными нагрузками во всех выделенных ранее политических измерениях и субизмерениях.

Как будет показано ниже, согласно результатам корреляционного анализа первый из трех выявленных на думских выборах 2021 г. факторов территориальных различий в партийном голосовании наиболее тесно связан с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение), но также и с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, а заодно и со вторым основным политическим измерением, представляющим собой симбиоз внешнеполитического («ястребы»—«голуби») и авторитарно-демократического противостояний. Второй фактор в наибольшей степени связан с противостоянием либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере, но также и с противостоянием рыночников и социал-протекционистов. Третий фактор территориальных различий в партийном голосовании сильных корреляций с политическими измерениями и субизмерениями не имел и поэтому электоральным размежеванием признан быть не может.

Таким образом, мы видим, что первое электоральное размежевание политически интерпретируется как противостояние власти и оппозиции во внутриполитической и социально-экономической сферах. Следовательно, оно вряд ли является продуктом чистого накачивания результатов «Единой России» приписками и фальшивыми бюллетенями.

Конечно, не секрет, что выборы в сегодняшней России сопровождаются массовыми нарушениями и в стране существуют целые зоны тотальной фальсификации[17]. Сергей Шпилькин и Андроник Арутюнов оценили вбросы в пользу «Единой России» на думских выборах 2016 г. в 12 с небольшим миллионов голосов, а на выборах 2021 г. — примерно в 14 млн[18].

[17] Лукьянова и Порошин 2022.

[18] Шпилькин и Арутюнов 2022: 360, 364.

Но насколько эти вбросы, даже если оценки их масштаба верны, повлияли на структуру электоральных размежеваний? Несомненно, приписывание «Единой России» лишних голосов искажает связь между политическим и электоральным пространствами. Судя по всему, оно увеличивает коэффициент корреляции между факторными нагрузками «Единой России» по первому основному размежеванию в электоральном пространстве и властно-оппозиционными субизмерениями в пространстве политическом. Но оно не создает эту связь с нуля. Ведь в электоральном пространстве «Единая Россия» существует не в одиночестве. Вброс голосов меняет показатели «партии власти», но не остальных участников. Поэтому если вычесть из результатов «Единой России» вброшенные голоса, то коэффициенты корреляции между факторными нагрузками партий по тому или иному электоральному размежеванию и их факторными нагрузками в политических измерениях изменятся, но вряд ли обнулятся.

Однако как вычислить количество «неправедно нажитых» голосов? Здесь могут пригодиться предложенные нами ранее инструменты измерения электоральных размежеваний, а именно коэффициенты их максимального и эффективного ареалов[19]. Рассчитываются они следующим образом.

[19] *Коргунюк 2019b.*

Известны доли голосов, полученных партиями на выборах, а их факторные нагрузки указывают на степень вовлеченности партии в каждое из размежеваний. Если перемножить проценты голосов и факторные нагрузки партий по каждому из размежеваний, получится своего рода коэффициент их участия в данных размежеваниях. Эти значения будут иметь отрицательный либо положительный знак в зависимости от того, какую сторону противостояния занимает соответствующая партия.

Сложив все эти коэффициенты участия без учета знака, мы получим коэффициент *максимального ареала* электорального размежевания, указывающий на максимально возможное число охваченных размежеванием избирателей. Он вычисляется по формуле:

$$Mc = \sum_{p}^{n} |FL\mathbf{p}|,$$

где p — доля голосов, полученных каждой партией по пропорциональной системе; n — количество партий, участвовавших в выборах; $|FL\mathbf{p}|$ — модуль факторной нагрузки каждой партии по данному размежеванию.

Но этот коэффициент отражает именно *максимально* возможное число избирателей, втянутых в сферу данного размежевания. На практике оно ниже, и иногда значительно. Ведь если одна из сторон намного превосходит другую, о равной борьбе речи не идет. Скорее всего, состязание происходит на периферии ареала более сильного противника. Поэтому полезнее ориентироваться на слабейшую сторону, показатели которой сообщают, для какой части электората борьба была относительно конкурентной.

Отсюда возникает понятие *эффективного ареала* электорального размежевания, коэффициент которого рассчитывается путем удвоения ареала слабейшей стороны противостояния по формуле:

$$Ec = Mc_{min},$$

где Mc_{min} — максимальный ареал более слабой стороны размежевания.

Близость значений этих коэффициентов говорит о высоком уровне конкуренции, а их заметное расхождение — о низком. Так, на выборах президента США в 2016 г. максимальный и эффективный ареалы размежевания «Трамп против Клинтон» почти совпадали (оба более 90%)[20], тогда как на выборах президента РФ в 2018 г. аналогичное соотношение применительно к размежеванию «Путин против остальных» составляло 79 к 28[21].

[20] *Коргунюк 2020: 66.*

[21] *Коргунюк 2018: 45—46.*

Разумеется, было бы неверно утверждать, что преимущество Путина обеспечено исключительно вбросами. Сильное расхождение между максимальным и эффективным ареалами может объясняться и другими причинами. В частности, на первых президентских выборах в России (1991 г.) максимальный и эффективный ареалы электорального размежевания «Ельцин против остальных» соотносились как 78 к 45[22], хотя административный ресурс на этих выборах применялся не за, а против будущего главы РФ. Тем не менее коэффициенты максимального и эффективного ареалов различались более чем в полтора раза, и эта разница объясняется тем, что в глазах значительной части электората Ельцин был «кандидатом надежды».

[22] Коргунюк 2018: 49—50.

«Единая Россия» на выборах 2021 г. никаких надежд не олицетворяла. Значительная разница между максимальным и эффективным ареалами электорального размежевания «„Единая Россия“ против остальных» была обусловлена монополией «партии власти» в информационном пространстве и прямыми фальсификациями. Последние нас интересуют в первую очередь.

Как измерить степень их воздействия? Соответствующие математические методики предложены Шпилькиным[23], но мы использовали другую, основанную на разнице между максимальным и эффективным ареалами размежевания «„Единая Россия“ против остальных» на уровне отдельных субъектов Федерации. В качестве случаев выступали территориальные избирательные комиссии, действовавшие в муниципальных районах и городских округах. Поскольку в некоторых субъектах РФ таких ТИК слишком мало, при расчетах эти субъекты объединялись с ближайшими регионами: Ненецкий автономный округ — с Архангельской областью, Еврейская автономная область — с Амурской, Севастополь — с Крымом.

[23] Шпилькин и Арутюнов 2022.

Таким образом, расчеты проводились по 82 территориальным единицам. В 2021 г. зафиксированное в них число факторов территориальных различий в партийном голосовании колебалось от двух до шести[24]. В большинстве регионов присутствовало электоральное размежевание «„Единая Россия“ против остальных»; при этом иногда «партия власти» противостояла другим участникам не в одиночку, а в компании с кем-нибудь — чаще всего с ЛДПР, «Гражданской платформой» и, как ни странно, «Коммунистами России».

[24] Коргунюк 2023.

Максимальный и эффективный ареалы рассчитывались по двум моделям. Первую можно назвать щадящей. Если разница между коэффициентами максимального и эффективного ареалов электорального размежевания, связанного с противостоянием «Единой России» и других участников выборов, превышала 50%, из действительных бюллетеней и бюллетеней, отданных за «Единую Россию», вычиталось некоторое число голосов — оно рассчитывалось исходя из того, что значения этих коэффициентов указывают на проценты от суммы действительных и недействительных бюллетеней[25].

[25] Разумеется, эти расчеты весьма приблизительны, но в данном случае важнее, какое количество голосов отнимать у «Единой России» в каждом из регионов.

Если статистическая значимость коэффициента связи данного электорального размежевания с политическим (суб)измерением была выше 0,05, но ниже 0,1, из действительных бюллетеней и бюллетеней за «партию власти» вычитался процент голосов, выходящий за пределы разницы между максимальным и эффективным ареалами в 1,25 (предполагалось, что в этом случае «насилие» над структурой размежеваний было более серьезным.)

Вторая модель более жесткая: из действительных бюллетеней и бюллетеней, отданных за «Единую Россию», вычитались голоса, оказавшиеся «лишними» при разнице между максимальным и эффективным ареалами в 1,05[26].

[26] При разработке моделей мы руководствовались тем соображением, что разница между максимальным и эффективным ареалами существует в любом случае; 5% — это, конечно, немало, но и нулевым разрыв делать нельзя.

Результаты вычислений по думским выборам 2021 и 2016 гг. приведены ниже.

Выборы-2021

Как уже упоминалось, факторный анализ результатов голосования по партийным спискам на думских выборах 2021 г. выявил три фактора территориальных различий (см. *табл. 1*). Первый из них представлял собой размежевание между «Единой Россией» (факторная нагрузка — 0,96) и остальными участниками, прежде всего Партией пенсионеров (-0,887), «Новыми людьми» (-0,855), «Зеленой альтернативой» (-0,81), «Коммунистами России» (-0,784) и ЛДПР (-0,713). Второй заключался в противостоянии «старых» рыночных либералов («Яблоко» и Партия роста) коммунистам (КПРФ и «Коммунисты России»), третий — в конкуренции «Гражданской платформы» с «Родиной», СРЗП и ЛДПР.

Корреляционный анализ связей факторных нагрузок партий в электоральном и политическом пространствах показал, что первый фактор территориальных различий наиболее тесно (0,743) связан с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение), чуть меньше — с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере (0,626) и, наконец, со вторым основным политическим измерением (0,608), которое, повторим, представляло собой симбиоз внешнеполитического («ястребы»—«голуби») и авторитарно-демократического противостояний. Второй фактор сильнее всего был связан с противостоянием либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере (-0,751), но вместе с тем и с противостоянием рыночников и социал-протекционистов (-0,534). У третьего фактора статистически значимых связей с политическим пространством не обнаружено (см. *табл. 2*).

Что касается коэффициентов максимального и эффективного ареалов, то у первого электорального размежевания они составили 80,54 и 65,69, у второго — 20,55 и 20,11. Иными словами, даже у первого ЭР разница оказалась не очень велика, у второго же — вообще минимальна. Но это на федеральном уровне. Совсем другое дело — уровень региональный.

Таблица 1 **Факторы территориальных различий в голосовании за партии в 85 субъектах РФ на выборах 2021 г.**

Variable	*Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)*		
	Factor 1	*Factor 2*	*Factor 3*
Недействительные бюллетени	**-0,801**	0,210	0,027
КПРФ	-0,686	0,402	0,158
«Зеленые»	-0,629	-0,091	0,206
ЛДПР	**-0,713**	0,170	-0,251
«Новые люди»	**-0,855**	0,167	0,162
«Единая Россия»	**0,960**	-0,152	0,040
СПЗП	-0,571	-0,054	-0,325
«Яблоко»	-0,476	**-0,756**	-0,027
Партия роста	-0,300	**-0,815**	0,034
РПСС	-0,617	-0,318	0,100
«Коммунисты России»	**-0,784**	0,272	0,025
«Гражданская платформа»	0,019	-0,042	0,870
«Зеленая альтернатива»	**-0,810**	-0,351	0,060
«Родина»	-0,063	-0,147	-0,377
Партия пенсионеров	**-0,887**	0,128	-0,094
Expl.Var	6,757	1,871	1,189
Prp.Totl	45,04%	12,47%	7,92%

Таблица 2 **Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах 2021 г.**

Variable	*Marked correlations are significant at p < ,05000 N=14 (Casewise deletion of missing data)*		
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*
Политическое измерение — 2	**0,608**	0,396	-0,021
	p=0,021	p=0,161	p=0,944
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	**0,743**	-0,011	0,141
	p=0,002	p=0,971	p=0,631
Социально-экономическая сфера: власть—оппозиция	**0,626**	-0,208	0,256
	p=0,017	p=0,476	p=0,377
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	0,038	**-0,534**	0,381
	p=0,898	**p=0,049**	p=0,179
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	-0,044	**-0,751**	0,259
	p=0,881	**p=0,002**	p=0,372

Как видно из *табл. 3*, только в трех регионах — Карелии, Хакасии и Камчатском крае — не было ни одного электорального размежевания, где «Единая Россия» противостояла бы остальным участникам. В 22 регионах (включая Москву) разница между максимальным и эффективным ареалами этого электорального размежевания превышала 50%, еще в 40 — 5%. Самая большая доля лишних голосов в пользу «партии власти» вполне ожидаемо обнаружилась в республиках Северного Кавказа, Туве, Татарстане, Ямало-Ненецком АО, Кемеровской области.

Таблица 3 (Начало) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,05*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Чечня	85,84	4,45	19,27	СЭ-ВО	81,16	79,15
Дагестан	77,05	13,27	5,81	СЭ-ВО*	63,12	60,46
Тува	93,91	22,39	4,19	СЭ-ВО	70,39	60,32
Ингушетия	73,06	16,00	4,57	ПИ-2	56,26	49,06
Кабардино-Балкария	88,09	27,15	3,24	ВП-ВО	59,57	47,36
Карачаево-Черкесия	65,38	13,43	4,87	ВП-ВО	51,27	45,23
Татарстан	94,00	33,22	2,83	СЭ-ВО	59,11	44,16
Северная Осетия	57,66	9,74	5,92	Внеш-АД	47,43	43,04
Ямало-Ненецкий АО	80,38	29,58	2,72	ВП-ВО	49,32	36,01
Кемеровская обл.	77,39	29,59	2,62	ВП-ВО	46,32	33,00
Башкортостан	73,37	34,16	2,15	ВП-ВО	37,49	22,12
Адыгея	87,72	46,87	1,87	ВП-ВО	38,51	17,41
Ставропольский край	84,75	45,76	1,85	ВП-ВО	36,70	16,11
Краснодарский край	78,70	43,35	1,82	СЭ-ВО	33,18	13,68
Брянская обл.	85,75	48,34	1,77	ВП-ВО	35,00	13,24
Волгоградская обл.	70,41	38,63	1,82	ПИ-1	29,85	12,47
Мордовия	88,09	52,27	1,69	ВП-ВО	33,21	9,68
Крым + Севастополь	83,85	49,46	1,70	ВП-ВО	31,91	9,66
Тамбовская обл.	75,74	46,26	1,64	ВП-ВО	27,17	6,35
Москва	42,87	25,69	1,67	ПИ-2	15,90	4,34
Якутия	60,52	37,90	1,60	Внеш-АД	20,72	3,67
Саратовская обл.	78,71	51,63	1,52	ВП-ВО	24,50	1,27
Тульская обл.	82,97	64,73	1,28	ВП-ВО	15,00	-

Таблица 3 (Продолжение) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,05*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Воронежская обл.	90,70	72,89	1,24	ВП-ВО	14,16	-
Калужская обл.	52,42	36,74	1,43	СЭ-НЛ-Ло	13,85	-
Ростовская обл.	81,03	64,27	1,26	ВП-ВО	13,55	-
Пензенская обл.	93,13	76,11	1,22	ВП-ВО	13,22	-
Курганская обл.	48,37	34,87	1,39	ПИ-2	11,75	-
Тюменская обл.	84,96	70,89	1,20	ВП-ВО	10,53	-
Свердловская обл.	54,77	42,65	1,28	СЭ-ВО	9,99	-
Республика Коми	58,94	47,75	1,23	СЭ-НЛ-Ло	8,80	-
Курская обл.	57,51	47,19	1,22	ПИ-2	7,96	-
Марий Эл	51,46	41,47	1,24	Внеш-АД	7,92	-
Московская обл.	72,95	62,18	1,17	ВП-ВО	7,67	-
Республика Алтай	72,04	61,46	1,17	-	7,51	-
Нижегородская обл.	82,83	72,28	1,15	ВП-ВО	6,93	-
Пермский край	50,81	41,81	1,22	СЭ-НЛ-Ло	6,91	-
Вологодская обл.	37,47	29,24	1,28	Внеш-ЯГ	6,76	-
Ивановская обл.	52,14	43,72	1,19	МВ-НЛ-ЗА	6,23	-
Забайкальский край	54,90	46,36	1,18	СЭ-НЛ-Ло	6,23	-
Ульяновская обл.	85,21	75,57	1,13	ВП-ВО	5,86	-
Белгородская обл.	90,53	80,75	1,12	ВП-ВО	5,75	-
Костромская обл.	29,48	22,68	1,30	Внеш-АД	5,66	-
Магаданская обл.	89,45	79,80	1,12	СЭ-ВО	5,66	-
Омская обл.	70,99	63,01	1,13	СЭ-НЛ-Ло	4,82	-
Ленинградская обл.	77,56	69,84	1,11	СЭ-ВО	4,23	-
Приморский край	70,01	63,34	1,11	СЭ-НЛ-Ло	3,50	-
Новгородская обл.	59,08	52,95	1,12	ВП-ВО	3,49	-
Сахалинская обл.	71,57	65,04	1,10	ПИ-1	3,28	-
Челябинская обл.	44,91	39,80	1,13	Внеш-АД	3,12	-
Кировская обл.	31,91	28,09	1,14	ПИ-2	2,42	-
Мурманская обл.	65,53	60,11	1,09	СЭ-ВО	2,41	-
Липецкая обл.	87,13	81,13	1,07	ВП-ВО	1,95	-
Псковская обл.	67,32	62,33	1,08	ВП-ВО	1,87	-

Таблица 3 (Продолжение) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,05*	*«Лишние» голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Красноярский край	53,53	49,33	1,09	МВ-НЛ-ЗА	1,73	-
Санкт-Петербург	61,27	56,79	1,08	ВП-ВО	1,64	-
Орловская обл.	70,51	65,77	1,07	СЭ-НЛ-Ло	1,46	-
Рязанская обл.	87,29	82,11	1,06	ВП-ВО	1,07	-
Тверская обл.	68,30	64,44	1,06	СЭ-НЛ-Ло	0,64	-
Иркутская обл.	51,06	48,19	1,06	ПИ-1	0,46	-
Удмуртия	74,19	70,24	1,06	ПИ-2	0,44	-
Оренбургская обл.	59,76	56,70	1,05	ПИ-2	0,23	-
Алтайский край	65,57	63,94	1,03	СЭ-ВО	-	-
Амурская обл. + ЕАО	75,35	72,68	1,04	ВП-ВО	-	-
Архангельская обл. + Ненецкий АО	60,78	58,90	1,03	ВП-ВО	-	-
Астраханская обл.	78,25	63,21	1,24	ВП-ВО	-	-
Бурятия	82,84	82,60	1,00	ВП-ВО	-	-
Владимирская обл.	76,91	74,98	1,03	СЭ-НЛ-Ло	-	-
Калининградская обл.	76,14	75,88	1,00	ВП-ВО	-	-
Калмыкия	78,61	76,95	1,02	СЭ-ВО	-	-
Новосибирская обл.	68,98	67,31	1,02	ПИ-2	-	-
Самарская обл.	87,39	86,41	1,01	ВП-ВО	-	-
Смоленская обл.	68,20	65,65	1,04	ПИ-2	-	-
Томская обл.	69,86	67,88	1,03	ПИ-2	-	-
Хабаровский край	37,16	35,93	1,03	СЭ-ВО	-	-
Ханты-Мансийский АО	79,99	79,54	1,01	ВП-ВО	-	-
Чувашия	73,52	71,85	1,02	ВП-ВО	-	-
Чукотка	87,67	83,86	1,05	ВП-ВО	-	-
Ярославская обл.	48,02	47,19	1,02	СЭ-ВО	-	-
Камчатский край	-	-	-	-	-	-
Карелия	-	-	-	-	-	-
Хакасия	-	-	-	-	-	-

* — статистическая значимость коэффициента корреляции >0,05, но <0,1

Таблица 3 (Окончание) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2021 г.**

Расшифровка аббревиатур:
Мс — максимальный ареал электорального размежевания;
Ес — эффективный ареал электорального размежевания;
ВП-ВО — внутриполитическая сфера: власть—оппозиция;
Внеш-АД — внешнеполитическая сфера: авторитаристы—демократы;
Внеш-ЯГ — внешнеполитическая сфера: «ястребы»—«голуби»;
МВ-НЛ-ЗА — мировоззренческая сфера: «Новые люди» против «Зеленой альтернативы»;
ПИ-1 (2) — политическое измерение — 1 (2);
СЭ-ВО — социально-экономическая сфера: власть—оппозиция;
СЭ-НЛ-Ло — социально-экономическая сфера: «Новые люди» против лоялистов

После вычета лишних бюллетеней по первой модели «Единая Россия» потеряла более 5 млн голосов, по второй — более 10 млн. Второе значение ближе к рассчитанному Шпилькиным и Арутюновым, которые, напомним, оценили вбросы в пользу «партии власти» приблизительно в 14 млн голосов[27].

Явка снизилась с 51,72% (по данным ЦИК) до 46,69% по первой модели и 42,14% по второй, а голосование за «Единую Россию» с 49,68% (по данным ЦИК) до 44,58% по первой модели и 38,6% по второй[28]. При этом уже в первой модели корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию» в регионах опустилась с 0,923 до 0,303, а во второй вообще обнулилась, что может свидетельствовать о достаточно высоком соответствии наших расчетов реальности (см. *табл. 4*).

После корректировки процентных показателей партий полученные значения вновь были подвергнуты факторному анализу, а затем посредством корреляционного анализа сопоставлены с факторными нагрузками партий в политическом пространстве. Результат подтвердил гипотезу: число факторов территориальных различий в партийном голосовании увеличилось с трех до пяти, но характер связей между электоральным и политическим пространствами изменился скорее количественно, нежели качественно. Только первые два фактора оказались связаны с политическими (суб)измерениями[29] (см. *табл. 5*), причем практически с теми же, что и до вычета голосов.

Так, у первого электорального размежевания сохранилась сильная корреляция со вторым основным политическим измерением и противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере; ослабла только связь с противостоянием власти и оппозиции в социально-экономической сфере, статистическая значимость которой преодолела

[27] Шпилькин и Арутюнов 2022: 364.

[28] У Шпилькина и Арутюнова очищенная от фальсификаций явка составила 38%, а результат ЕР — 33% (Там же).

[29] В первой модели четвертый фактор территориальных различий в партийном голосовании оказался связан с противостоянием рыночников и социал-протекционистов, но основными антагонистами там были СРЗП и условно рыночные «Зеленые». Так что скорее имели место попытки «справедливороссов» отнять голоса у маргиналов, по инерции придерживающихся прорыночных позиций.

Таблица 4 **Расчет явки и процентов голосов, полученных партиями на выборах 2021 г.**

	Данные ЦИК	*С вычетом лишних голосов по первой модели (порог >1,25—1,5)*	*С вычетом лишних голосов по второй модели (порог >1,05)*
Явка	51,72	46,69	42,14
Недействительные бюллетени	2,08	2,30	2,55
КПРФ	19,07	20,91	23,17
«Зеленые»	0,90	1,00	1,11
ЛДПР	7,53	8,34	9,24
«Новые люди»	5,32	5,87	6,51
«Единая Россия»	49,68	44,58	38,60
СРЗП	7,47	8,23	9,12
«Яблоко»	1,34	1,48	1,64
Партия роста	0,51	0,57	0,63
РПСС	0,77	0,85	0,94
«Коммунисты России»	1,28	1,40	1,55
«Гражданская платформа»	0,15	0,17	0,19
«Зеленая альтернатива»	0,63	0,70	0,78
«Родина»	0,77	0,88	0,98
Партия пенсионеров	2,47	2,71	3,00
Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию»	0,923	0,303	-0,094

планку 0,05 (хотя и не достигла 0,1). Что интересно, связь первого ЭР с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение) уменьшилась в обеих моделях (во второй больше, чем в первой), зато связь со вторым основным политическим измерением, наоборот, усилилась. Напомним, что это политическое измерение было тесно связано с авторитарно-демократическими и внешнеполитическим («ястребы»—«голуби») противостояниями.

У второго электорального размежевания связь с противостоянием рыночников и социал-протекционистов в обеих моделях усилилась (во второй больше, чем в первой). Мало того, у него появилась выраженная корреляция с противостоянием авторитаристов и демократов во внешнеполитической сфере (и тоже более сильная во второй модели).

Таблица 5 Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах 2021 г. после вычета лишних голосов

Variable	*N=14 (Casewise deletion of missing data)*									
	Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,25—1,5)					*Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,05)*				
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*	*ЭР-1*	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*
Политическое измерение — 2	**-0,621**	0,306	0,220	-0,221	0,015	**-0,619**	-0,261	-0,453	0,109	0,078
	p=0,018	p=0,288	p=0,449	p=0,448	p=0,960	**p=0,018**	p=0,367	p=0,104	p=0,711	p=0,791
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	**-0,665**	-0,080	0,209	-0,397	-0,051	**-0,587**	0,147	-0,456	0,281	0,010
	p=0,009	p=0,785	p=0,472	p=0,160	p=0,862	**p=0,027**	p=0,617	p=0,101	p=0,331	p=0,974
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	-0,009	**-0,634**	-0,069	**-0,576**	-0,089	0,036	**0,686**	-0,096	0,516	-0,029
	p=0,976	**p=0,015**	p=0,816	**p=0,031**	p=0,763	p=0,902	**p=0,007**	p=0,745	p=0,059	p=0,921
Внешнеполитическая сфера: авторитаристы—демократы	-0,368	**0,634**	0,195	0,338	0,265	-0,372	**-0,661**	-0,048	-0,320	0,273
	p=0,196	**p=0,015**	p=0,504	p=0,237	p=0,359	p=0,191	**p=0,010**	p=0,870	p=0,265	p=0,346
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	0,115	**-0,678**	-0,130	-0,112	-0,102	0,177	**0,673**	0,164	0,142	-0,134
	p=0,695	**p=0,008**	p=0,658	p=0,702	p=0,729	p=0,546	**p=0,008**	p=0,575	p=0,629	p=0,648

Из этого следует, что вбрасывание голосов «Единой России» несколько выпячивает роль противостояния власти и оппозиции во внутриполитической и особенно социально-экономической сфере, одновременно приглушая противостояние рыночников и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и авторитаристов и демократов в сфере внешнеполитической. Однако это не меняет иерархию электоральных размежеваний. Что и требовалось доказать.

Конечно, вычищение из результатов «Единой России» лишних голосов не может не влиять на максимальный и эффективный ареалы электоральных размежеваний. Так, максимальный ареал первого ЭР снизился с 80,56 до 67,3 по первой модели и до 53,34 по второй, а эффективный — с 65,7 до 52,63 и 41,65 соответственно.

Зато показатели второго ЭР немного выросли: максимальный ареал — с 20,57 до 25,63 (первая модель) и до 30,48 (вторая модель), эффективный — с 20,14 до 23,76 и 28,26.

Следует опять же оговориться, что эти показатели не претендуют на особую точность и больше важны для сравнительных целей.

Выборы-2016

Теперь посмотрим на результаты выборов 2016 г. В них тоже принимали участие 14 партий, но в несколько другом составе: еще не было «Новых людей», «Зеленой альтернативы» и РПСС, зато были Партия народной свободы (ПАРНАС), «Гражданская сила» и самостоятельно выступавшие «Патриоты России».

Факторный анализ результатов партий в субъектах Федерации выявил четыре фактора[30] (см. *табл. 6*). Первый из них, как и во всех других отечественных электоральных кампаниях XXI столетия, представлял собой противостояние «Единой России» и остальных участников выборов. Второй заключался в противостоянии рыночников (Партия роста, «Яблоко», «Гражданская сила», ПАРНАС) и социал-патерналистов («Коммунисты России», КПРФ, ЛДПР). Третий сводился к соревнованию между «Патриотами России» и «Справедливой Россией». Четвертый противопоставлял «Патриотов России» «Яблоку» и ПАРНАСу.

[30] Это несколько расходится с данными, приведенными в Коргунюк 2017, где было выделено три фактора. Причина проста: в качестве случаев там выступали не субъекты РФ, а одномандатные округа, которых насчитывалось не 85, а 225. Увеличение числа случаев привело к сокращению числа факторов территориальных различий в партийном голосовании (достаточно частое явление).

Корреляция факторных нагрузок партий в электоральном и политическом пространствах (см. *табл. 7*) подтвердила эти наблюдения. Первое ЭР в наибольшей степени было связано с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере (авторитарно-демократическое субизмерение) и вторым основным политическим измерением, главными компонентами которого в 2016 г. были противостояния «ястребов» и «голубей» во внешнеполитических вопросах и либералов и лоялистов во внутриполитической и социально-экономической сферах.

Второе электоральное размежевание наиболее тесно коррелировало с противостоянием рыночников и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и либералов и консерваторов в мировоззренческой сфере. Третий и четвертый факторы территориальных раз-

Таблица 6 Факторы территориальных различий в голосовании за партии в 85 субъектах РФ на выборах 2016 г.

Variable	*Extraction: Principal components (Marked loadings are >,700000)*			
	Factor 1	*Factor 2*	*Factor 3*	*Factor 4*
Недействительные бюллетени	0,689	0,234	0,166	0,202
«Родина»	0,398	-0,305	0,348	-0,080
«Коммунисты России»	0,441	0,601	0,073	-0,086
Партия пенсионеров	**0,846**	0,211	-0,111	0,019
«Единая Россия»	**-0,923**	-0,309	-0,038	-0,001
«Зеленые»	**0,846**	-0,243	0,060	-0,043
«Гражданская платформа»	0,481	0,014	-0,365	0,387
ЛДПР	**0,737**	0,456	-0,006	0,049
ПАРНАС	**0,832**	-0,338	0,045	-0,307
Партия роста	0,587	-0,545	-0,012	-0,144
«Гражданская сила»	0,442	-0,461	0,007	0,503
«Яблоко»	0,685	-0,486	-0,014	-0,316
КПРФ	0,430	0,528	0,263	-0,236
«Патриоты России»	0,010	-0,092	**0,749**	0,500
«Справедливая Россия»	0,488	0,014	-0,494	0,325
Expl.Var	6,007	2,065	1,181	1,088
Prp.Totl	0,400	0,138	0,079	0,073

личий в партийном голосовании выраженных связей с политическими (суб)измерениями не имели.

Разница между максимальным и эффективным ареалами первого ЭР приближалась к 50% — 75,08 против 50,11, что значительно больше, чем в 2021 г. Правда, это, скорее всего, объясняется не столько электоральными фальсификациями, сколько эффектом «крымской весны», давшим определенную премию государственникам некоммунистического толка — «партии власти» и ЛДПР.

Что касается регионального уровня, то только в двух субъектах Федерации — Карелии и Костромской области — не было ни одного фактора территориальных различий в партийном голосовании, заключавшегося в противостоянии «Единой России» и остальных участников

Таблица 7 Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах 2016 г.

Variable	*Marked correlations are significant at p < ,05000 N=14 (Casewise deletion of missing data)*			
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*
Политическое измерение — 1	0,161	**-0,551**	-0,122	-0,526
	p=0,582	**p=0,041**	p=0,677	p=0,053
Политическое измерение — 2	**-0,620**	0,440	0,109	0,283
	p=0,018	p=0,115	p=0,710	p=0,326
Политическое измерение — 3	0,200	**0,572**	0,221	-0,180
	p=0,494	**p=0,033**	p=0,449	p=0,537
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	**-0,589**	-0,167	-0,140	-0,199
	p=0,027	p=0,567	p=0,632	p=0,495
Социально-экономическая сфера: власть—оппозиция	-0,374	**-0,577**	-0,180	-0,277
	p=0,188	**p=0,031**	p=0,538	p=0,337
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	0,242	**-0,802**	-0,236	-0,179
	p=0,404	**p=0,001**	p=0,416	p=0,539
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	0,088	**-0,688**	-0,336	0,059
	p=0,765	**p=0,007**	p=0,241	p=0,841

выборов. В Хакасии такое противостояние присутствовало, но не имело политической интерпретации. Количество регионов, где разница между максимальным и эффективным ареалами этого ЭР превышала 50%, было в полтора раза больше, чем в 2021 г., — 32. Еще в 42 эта разница превышала 5% (см. *табл. 8*).

Как видим, согласно избранной методике расчета, лишних голосов в 2016 г. получилось больше, чем в 2021-м. После очистки «Единая Россия» потеряла свыше 6,1 млн голосов по первой модели и более 12,5 млн по второй, что даже превосходит заключения Шпилькина и Арутюнова (12,139 млн аномальных голосов[31]). Но не будем забывать об эффекте «крымской весны», который мог дать «Единой России» эту премию и «естественным» образом. Как уже отмечалось, разница между максимальным и эффективным ареалами может объясняться не только электоральными фальсификациями, но и спецификой избирательной кампании.

[31] *Шпилькин и Арутюнов 2022: 360.*

Явка снизилась с 47,88% (по данным ЦИК) до 42,27% по первой модели и 36,31% по второй, а голосование за «Единую Россию» —

Таблица 8 (Начало) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2016 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,05*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Чечня	97,72	5,20	18,80	ВП-ВО	92,26	91,22
Дагестан	72,64	8,62	8,43	ПИ-2	63,59	59,71
Татарстан	88,76	20,79	4,27	ВП-ВО	66,93	57,58
Мордовия	94,24	25,99	3,63	ВП-ВО	66,95	55,26
Тува	91,76	24,58	3,73	ВП-ВО	65,94	54,88
Карачаево-Черкесия	77,69	19,18	4,05	СЭ-ВО	57,56	48,93
Северная Осетия	64,91	10,68	6,08	ПИ-2	53,70	48,89
Ингушетия	82,60	24,88	3,32	ВП-ВО	56,48	45,28
Кабардино-Балкария	76,98	24,13	3,19	ПИ-3	51,64	40,78
Кемеровская обл.	63,05	18,08	3,49	ВП-ВО	44,07	35,94
Калмыкия	85,87	39,66	2,16	ВП-ВО	44,22	26,37
Тамбовская обл.	87,23	50,37	1,73	ВП-ВО	34,34	24,27
Саратовская обл.	79,10	38,31	2,06	ВП-ВО	38,88	21,64
Томская обл.	61,64	32,10	1,92	ПИ-2*	27,94	21,52
Башкортостан	62,14	27,80	2,24	ВП-ЛиЛо	32,95	20,44
Крым + Севастополь	90,48	47,14	1,92	ПИ-3	40,99	19,78
ЯНАО	81	41	2	ВП-ВО	38,00	19,45
Удмуртия	66,07	42,09	1,57	ВП-ВО*	21,87	13,45
Смоленская обл.	47,05	24,71	1,90	ПИ-2	21,11	9,99
Ставропольский край	75,07	52,45	1,43	ВП-ВО*	20,00	9,51
Якутия	52	29	2	ВП-СП-Ли	21,94	9,11
Новосибирская обл.	75,78	53,98	1,40	ПИ-2*	19,11	8,31
Брянская обл.	85,31	51,56	1,65	ВП-ВО	31,17	7,96
Нижегородская обл.	76,05	46,07	1,65	ВП-ВО	27,67	6,93
Пермский край	47,40	27,51	1,72	ПИ-2	18,51	6,13
Санкт-Петербург	55,31	33,86	1,63	ПИ-2	19,75	4,51
Марий Эл	65,69	40,96	1,60	ВП-ВО	22,68	4,25
Владимирская обл.	68,67	43,12	1,59	ПИ-2	23,39	3,99
Республика Коми	48,14	29,59	1,63	ПИ-2	17,07	3,76
Пензенская обл.	92,80	59,73	1,55	ВП-ВО	30,08	3,20
Адыгея	83,58	54,03	1,55	ВП-ВО	26,85	2,53

Таблица 8 (Продолжение) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2016 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,05*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Калужская обл.	56,95	36,96	1,54	ПИ-2	18,14	1,51
Волгоградская обл.	64,61	42,95	1,50	ПИ-2	19,51	-
Ростовская обл.	81,26	54,86	1,48	ВП-ВО	23,66	-
Воронежская обл.	86,84	60,30	1,44	ВП-ВО	23,52	-
Чукотка	84,65	58,47	1,45	ВП-ВО	23,26	-
Ярославская обл.	73,28	49,42	1,48	ПИ-2	21,39	-
Тульская обл.	79,08	55,82	1,42	ПИ-2	20,47	-
Мурманская обл.	69,81	47,87	1,46	ВП-ВО	19,54	-
Курская обл.	75,75	55,03	1,38	ВП-ВО	17,96	-
Новгородская обл.	66,60	47,17	1,41	СЭ-ВлЛиОп	17,08	-
Тюменская обл.	75,09	55,38	1,36	ВП-ВО	16,94	-
Псковская обл.	58,38	40,09	1,46	ВП-ВО	16,28	-
Архангельская + НАО	54,63	36,81	1,48	ПИ-2	15,98	-
Москва	67,90	49,62	1,37	СЭ-ВлЛиОп	15,79	-
Рязанская обл.	84,55	65,58	1,29	ВП-ВО	15,68	-
Московская обл.	51,80	34,55	1,50	ПИ-2	15,52	-
Курганская обл.	57,10	39,62	1,44	ПИ-2	15,51	-
Липецкая обл.	91,47	72,40	1,26	ВП-ВО	15,45	-
Челябинская обл.	54,67	37,45	1,46	ПИ-2	15,35	-
Орловская обл.	72,62	54,56	1,33	ВП-ВО	15,34	-
Вологодская обл.	53,09	36,02	1,47	ПИ-2	15,27	-
Кировская обл.	53,21	36,14	1,47	ПИ-2	15,26	-
Сахалинская обл.	59,02	42,02	1,40	ВП-ВО	14,90	-
Камчатская обл.	60,17	43,84	1,37	ВП-ЛиЛо	14,14	-
Ленинградская обл.	61,31	45,15	1,36	ВП-ВО	13,90	-
Оренбургская обл.	48,76	34,22	1,42	ПИ-2	12,82	-
Белгородская обл.	87,70	71,74	1,22	ВП-ВО	12,37	-
Республика Алтай	81,02	66,02	1,23	ВП-СП-Ли*	11,69	-
Чувашия	83,03	68,28	1,22	ВП-ВО	11,34	-
Калининградская обл.	60,12	46,84	1,28	ВП-ВО	10,94	-
Самарская обл.	83,36	69,45	1,20	ВП-ВО	10,44	-

Таблица 8 (Окончание) **Расчет лишних голосов (% от действительных бюллетеней), полученных «Единой Россией» в регионах на выборах 2016 г.**

Регион	*Мс*	*Ес*	*Соотношение Мс/Ес*	*Политическая интерпретация*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,05*	*Лишние голоса (%) при пороге >1,25—1,5*
Астраханская обл.	58,38	47,02	1,24	СЭ-ВО	9,00	-
Бурятия	68,30	56,75	1,20	ВП-ВО*	8,71	-
Краснодарский край	74,59	62,95	1,18	СЭ-ВО	8,49	-
Свердловская обл.	44,36	34,47	1,29	ПИ-2	8,16	-
ХМАО	77,15	66,89	1,15	ВП-ВО	6,92	-
Омская обл.	68,49	59,59	1,15	ПИ-2*	5,93	-
Тверская обл.	73,34	65,05	1,13	ВП-ВО	5,04	-
Магаданская обл.	54,01	49,27	1,10	ВП-ВО	2,28	-
Ивановская обл.	69,16	63,81	1,08	ВП-ВО	2,16	-
Красноярский край	58,11	53,34	1,09	СЭ-ВО	2,10	-
Ульяновская обл.	85,52	79,74	1,07	ВП-ВО	1,80	-
Иркутская обл.	52,48	48,53	1,08	СЭ-ВО	1,53	-
Амурская обл. + ЕАО	57,01	54,28	1,05	ПИ-2	-	-
Приморский край	60,43	59,06	1,02	СЭ-ВО	-	-
Хабаровский край	58,42	56,63	1,03	ПИ-3	-	-
Алтайский край	49,74	49,12	1,01	ПИ-3	-	-
Забайкальский край	73,35	70,08	1,05	СЭ-ВО	-	-
Хакасия	58,09	54,69	1,06	-	-	-
Карелия	-	-	-	-	-	-
Костромская обл.	-	-	-	-	-	-

* — статистическая значимость коэффициента корреляции >0,05, но <0,1

Расшифровка аббревиатур:

Мс — максимальный ареал электорального размежевания;

Ес — эффективный ареал электорального размежевания;

ПИ-2 (3) — политическое измерение — 2 (3);

ВП-ВО — внутриполитическая сфера: власть—оппозиция;

ВП-Ли-Ло — внутриполитическая сфера: либералы—лоялисты

ВП-СП-Ли — внутриполитическая сфера: социал-протекционисты—либералы

СЭ-ВО — социально-экономическая сфера: власть—оппозиция;

СЭ-ВлЛиОп — социально-экономическая сфера: власть — либеральная оппозиция

с 52,2% (по данным ЦИК) до 48,18% по первой модели и 39,69% по второй. В первой модели корреляция между явкой в регионах и голосованием за «Единую Россию» уменьшилась с 0,889 до 0,413, во второй — до 0,299 (см. *табл. 9*). То, что эта корреляция не обнулилась, тоже может свидетельствовать в пользу предположения, что на этих выборах «партия власти» пользовалась плодами «крымской весны» и многие избиратели специально пошли на выборы, чтобы выразить поддержку внешней политике Путина.

Таблица 9 **Расчет явки и процентов голосов, полученных партиями на выборах 2016 г.**

	Данные ЦИК	*С вычетом лишних голосов по первой модели (порог >1,25—1,5)*	*С вычетом лишних голосов по второй модели (порог >1,05)*
Явка	47,82	42,27	36,31
Недействительные бюллетени	1,87	2,11	2,46
«Родина»	1,51	1,7	1,98
«Коммунисты России»	2,27	2,56	2,98
Партия пенсионеров	1,73	1,96	2,28
«Единая Россия»	54,2	48,18	39,69
«Зеленые»	0,76	0,86	1
«Гражданская платформа»	0,22	0,25	0,29
ЛДПР	13,14	14,87	17,31
ПАРНАС	0,73	0,83	0,96
Партия роста	1,29	1,46	1,7
«Гражданская сила»	0,14	0,16	0,19
«Яблоко»	1,99	2,26	2,63
КПРФ	13,34	15,09	17,56
«Патриоты России	0,59	0,67	0,78
«Справедливая Россия»	6,22	7,04	8,19
Корреляция между явкой и голосованием за «Единую Россию»	0,889	0,413	0,299

Скорректированные результаты вновь были подвергнуты факторному анализу и сравнены с факторными нагрузками партий в политическом пространстве. Как и в случае 2021 г., число факторов территори-

альных различий в партийном голосовании увеличилось до пяти. Но на этот раз корреляции со статистической значимостью меньше 0,05 имели четыре фактора территориальных различий в партийном голосовании (см. *табл. 10*).

У первого электорального размежевания ослабла связь с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере, зато усилилась корреляция со вторым основным политическим измерением, содержавшим заметную авторитарно-демократическую составляющую. Кроме того, у него появилась корреляция с противостоянием социал-протекционистов и либералов во внутриполитических вопросах, а также с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике. Роль второго электорального размежевания в обеих моделях перешла к четвертому, внутри которого несколько перераспределились акценты: наиболее значимым в его структуре стало противостояние власти и оппозиции в социально-экономической сфере и одновременно существенно выросла связь с первым основным политическим измерением, ведущим компонентом которого являлось противостояние «ястребов» и «голубей».

Корреляции с политическим пространством возникли и у второго и третьего факторов территориальных различий в партийном голосовании: у второго это была связь с особым местом ЛДПР во внутриполитических вопросах, у третьего — с противостоянием либералов и лоялистов в той же внутриполитической сфере. Причем по мере отъема голосов у «Единой России» значения этих коэффициентов росли.

Естественно, что снижение процента голосов у «партии власти» сопровождалось снижением максимального и эффективного ареалов у первого электорального размежевания и ростом у остальных.

Другими словами, как и в 2021 г., очистка «Единой России» от лишних голосов обнажила более сложную структуру электоральных размежеваний, тем не менее это было именно усложнение, а не изменение иерархии. Ослаб и размылся авторитарно-демократический компонент первого ЭР, усилилась внешнеполитическая составляющая второго фактора территориальных различий (условно «второго», поскольку на самом деле он стал четвертым), но принципиально их соотношение не изменилось.

Заключение

Гипотеза, согласно которой вброс (приписывание) голосов в пользу «партии власти» на выборах в Госдуму по пропорциональной системе искажает структуру электоральных размежеваний в деталях, но не принципиально, получила экспериментальное подтверждение.

Эксперимент состоял в следующем. В тех регионах, где «Единой России» предположительно добавляли лишние голоса, из ее результатов, а также из суммы действительных и недействительных бюллетеней вычиталось определенное количество голосов. Это количество высчитывалось исходя из разницы между максимальным и эффективным аре-

Таблица 10 Корреляционные связи между электоральными размежеваниями и политическими (суб)измерениями на выборах в 2016 г. после вычета лишних голосов

Variable	*N=14 (Casewise deletion of missing data)*									
	Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,25—1,5)					*Модель 1 (с вычетом лишних голосов при пороге >1,05)*				
	ЭР-1	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*	*ЭР-1*	*ЭР-2*	*ЭР-3*	*ЭР-4*	*ЭР-5*
Политическое измерение — 1	0,422	-0,111	0,279	**-0,693**	0,351	-0,448	-0,125	0,322	**-0,708**	0,122
	p=0,133	p=0,705	p=0,334	**p=0,006**	p=0,219	p=0,109	p=0,670	p=0,262	**p=0,005**	p=0,678
Политическое измерение — 2	**-0,754**	0,009	-0,387	0,292	-0,061	**0,750**	-0,015	-0,446	0,213	-0,027
	p=0,002	p=0,975	p=0,172	p=0,311	p=0,837	**p=0,002**	p=0,959	p=0,110	p=0,465	p=0,928
Политическое измерение — 3	0,049	-0,399	0,338	**0,542**	-0,035	0,015	-0,347	0,378	0,416	-0,385
	p=0,868	p=0,157	p=0,237	**p=0,045**	p=0,905	p=0,958	p=0,224	p=0,182	p=0,139	p=0,174
Внутриполитическая сфера: власть—оппозиция	-0,373	-0,208	-0,234	**-0,583**	0,208	0,327	-0,267	-0,247	**-0,571**	0,313
	p=0,190	p=0,475	p=0,420	**p=0,029**	p=0,476	p=0,254	p=0,357	p=0,395	**p=0,033**	p=0,276
Внутриполитическая сфера: либералы—лоялисты	0,469	-0,397	**0,561**	-0,078	0,047	-0,436	-0,357	**0,635**	-0,061	-0,087
	p=0,091	p=0,160	**p=0,037**	p=0,792	p=0,872	p=0,119	p=0,211	**p=0,015**	p=0,836	p=0,766
Внутриполитическая сфера: социал-протекционисты—либералы	**0,643**	0,011	-0,071	-0,400	0,257	**-0,668**	-0,018	-0,052	-0,422	0,061
	p=0,013	p=0,972	p=0,808	p=0,157	p=0,375	**p=0,009**	p=0,951	p=0,859	p=0,133	p=0,836
Внутриполитическая сфера: особое место ЛДПР	0,091	**-0,619**	-0,257	0,232	0,161	-0,068	**-0,641**	-0,233	0,077	-0,234
	p=0,758	**p=0,018**	p=0,375	p=0,425	p=0,583	p=0,818	**p=0,013**	p=0,423	p=0,793	p=0,420
Социально-экономическое суб-измерение: власть—оппозиция	-0,148	0,139	-0,060	**-0,781**	0,340	0,094	0,089	-0,070	**-0,799**	0,254
	p=0,614	p=0,636	p=0,838	**p=0,001**	p=0,235	p=0,751	p=0,764	p=0,813	**p=0,001**	p=0,380
Социально-экономическая сфера: рыночники—социал-протекционисты	0,476	0,252	0,105	**-0,715**	0,076	-0,526	0,232	0,119	**-0,541**	0,370
	p=0,085	p=0,384	p=0,720	**p=0,004**	p=0,797	p=0,053	p=0,426	p=0,685	**p=0,046**	p=0,193
Внешнеполитическая сфера: «ястребы»—«голуби»	**0,555**	-0,112	0,327	**-0,548**	0,334	**-0,569**	-0,112	0,377	**-0,584**	0,021
	p=0,040	p=0,704	p=0,253	**p=0,042**	p=0,243	**p=0,034**	p=0,702	p=0,184	**p=0,028**	p=0,943
Мировоззренческая сфера: либералы—консерваторы	0,304	0,338	-0,111	**-0,637**	0,057	-0,354	0,306	-0,103	-0,488	0,319
	p=0,290	p=0,237	p=0,707	**p=0,014**	p=0,846	p=0,215	p=0,288	p=0,727	p=0,076	p=0,267

алами электорального размежевания, заключавшегося в противостоянии «партии власти» и остальных участников выборов. В ходе подсчета были использованы две модели: в первой порогом для вычитания являлась полуторная разница между максимальным и эффективным ареалами (1,25 при p-level коэффициента корреляции между факторными нагрузками партий в электоральном и политическом пространстве больше 0,05, но меньше 0,1), во второй — разница в 5%.

В случае выборов 2021 г. первая модель отняла у «Единой России» свыше 5 млн голосов, вторая — свыше 10 млн. В обеих моделях число факторов территориальных различий в партийном голосовании увеличилось с трех до пяти, однако политически интерпретируемыми остались только первые два, признанные электоральными размежеваниями.

У первого из размежеваний снизились максимальный и эффективный ареалы и несколько ослабла связь с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической и социально-экономической сферах, однако усилилась корреляция со вторым основным политическим измерением, тоже содержащим заметный авторитарно-демократический компонент. У второго ЭР, наоборот, увеличились максимальный и эффективный ареалы и усилилась связь с противостоянием рыночников и социал-протекционистов, а также появилась выраженная корреляция с противостоянием авторитаристов и демократов во внешнеполитической сфере.

Иначе говоря, вбрасывание голосов «Единой России» повысило роль противостояния власти и оппозиции во внутриполитической и социально-экономической сферах, одновременно приглушив противостояние рыночников и социал-протекционистов в социально-экономической сфере и авторитаристов и демократов во внешней политике.

Применительно к выборам 2016 г. первая модель отняла у «Единой России» более 6,1 млн голосов, вторая — более 12,5 млн. Число факторов территориальных различий в партийном голосовании в обеих моделях увеличилось с четырех до пяти, при этом с двух до четырех выросло и количество электоральных размежеваний, имевших политическую интерпретацию.

У первого ЭР, максимальный и электоральный ареалы которого несколько снизились, ослабла связь с противостоянием власти и оппозиции во внутриполитической сфере, но значительно возросла корреляция со вторым основным политическим измерением, содержавшим заметную авторитарно-демократическую составляющую. Кроме того, у него возникла корреляция с противостоянием социал-протекционистов и либералов во внутриполитических вопросах, а также с противостоянием «ястребов» и «голубей» во внешней политике.

Место второго ЭР в обеих моделях перешло к четвертому: его максимальный и эффективный ареалы практически сохранили прежние значения, но в его политическом содержании выросла роль противостояния власти и оппозиции в социально-экономической сфере. Вместе с тем существенно укрепилась связь этого размежевания с первым ос-

новным политическим измерением, базирующемся на противостоянии «ястребов» и «голубей».

Второй и третий факторы территориальных различий в партийном голосовании тоже обрели политическую интерпретацию: второй оказался связан с особым местом ЛДПР, третий — с противостоянием либералов и лоялистов (и там и там во внутриполитической сфере). При этом увеличение количества отнятых у «Единой России» голосов сопровождалось ростом значений коэффициентов корреляции.

Таким образом, можно констатировать, что вброс голосов в пользу «партии власти» искусственно выпячивает роль авторитарно-демократического противостояния, затушевывая остальные (в 2016 и 2021 гг. они совпадали лишь частично). Но структура электоральных размежеваний принципиально не меняется — искажение не влечет ее кардинального изменения и уж тем более не отменяет совсем. Во всяком случае, эта структура хорошо прощупывается с помощью математических методов, прежде всего факторного анализа.

Библиография

Ахременко А.С. (2007) *Структура электорального пространства*. М.: Социально-политическая мысль.

Гайдар Е.Т. (2005) *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. М.: Дело.

Далтон Р. (2004) «Структура политических связей» // *Политическая наука*, № 4: 235—241.

Коргунюк Ю.Г. (2013) «Концепция размежеваний и факторный анализ» // *Полития*, № 3 (70): 31—61. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf (проверено 24.10.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2017) «Выборы по пропорциональной системе как массовый опрос общественного мнения» // *Политическая наука*, № 1: 90—119.

Коргунюк Ю.Г. (2018) «Президентские выборы в постсоветской России через призму концепции размежеваний» // *Полития*, № 4 (91): 32—69. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-4(91)-32-69.pdf (проверено 24.10.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2019a) «Концепция размежеваний и теория проблемных измерений: точки пересечения» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 95—112. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf (проверено 24.10.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2019b) «Новые инструменты измерения электоральных размежеваний: от макро- к микроуровню» // *Электоральная политика*, № 1. URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/ (проверено 16.09.2023).

Коргунюк Ю.Г. (2020) «Президентская кампания 2016 г.: электоральные размежевания, их политическая интерпретация и социальный бэкграунд» // Кузнецов А.В., ред. *Феномен Трампа*. М.: ИНИОН РАН: 50—67.

Коргунюк Ю.Г. (2023) «Структура электоральных размежеваний по итогам думских выборов 2021 года» // *Электоральная политика*, № 1 (9). URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/struktura-elektoralnykh-razmezhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda/ (проверено 16.09.2023).

Лукьянова Е. и Е.Порошин, ред. (2022) *Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать: Политико-правовое исследование с элементами математики*. М.: Мысль.

Мелешкина Е.Ю. (2004) «Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности» // *Политическая наука*, № 4: 11—29.

Шпилькин С. и А.Арутюнов. (2022) «Математические методы фиксации способов достижения целей и задач авторитарной власти» // Лукьянова Е. и Е.Порошин, ред. *Выборы строгого режима. Как российские выборы стали невыборами и что с этим делать: Политико-правовое исследование с элементами математики*. М.: Мысль: 341—364.

Albright J.J. (2010) «The Multidimensional Nature of Party Competition» // *Party Politics,* vol. 16, no. 6: 699—719.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Huber J. and R.Inglehart. (1995) «Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies» // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Lachat R. (2018) «Which Way from Left to Right? On the Relation between Voters' Issue Preferences and Left—Right Orientation in West European Democracies» // *International Political Science Review*, vol. 39, no. 4: 419—435.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) «Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction» // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: The Free Press; London: Collier-MacMillan: 1—64.

Rovny J. and J.Polk. (2019) «New Wine in Old Bottles: Explaining the Dimensional Structure of European Party Systems» // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 12—24.

Rovny J. and S.Whitefield. (2019) «Issue Dimensionality and Party Competition in Turbulent Times» // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 4—11.

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) «Caesarean Politics in Hungary and Poland» // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Stoll H. (2004) *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf (accessed on 3.09.2023).

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) «The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95» // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

Yu.G.Korgunyuk

CLEAVAGES STRUCTURE AND DISTORTION OF THE ELECTORAL SPACE

Yury G. Korgunyuk — Doctor of Political Science; Leading Researcher at the Political Science Department at the Institute of Scientific Information on Social Science of the Russian Academy of Sciences (INION RAS). E-mail: partinform@mail.ru.

Abstract. The article presents the results of testing the hypothesis, according to which ballot stuffing in favor of the "party in power", while causing minor distortions to the structure of electoral cleavages, does not fundamentally change it. The author tested the hypothesis on the data from the 2016 and 2021 elections to the State Duma of the Russian Federation held via proportional system rules. He used the following method: in the regions where ballot stuffing was allegedly used in favor of the United Russia party, a certain number of votes were subtracted from the United Russia electoral results in accordance with the difference between the maximum and effective ranges of the electoral cleavage related to the confrontation between of the United Russia and the rest of elections' participants. The author employed two models to run calculations: in the first model the threshold for deduction was a difference of 50% between the maximum and effective range, in the second model the difference was 5%.

For 2016 elections, the first model took away more than 6.1 million votes from the United Russia, the second model subtracted more than 12.5 million votes; for 2021 elections — more than 5 and more than 10 million votes, respectively. Nevertheless, there was no radical change in the structure of electoral cleavages, let alone its elimination. The study showed that although ballot stuffing in favor of the "party in power" artificially overemphasizes the role of the authoritarian-democratic confrontation, sidelining other confrontations, the structure of electoral cleavages per se is largely preserved. Mathematical methods, especially factor analysis, can be efficiently used to detect this structure.

Keywords: elections according to the proportional system, political parties, electoral cleavages, political dimensions, electoral fraud

References

Akhremenko A.S. (2007) *Struktura elektoral'nogo prostranstva* [The Structure of the Electoral Space]. Moscow: Sotsial'no-politicheskaja mysl'. (In Russ.)

Albright J.J. (2010) "The Multidimensional Nature of Party Competition" // *Party Politics,* vol. 16, no. 6: 699—719.

Budge I., D.Robertson, and D.Hearl, eds. (1987) *Ideology, Strategy and Party Change: Spatial Analyses of Post-War Election Programmes in 19 Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dalton R. (2004) "Struktura politicheskikh svjazej" [The Structure of Political Alignments] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (Ru)], no. 4: 235—241. (In Russ.)

Gaidar E.T. (2005) *Dolgoe vremja. Rossija v mire: ocherki ekonomicheskoj istorii* [Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History]. Moscow: Delo. (In Russ.)

Huber J. and R.Inglehart. (1995) "Expert Interpretations of Party Space and Party Locations in 42 Societies" // *Party Politics*, vol. 1, no. 1: 73—111.

Korgunyuk Yu.G. (2013) "Kontseptsija razmezhevanij i faktornyj analiz" [Concept of Cleavages and Factor Analysis] // *Politeia*, no. 3 (70): 31—51. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunyuk-2013-3(70).pdf (accessed on 24.10.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2017) "Vybory po proportsional'noj sisteme kak massovyj opros obshchestvennogo mnenija" [Elections by a Proportional System as a Mass Public Opinion Poll] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (Ru)], no. 1: 90—119. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2018) "Prezidentskie vybory v postsovetskoj Rossii cherez prizmu kontseptsii razmezhevanij" [Presidential Elections in Post-Soviet Russia through Lenses of Cleavage Theory] // *Politeia*, no. 4 (91): 32—69. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2018-4(91)-32-69.pdf (accessed on 24.10.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019a) "Kontseptsija razmezhevanij i teorija problemnykh izmerenij: tochki peresechenija" [Cleavage Theory and Theory of Issue Dimension: Cross-Points] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 95—112. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2019/6/Polis-6-2019-Korgunyuk.pdf (accessed on 24.10.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2019b) "Novye instrumenty izmerenija elektoral'nykh razmezhevanij: ot macro- k mikrourovnju" [New Instruments for Measuring Electoral Cleavages: from Macro- to Micro-level] // *Elektoral'naja politika* [Electoral Politics], no. 1. URL: http://electoralpolitics.org/en/articles/novye-instrumenty-izmereniia-elektoralnykh-razmezhevanii-ot-makro-k-mikrourovniu/ (accessed on 16.09.2023). (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2020) "Prezidentskaja kampanija 2016 g.: elektoral'nye razmezhevanija, ikh politicheskaja interpretatsija i sotsial'nyj bekgraund" [Presidential Campaign 2016: Electoral Cleavages, Their Political Interpretation and Social Background] // Kuznetsov A.V., ed. *Fenomen Trampa* [Trump Phenomenon]. Moscow: INION RAN: 50—67. (In Russ.)

Korgunyuk Yu.G. (2023) "Struktura elektoral'nukh razmezhevanij po itogam dumskikh vyborov 2021 goda" [Electoral Cleavage Structure: 2021 State Duma Election] // *Elektoral'naja politika* [Electoral Politics], no. 1 (9). URL: http://electoralpolitics.org/ru/articles/struktura-elektoralnykh-razme-

zhevanii-po-itogam-dumskikh-vyborov-2021-goda/ (accessed on 16.09.2023). (In Russ.)

Lachat R. (2018) "Which Way from Left to Right? On the Relation between Voters' Issue Preferences and Left—Right Orientation in West European Democracies" // *International Political Science Review*, vol. 39, no. 4: 419—435.

Lipset S.M. and S.Rokkan. (1967) "Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction" // Lipset S.M. and S.Rokkan, eds. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*. New York: The Free Press; London: Collier-MacMillan: 1—64.

Lukyanova E. and E.Poroshin, eds. (2022) *Vybory strogogo rezhima. Kak rossijskie vybory stali nevyborami i chto s etim delat': Politiko-pravovoe issledovanie s elementami matematiki* [Strict Regime Elections. How Did Russian Elections Become Non-Elections and What to Do about It: Political and Legal Research with Elements of Mathematics]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Meleshkina E.Yu. (2004) "Kontseptsija sotsial'no-politicheskikh razmezhevanij: problema universal'nosti" [The Concept of Socio-Political Cleavages: the Problem of Universality] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 4: 11—29. (In Russ.)

Rovny J. and J.Polk. (2019) "New Wine in Old Bottles: Explaining the Dimensional Structure of European Party Systems" // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 12—24.

Rovny J. and S.Whitefield. (2019) "Issue Dimensionality and Party Competition in Turbulent Times" // *Party Politics*, vol. 25, no. 1: 4—11.

Sata R. and I.P.Karolewski. (2020) "Caesarean Politics in Hungary and Poland" // *East European Politics*, vol. 36, no. 2: 206—225.

Shpilkin S. and A.Arutyunov. (2022) "Matematicheskie metody fiksatsii sposobov dostizhenija tselej i zadach avtoritarnoj vlasti" [Mathematical Methods for Fixing Ways to Achieve the Goals and Objectives of Authoritarian Power] // Lukyanova E. and E.Poroshin, eds. *Vybory strogogo rezhima. Kak rossijskie vybory stali nevyborami i chto s etim delat': Politiko-pravovoe issledovanie s elementami matematiki* [Strict Regime Elections. How Did Russian Elections Become Non-Elections and What to Do about It: Political and Legal Research with Elements of Mathematics]. Moscow: Mysl': 341—364. (In Russ.)

Stoll H. (2004) *Social Cleavages, Political Institutions and Party Systems: Putting Preferences Back into the Fundamental Equation of Politics*. Ph.D. diss. Santa Barbara: University of California. URL: http://www.polsci.ucsb.edu/faculty/hstoll/research/thesis.pdf (accessed on 3.09.2023).

Torcal M. and S.Mainwaring. (2002) "The Political Recrafting of Social Bases of Party Competition: Chile, 1973—95" // *British Journal of Political Science*, vol. 33, no. 1: 55—84.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-77-97

А.В.Семенов, Э.Ю.Минаева

ИМПУЛЬС МОБИЛИЗАЦИИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ «ПАРТИИ ВЛАСТИ»

Андрей Владимирович Семенов — кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. Для связи с автором: andre.semenoff@gmail.com.

Элеонора Юрьевна Минаева — магистр политологии, докторант Европейского университетского института во Флоренции (Италия). Для связи с автором: eleonora.minaeva@eui.eu.

Аннотация. Статья посвящена изучению связи между протестами и выборами в авторитарном контексте. Задействовав понятие «импульс мобилизации», авторы пытаются выяснить, способны ли интенсивные и массовые коллективные действия накануне выборов повлиять на электоральную мобилизацию и поддержку «партии власти», и если да, то в каком направлении.

Опираясь на современную литературу по исследуемой тематике, авторы выделяют две альтернативные модели возможного электорального эффекта импульса мобилизации. Согласно первой, прорывая информационную блокаду и сигнализируя гражданам о широком недовольстве политикой властей, интенсивные массовые протесты способствуют повышению явки и снижению поддержки провластных сил. Согласно второй, такие протесты вполне могут работать на повышение электоральных показателей «партии власти», поскольку одним из их следствий нередко бывает мобилизация лояльного правящим кругам электората.

Проверка этих моделей на данных электорального цикла 2011—2016 гг. в России с использованием стандартной множественной линейной регрессии, а также методов разницы в различиях и синтетического контроля дает неоднозначные результаты. Выясняется, что импульс мобилизации имеет слабый электоральный эффект или даже позитивно сказывается на показателях «партии власти», однако его влияние может зависеть от пороговых значений: в наиболее протестных городах поддержка «Единой России» оказывается ниже, чем была бы при отсутствии импульса мобилизации. Вместе с тем проделанная авторами работа убедительно показывает, что российский материал в сочетании с современными методами анализа открывает пре-

красную возможность для исследований на пересечении сфер политического участия и электоральной политики.

Ключевые слова: импульс мобилизации, коллективные действия, электоральная политика, «партия власти»

Введение

Коллективные протестные действия имеют большое значение не только для уличной политики, частью которой они являются по определению, но и для электоральных процессов. Однако в последнем случае их роль не вполне понятна. Могут ли протесты повлиять на предпочтения и поведение избирателей, в частности на поддержку ими действующей власти, и если да, то в каком направлении? Например, в электоральных автократиях порождаемый ими *импульс мобилизации* теоретически может работать как против «партии власти», снижая ее поддержку за счет включения сигнального механизма (о котором подробнее будет сказано ниже), так и в ее пользу — в силу сплочения прорежимного электората и интенсификации действий властей по мобилизации сторонников.

Если применительно к демократиям связь между протестом и выборами относительно хорошо изучена, то в случае автократий внимание большинства исследователей сосредоточено на так называемых электоральных революциях, когда национальные выборы, омраченные фальсификациями, служат фокальными точками мобилизации[1]. Более приземленная функция протестов, а именно их влияние на поведение избирателей, остается вне поля исследовательского интереса.

[1] См., напр. Magaloni 2010; Rød 2019.

В настоящей статье предпринята попытка прояснить эту функцию на материалах электорального цикла 2011—2016 гг. в России. В этот период в РФ происходит постепенное снижение прозрачности и качества государственного управления[2]. Контроль над СМИ, вытеснение оппозиции из публичного поля и усиление репрессивного аппарата негативно сказываются на характере доступной гражданам информации, на основе которой они формируют свои политические предпочтения. Коллективные протестные действия остаются одним из немногих способов не только предъявить требования государству, но и рассказать о своем недовольстве широкой публике. Наблюдая за публичными протестами, избиратели могут менять свои представления о политике должностных лиц и наказывать их на выборах.

[2] Гельман 2019.

Но не каждое протестное событие способно привлечь внимание избирателей, а тем более изменить их политические предпочтения. Чтобы мобилизация повлияла на электоральные решения, она должна набрать импульс до дня выборов. Опираясь на уникальный набор данных о более чем 8200 протестных событиях в регионах России в 2012—2016 гг., мы вычисляем импульс мобилизации накануне федеральных выборов 2016 г. и оцениваем его электоральный эффект для доминирующей партии («Единой России») с помощью модели разницы

в различиях. Мы используем также метод синтетического контроля для отдельных регионов и выявляем гетерогенность воздействия импульса мобилизации на голосование за «Единую Россию».

Структура статьи выглядит следующим образом. В первых двух разделах мы анализируем роль коллективных действий в контексте электорального авторитаризма и формулируем гипотезы относительно того, как сигнал от масштабных протестов переходит в электоральное поведение, а также о возможной контрреакции действующей власти. Далее мы представляем обзор используемых данных, переменных и методологии. Эмпирическая часть исследования включает в себя регрессионный анализ и анализ отдельных случаев, основанный на методе синтетического контроля.

Протесты в электоральных автократиях

Электоральные манипуляции затрудняют авторитарным лидерам доступ к информации о реальных запросах общества. В этом контексте массовые протесты выполняют двоякую роль: с одной стороны, они сигнализируют об общественном недовольстве, с другой стороны, даже небольшая мобилизация может подорвать устойчивость режима. Согласно исследованию Эрики Ченовет и Маргериты Бельджойозо, для подрыва действующей системы власти достаточно мобилизовать 3,5% населения[3]. Массовые волнения также являются одним из мощнейших предикторов «демократизации по ошибке» — неожиданной смены режима в результате попыток инкумбента исправить собственные промахи, ослабившие его власть[4].

[3] Chenoweth and Belgioioso 2019: 1088.

[4] Treisman 2020.

Авторитарные режимы видят в коллективных действиях потенциальную угрозу для своей стабильности и нередко прибегают к насильственным методам их подавления в форме целенаправленных репрессий и дискредитации отдельных лидеров или протестных движений в целом. Подобная реакция особенно часто встречается в случае политических протестов, направленных против действующих правительств или критикующих режим[5]. Ведь даже частичное удовлетворение требований такого рода протестных кампаний может вызвать «эффект домино», когда очередной раунд уступок лишь увеличивает число протестующих (как это было, например, в Судане в 2019 г.[6]).

[5] Lankina, Watanabe, and Netesova 2020.

[6] Turner 2023.

Тем не менее протесты служат и важным информационным ресурсом. При отсутствии запрета на нереволюционные протесты по социально-экономическим вопросам сама их возможность способна не подрывать, а укреплять стабильность режима, помогая власти поддерживать контроль над действиями бюрократии[7]. В свою очередь применение насилия и репрессий может отталкивать даже сторонников режима, что побуждает автократов усиливать информационный контроль[8]. Занимая командные позиции в медиа-пространстве, авторитарные лидеры диктуют нарратив о ключевых политических событиях, фильтруют нежелательную информацию и мобилизуют поддержку граждан[9]. Кроме того, автократии ограничивают доступ к ключевым документам и ста-

[7] Mirić and Pechenkina 2022.

[8] Guriev and Treisman 2020.

[9] Gehlbach 2010; Gehlbach and Sonin 2014; Carter E.B. and Carter B.L. 2023.

тистике, подавляют независимые СМИ и нарушают коммуникацию с общественностью[10].

[10] *Hollyer, Rosendorff, and Vreeland 2015, 2019.*

Очевидно, что в такой ситуации информация, на которую могут опираться избиратели при оценке действующего правительства, ограничена и искажена. Но даже в информационно бедной среде они не могут не видеть значимых изменений в своей частной жизни и жизни страны, что сказывается и на их электоральных предпочтениях. Избиратели могут отказаться от поддержки инкумбента и «партии власти», реагируя на реальное[11] или потенциальное[12] ухудшение экономических условий, а также в случае роста безработицы и других экономических проблем[13].

[11] *Rosenfeld 2018.*

[12] *Treisman 2011.*

[13] *Beazer and Reuter 2019.*

По оценке некоторых исследователей, волна протестной мобилизации в России в 2011—2012 гг. повысила вероятность того, что граждане, голосовавшие за президента в 2008 г., откажут режиму в поддержке на выборах 2012 г.[14] Однако на практике она не оказала сколько-нибудь сильного влияния на колеблющуюся часть избирателей и не вызвала смещения лояльного электората, стимулировав скорее уход от политического участия в целом.

[14] *Tertytchnaya 2020.*

Так способны ли избиратели переосмыслить деятельность «партии власти», наблюдая за масштабными и интенсивными протестными действиями? При поиске ответа на этот вопрос важно учитывать, что типичная электоральная автократия использует множество инструментов для обеспечения лояльности, применяя клиентелистские стратегии покупки явки и голосов[15]. Следовательно, протестные события могут не только подталкивать избирателей к пересмотру своего отношения к режиму, но и сигнализировать властям о необходимости усиления мобилизации в свою пользу. Исходя из этих соображений, мы и строили свои исследовательские гипотезы.

[15] *Schedler (ed.) 2006; Magaloni 2006; Gandhi 2008.*

Сигнальная функция коллективных действий в контексте российских выборов

Наше первое предположение заключается в том, что протесты, способные набрать достаточный импульс накануне выборов, могут пробить информационную блокаду и подтолкнуть избирателей к уменьшению электоральной поддержки находящейся у власти партии. Широкомасштабные и интенсивные коллективные действия делают явным накопившееся в обществе недовольство текущей ситуацией и обнажают провалы в политике действующей власти, которые иначе могли бы остаться незамеченными. Исследования показывают, что протесты помогают гражданам осознать масштабы политической и/или электоральной несправедливости (например, что их голоса были украдены и фальсификация изменила исход выборов[16]). При этом такое воздействие может затронуть не только колеблющихся, но и тех, кто был ранее лояльно настроен к режиму. Существующие исследования также демонстрируют, что сторонники режима, будучи глубоко убеждены в его силе и честности выборов, остро реагируют на информацию об электоральных манипуляциях[17]. Политизация путем привязки конкретных жалоб к дей-

[16] *Beissinger 2007.*

[17] *Reuter and Szakonyi 2021.*

ствиям/бездействию государственных органов побуждает людей занять позицию по освещаемым проблемам, а по мере роста числа участников протеста информация о нем распространяется по неофициальным каналам (все чаще через социальные сети).

Два параметра мобилизации могут определять ее влияние на электоральные предпочтения. В отличие от изменения экономических условий, акции протеста редко наблюдает все население. Для того чтобы привлечь внимание общественности к электоральным сюжетам, мобилизация должна быть заметной и происходить незадолго до дня голосования. Заметность может быть достигнута за счет большого количества участников, интенсивности или специфического «репертуара» (например, прямых действий вроде блокирования дорог). В свою очередь временна́я близость к моменту электорального события означает, что люди еще не забыли об имевших место протестах. Как минимум речь идет о протестах в рамках того же электорального цикла, и реалистично ожидать, что чем ближе мобилизация ко дню голосования, тем выше вероятность ее связи с выбором избирателей.

Как отмечают Ченовет и Бельджойозо, «хотя размах мобилизации... является ключевым детерминантом успеха массовых кампаний, это не полноценный индикатор потенциала движения»[18]. Даже масштабные, но редкие акции протеста могут не запомниться, а интенсивные, но небольшие по числу участников кампании остаться незамеченными широкой публикой. Важно сочетание интенсивности и масштаба, или импульс мобилизации, который определяется через количество участников («массу») и концентрацию их активности во времени («скорость»). Формально импульс вычисляется как произведение числа участников (взвешенного на численность населения) и интенсивности протестных акций. Таким образом, наша основная гипотеза звучит так:

[18] Chenoweth and Belgioioso 2019: 1088.

H1a: Чем выше импульс мобилизации накануне дня голосования, тем сильнее падает поддержка действующей власти на выборах.

Вместе с тем есть основания полагать, что сигнальная функция протестов накануне выборов будет иметь обратный эффект и приведет к усилению поддержки действующей власти. Во-первых, протестная мобилизация может напугать избирателей перспективой дестабилизации и снижения уровня жизни. В частности, это касается представителей среднего класса, обязанных своим положением государству, которые, согласно исследованиям Брин Розенфельд, не склонны поддерживать протестные акции[19]. Во-вторых, действующая власть может использовать контроль над медиа-средой для делегитимации коллективных действий и акцентирования негативных эффектов протестов, фреймирования их как деструктивных событий, вносящие разлад в повседневную жизнь. В подобных условиях у недовольных режимом избирателей может усилиться недоверие к институтам вообще и к оппозиции в частности, а также к самой идее участия в политике[20]. На этом

[19] Rosenfeld 2020.

[20] Tertytchnaya and Lankina 2020.

фоне власть может задействовать политические машины, мобилизующие электорат посредством «кнута и пряника», и/или прибегнуть к электоральным манипуляциям[21]. Отсюда — альтернативная гипотеза:

[21] Stokes 2005.

H1b: Чем выше импульс мобилизации накануне дня голосования, тем сильнее возрастает поддержка действующей власти на выборах.

Протестная мобилизация накануне выборов должна также способствовать «политизации»: повышению осведомленности и готовности участвовать в избирательной кампании. Для сторонников status quo широкая мобилизация может нести в себе угрозу благосостоянию, а значит — стимулировать их к активной поддержке действующей власти. Симметрично, масштабные коллективные действия могут вести к мобилизации оппозиционных избирателей (которые вряд ли сменят свою позицию). Другими словами, повышенная протестная активность перед выборами способна электорально заряжать обе группы. Исходя из этих соображений, мы формулируем следующую гипотезу:

H2: Чем выше импульс мобилизации накануне выборов, тем выше явка на выборы.

Наша теоретическая модель также предполагает гетерогенность эффекта сигнальной функции протестов: чтобы широкий круг избирателей знал о них, необходимы каналы передачи соответствующей информации. Обладая «широкими возможностями цензуры и влияния на общественное мнение, а также слежения за представителями оппозиции»[22], авторитарные режимы скорее выигрывают от наличия медиа и веб-технологий. Даже при крупных интенсивных кампаниях (какой была, например, кампания «За честные выборы!» в России) жесткий контроль над СМИ позволяет им сглаживать риски распространения информации о протестах. Вместе с тем развитие средств массовой коммуникации может способствовать организации антиправительственных движений[23]. Иначе говоря, качество медийной среды и особенно доступность альтернативных средств коммуникации вроде социальных сетей и мессенджеров имеют значение. Из этого вытекает такая гипотеза:

[22] Rød and Weidmann 2015: 339.

[23] Howard and Hussain 2013.

H3: Увеличение степени независимости медиа усиливает влияние импульса мобилизации на электоральные исходы.

Наконец, важным условием распространения информации о протестах является политическая конкуренция. Если в условиях политического плюрализма и низкой репрессивности граждане могут высказывать свои требования к власти по всем легальным каналам, то авторитарные системы, будучи «открыты для голосования, которое может быть использовано для легитимации режима... гораздо менее открыты

по отношению к неэлекторальным формам политического участия»[24]. Соответственно, там, где политическая конкуренция выше, эффект импульса мобилизации должен быть сильнее:

[24] Li 2021: 307.

H4: Повышение степени политической конкуренции усиливает влияние импульса мобилизации на электоральные исходы.

Обратимся к тестированию представленных гипотез.

Данные, идентификационная стратегия и результаты

Как уже упоминалось, настоящее исследование строится на материалах федерального электорального цикла 2011—2016 гг. Мы фокусируемся на региональных столицах, где сконцентрирован основной объем протестных действий в России[25]. В качестве зависимых переменных выступают доля голосов, поданных за «Единую Россию», и явка на федеральных выборах 2011 и 2016 гг. Данные взяты с официальных сайтов территориальных избирательных комиссий (ТИК), входящих в соответствующий городской округ. Ключевой независимой переменной является импульс мобилизации в региональных столицах, который операционализируется двумя способами: «мягким» (оценка импульса за полгода до дня голосования, отражающая кумулятивный эффект мобилизации) и «жестким» (оценка импульса за два месяца до выборов, то есть в рамках наиболее активной фазы избирательной кампании).

[25] Robertson 2013; Семенов и Попкова 2020.

Информация о протестах почерпнута из базы данных Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского университета «Состязательная политика в России» (CPR)[26]. Данные охватывают период 2012—2016 гг., все регионы, около 1200 уникальных локаций и 8243 наблюдения на уровне событий. При «мягкой» оценке число участников протестов варьирует от одного (одиночные пикеты) до 24 тыс. (марш памяти Бориса Немцова в Москве 27 февраля 2016 г.) при медианной численности — 60 человек. Всего протесты затронули 46 городов[27]. При «жесткой» оценке протестные акции зафиксированы лишь в 10 городах (в августе — начале сентября 2016 г.).

[26] Семенов 2018.

[27] Не все протестные акции носили антиправительственный характер. Например, в Грозном прошла массовая демонстрация «Сила в единстве» в поддержку Рамзана Кадырова. Такие акции были исключены из анализа.

Для тестирования третьей гипотезы использован субкомпонент «независимость СМИ в регионе» индекса региональной демократизации Николая Петрова и Алексея Титкова, который отражает степень автономии средств массовой информации от региональной власти, их охват (аудиторию) и роль в политической жизни[28]. Субкомпонент измеряется по шкале от 1 до 5: чем больше значение, тем выше степень независимости СМИ в регионе.

[28] Петров и Титков 2013: 6.

Четвертая гипотеза проверяется при помощи метрики эффективного числа партий (ЭЧП) для региональных легислатур в цикле 2011—2016 гг. Поскольку не все городские ассамблеи имели списочную часть, нам пришлось полагаться на данные регионального уровня, которые, как нам кажется, вполне релевантны и для выборов в городских столицах, ведь именно там сконцентрирована значительная часть региональ-

ного электората и происходит основная избирательная кампания. При расчете ЭЧП мы задействуем формулу Григория Голосова[29], которая позволяет учитывать особенности выборов при наличии доминирующей партии[30]. Чем выше значение индекса ЭЧП, тем более конкурентна и плюралистична политическая среда в регионе и, опосредованно, в его столице.

[29] Golosov 2011.

[30] Panov and Ross 2019.

В качестве контрольных используются две переменные: естественный прирост населения в городе, который отражает в том числе общие изменения в социальной инфраструктуре, и динамика безработицы между 2013 (первый доступный для наблюдения год) и 2016 г. Вторая переменная схватывает как объективные экономические процессы (открытие/закрытие новых производств, общий бизнес-климат), так и субъективные ощущения граждан (представления о собственных экономических перспективах в связи ростом/падением безработицы). Данные почерпнуты из Базы данных показателей муниципальных образований Росстата. К сожалению, такая конвенциональная метрика благосостояния населения, как валовой продукт, на муниципальном уровне отсутствует.

Выбор для проверки гипотез избирательного цикла 2011—2016 гг. обусловлен как содержательно, так и методологически. Цикл начался с массовой кампании «За честные выборы!», спровоцировавшей серьезные изменения правил политической игры, включая электоральные. Были возвращены прямые выборы губернаторов и смешанная формула на выборах в Государственную Думу (в предыдущем цикле использовалась полностью пропорциональная), либерализовано законодательство о политических партиях и вместе с тем внедрены дополнительные методы контроля над партийным строительством[31]. Накануне выборов сентября 2016 г. федеральные власти сделали ставку на «сушку явки», что привело к ее падению с 60,21% (в 2011 г.) до 47,88%. В этих условиях, если следовать нашей теории, импульс мобилизации должен был оказаться особенно значимым: на фоне снижения конкуренции и введения дополнительных ограничений для независимых кандидатов и внепарламентской оппозиции яркие массовые кампании могли стать стимулом для повышения явки и протестного голосования. Таким образом, вероятность проявления эффектов импульса мобилизации в рамках данного электорального цикла представляется особенно высокой[32].

[31] Golosov 2012; Кынев 2016, 2017.

[32] Gomm, Hammersley, and Foster 2000.

В качестве базовой стратегии выступает линейная регрессия. Ее результаты при «мягкой» операционализации импульса представлены в *табл. 1*. Для оценки t-статистики использованы робастные стандартные ошибки.

Как видно из таблицы, линейная регрессия не подтверждает наши основные гипотезы, хотя коэффициент логарифма импульса и имеет отрицательный знак, подразумевая, что чем выше был импульс мобилизации в 2016 г., тем меньше голосов на федеральных выборах получила ЕР в этом городе (при контроле на остальные ковариаты). Не оказались значимыми на конвенциональном уровне в 0,05 и интеракционные

Таблица 1 Результаты линейной регрессии с робастными стандартными ошибками при «мягкой» операционализации импульса мобилизации[33]

Переменная	*Изменения в % за ЕР*			*Изменения в явке (2011—2016)*		
	Модель 1	*Модель 2*	*Модель 3*	*Модель 4*	*Модель 5*	*Модель 6*
Свободный член	**-14,50**	-11,30	-13,06	**-10,02**	-5,26	-8,71
Импульс (log)	-0,04	-2,07	-0,95	0,69	-2,31	-0,13
ЭЧП	**6,30**	**6,41**	**5,81**	-2,16	-2,01	-2,61
Медиа	0,85	-0,35	0,82	0,05	-1,73	0,02
Прирост	-0,78	-0,86	-0,78	-1,00	-1,11	-1,00
Безработица	-0,13	-0,12	-0,12	-0,38	-0,37	-0,37
Импульс * Медиа		0,64			0,95	
Импульс * ЭЧП			0,33			0,30
N	69	69	69	69	69	69
R^2 / скорр. R^2	0,267 / 0,209	0,275 / 0,205	0,268 / 0,197	0,103 / 0,031	0,128 / 0,043	0,104 / 0,018

[33] Здесь и далее полужирным шрифтом выделены коэффициенты с p-value < 0,05.

эффекты. Единственной переменной, систематически связанной с изменением в голосовании за «партию власти», является ЭЧП: чем выше ее значение, тем большим был прирост голосов за ЕР в рамках рассматриваемого электорального цикла. Аналогичным образом обстоит дело и в случае «жесткой» операционализации импульса (см. *табл. 1 Приложения*).

Наша вторая идентификационная стратегия базируется на допущении, что импульс мобилизации имеет вес только тогда, когда он превышает определенную пороговую величину. Экспериментальное воздействие тоже операционализируется двумя способами: (1) импульс мобилизации в городе превышает медианное значение за полгода до дня голосования; (2) в городе наблюдается хотя бы минимальная протестная активность за два месяца до выборов[34]. Основная спецификация выглядит так:

[34] В данном случае мы исходим из того, что наши оценки интенсивности и численности протестов, а значит, и импульса мобилизации занижены.

$$Y_{ct} = \alpha + \beta * Momentum_c + \gamma * Year2016 + \mu * Treatment_c * \\ * Year2016 + \theta * X_{ct} + \tau * Zg + \varepsilon_c t,$$

где Y_{ct} — вектор значений зависимой переменной для городов из выборки во временнóй период t; Momentum — принадлежность к группе под экспериментальным воздействием; *Year*2016 — фиктивная переменная для наблюдений в 2016 г.; X и Z — ковариаты на городском и региональном уровнях соответственно. Интерес представляет коэффициент μ, который отражает оценку эффекта воздействия на зависимую переменную (процент голосов за ЕР и явку).

Представленные в *табл. 2* результаты анализа (при «мягкой» операционализации импульса мобилизации) свидетельствуют об отсутствии значимых эффектов воздействия. Можно лишь констатировать, что с 2011 г. голосование за ЕР выросло, а явка на выборы упала независимо от того, наблюдалась ли широкая и интенсивная мобилизация в городе или нет.

Таблица 2 **Результаты модели разницы в различиях с «мягкой» операционализацией импульса мобилизации**

Переменная	*% голосов за ЕР*		*Явка*	
	Модель 1	*Модель 2*	*Модель 3*	*Модель 4*
Свободный член	81,80	81,21	87,10	86,55
Импульс * Год (2016)	0,38	1,33	0,78	-4,25
Импульс	3,52	-0,58	-0,89	0,46
Год (2016)	3,75	**3,78**	**-14,18**	**-13,42**
ЭЧП	**-16,72**	**-16,71**	**-12,46**	**-12,23**
Независимые медиа	0,25	1,02	-0,30	-0,55
Коэффициент прироста населения	0,13	0,09	0,45	0,47
N	144	144	144	144
R^2 / R^2 adjusted	0,636 / 0,620	0,627 / 0,611	0,567 / 0,549	0,571 / 0,552

Наша последняя стратегия предполагает использование метода синтетического контроля для наиболее протестного города в выборке — Челябинска. Накануне выборов сентября 2016 г. в Челябинске (и Челябинской области в целом) развернулась крупная кампания против строительства Томинского горно-обогатительного комбината, в которой участвовали тысячи протестующих; кроме того, в городе протестовали обманутые дольщики и жильцы аварийных домов. Совокупно с апреля по сентябрь 2016 г. в регионе состоялась 21 акция протеста, при этом в протестах было задействовано от 2,5 до 11 тыс. человек[35]. В итоге значение импульса мобилизации в Челябинске оказалось выше, чем в других рассмотренных нами городах.

Метод синтетического контроля применятся к неэкспериментальным данным для моделирования контрфактического сценария (то есть отсутствия экспериментального воздействия) на основе взвешенных значений из набора наблюдений без экспериментального воздействия[36]. Наблюдаемое значение исследуемой переменной (в нашем случае — процента голосов за ЕР и явки на выборы) сравнивается с оценкой ее

[35] Разброс в цифрах связан с расхождениями между официальной статистикой и данными СМИ и/или активистов. В случае подобных расхождений для вычисления импульса использовалось усредненное значение.

[36] Abadie, Diamond, and Hainmueller 2015; Abadie 2021.

значения в контрфактическом сценарии, что позволяет сделать вывод об эффекте экспериментального воздействия. В настоящем исследовании был использован донорский набор из 54 наблюдений с показателями явки / процента голосов за ЕР на уровне города, а также ЭЧП, индекса демократии и медиа-свобод на уровне региона[37]. Результаты моделирования при помощи пакета tidysynth в программной среде R представлены на *рис. 1*.

[37] Москва и Нарьян-Мар были исключены из донорского набора, поскольку для первой невозможно было вычислить ЭЧП в силу мажоритарной системы, а по второму отсутствовали данные для оценки.

Рисунок 1 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «процент голосов за ЕР на выборах 2016 г. в Государственную Думу», Челябинск**

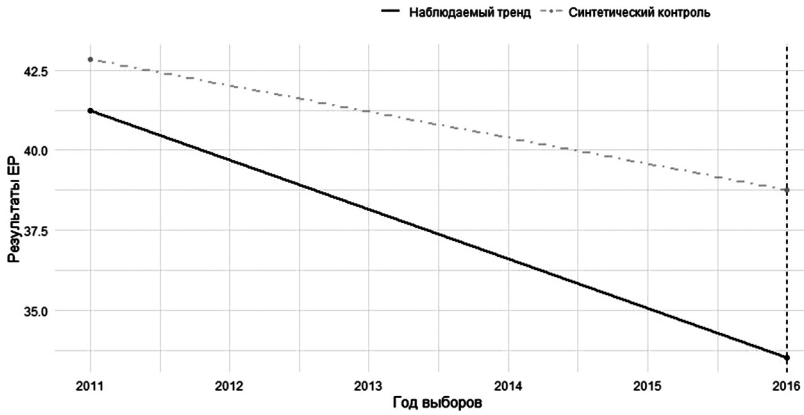
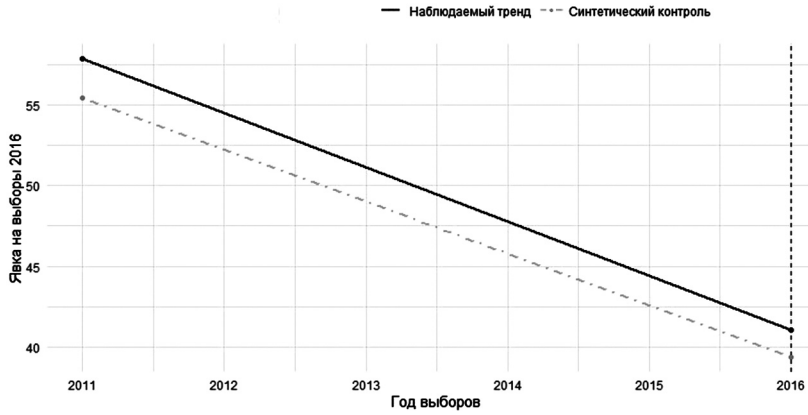


Рис. 1 демонстрирует, что в отсутствие экспериментального воздействия (интенсивной массовой мобилизации накануне выборов сентября 2016 г.) результаты «партии власти» должны были быть выше на 5,1%. Моделирование воздействия на явку, однако, не выявляет значимого эффекта: хотя в наблюдаемом сценарии результаты за 2016 г. несколько ближе к контрфактическому, тренды фактически остаются параллельными (см. *рис. 2*). Иными словами, метод синтетического контроля подтверждает гипотезу H1а, но не дает оснований говорить о подтверждении гипотезы H2.

В целях дополнительного тестирования гипотез мы подвергли синтетическому контролю город со средним показателем импульса мобилизации, а именно Петропавловск-Камчатский. Как видно из *рис. 1 Приложения*, в данном случае наблюдаемые значения голосования за ЕР оказались близки к контрфактическим (то есть воздействие привело к незначительному увеличению голосования за партию власти), что свидетельствует скорее в пользу гипотезы H1б. Несколько приблизилась к контрфактической и наблюдаемая явка на выборы (см. *рис. 2 Приложения*), тем самым отчасти подтверждая гипотезу H2.

Рисунок 2 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «явка на выборы в Государственную Думу 2016 г.», Челябинск**



В целом приходится констатировать, что результаты статистического моделирования неоднозначны. Ни линейная модель, ни модель разницы в различиях не подтверждают наши основные гипотезы, равно как и предположения об интерактивных эффектах. Возможно, это вызвано гетерогенностью нашей ключевой независимой переменной (импульс мобилизации), способной схватывать самые разные протесты на субнациональном уровне. «Сигнальная сила» коллективных действий неодинакова и зависит от характера требований, репертуара и ряда иных параметров. Кроме того, можно предположить наличие «порогового эффекта»: чтобы быть достаточным стимулом для изменения политических предпочтений избирателей, коллективные действия должны достичь определенного уровня массовости и интенсивности (например, необходимых для регулярного обсуждения в СМИ). Но все это требует дополнительной проверки.

Заключение

В настоящем исследовании мы предприняли попытку выяснить, могут ли интенсивные и массовые коллективные действия накануне выборов повысить электоральную мобилизацию и снизить поддержку «партии власти». Используя понятие «импульс мобилизации» и материалы электорального цикла 2011—2016 гг. в России, мы сконструировали несколько статистических моделей для проверки двух основных и двух дополнительных гипотез. И хотя эти гипотезы не подтвердились (при том что выбранный для анализа цикл являлся наиболее благоприятным для проявления эффекта импульса мобилизации), полученные нами результаты указывают на перспективные направления дальнейшей ра-

боты, в первую очередь связанные с гетерогенностью ключевой независимой переменной, а также с предположением о наличии порога в эффекте воздействия.

Побочным продуктом нашего анализа стало эмпирическое наблюдение о сближении показателей поддержки «партии власти» в относительно конкурентных и неконкурентных регионах. В принципе данная тенденция уже фиксировалась, однако в нашем случае речь идет о региональных столицах, которые всегда демонстрировали собственную динамику.

В целом наше исследование ставит вопрос о применимости методики, разработанной Ченовет и Бельджойозо для национальных движений, при изучении субнациональных протестов и их влияния на электоральные процессы. Неоднозначность результатов может объясняться как авторитарным контекстом (в частности, интенсивные и массовые протесты могут быть использованы провластными медиа для демобилизации оппозиционных избирателей), так и особенностями российской политической культуры: учитывая «элитно ориентированный» характер политического участия в России[38], массовые протесты могут вызвать отторжение у медианного избирателя или даже породить движение в защиту status quo. Но какими бы ни были альтернативные объяснения, российский материал в сочетании с современными методами анализа открывает прекрасную возможность для исследований на пересечении сфер политического участия и электоральной политики.

[38] *Lussier 2017.*

Библиография

Гельман В.Я. (2019) «*Недостойное правление»: Политика в современной России*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Кынев А.В. (2016) «Российские выборы-2016: предсказуемая кампания с непредсказуемыми последствиями» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 6: 57—74. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m71ltrene0/direct/201381768?ysclid=lnizkmx76j568881956 (проверено 29.10.2023).

Кынев А.В. (2017) «Государственная Дума РФ VII созыва: между „спящим потенциалом“ и партийной дисциплиной» // *Полития*, № 4 (87): 65—81. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-65-81.pdf (проверено 29.10.2023).

Петров Н. и А.Титков. (2013) *Рейтинг демократичности регионов Московского центра Карнеги: 10 лет в строю*. М.: Московский центр Карнеги. URL: https://www.hse.ru/data/2014/04/27/1336134094/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (проверено 29.10.2023).

Семенов А. (2018) «Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации» // *Социологическое обозрение*, т. 17, № 2: 317—341. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2018/06/30/1153085896/SocOboz_17_2_317-341_Semenov.pdf?ysclid=lql255ez2t409498583 (проверено 29.10.2023).

Семенов А.В. и Е.С.Попкова. (2020) «Реакция власти на политическую мобилизацию в России (На примере кампании Алексея Навального 2017—2018 годов)» // *Полития*, № 2 (97): 142—157. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-142-157.pdf (проверено 29.10.2023).

Abadie A. (2021) «Using Synthetic Controls: Feasibility, Data Requirements, and Methodological Aspects» // *Journal of Economic Literature*, vol. 59, no. 2: 391—425.

Abadie A., A.Diamond, and J.Hainmueller. (2015) «Comparative Politics and the Synthetic Control Method» // *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 2: 495—510.

Beazer Q.H. and O.J.Reuter. (2019) «Who Is to Blame? Political Centralization and Electoral Punishment under Authoritarianism» // *The Journal of Politics,* vol. 81, no. 2: 648—662.

Beissinger M.R. (2007) «Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions» // *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 2: 259—276.

Carter E.B. and B.L.Carter. (2023*) Propaganda in Autocracies: Institutions, Information, and the Politics of Belief.* Cambridge: Cambridge University Press.

Chenoweth E. and M.Belgioioso. (2019) «The Physics of Dissent and the Effects of Movement Momentum» // *Nature Human Behaviour*, vol. 10, no. 3: 1088—1095.

Gandhi J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gehlbach S. (2010) «Reflections on Putin and the Media» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 26, no. 1: 77—87.

Gehlbach S. and K.Sonin. (2014) «Government Control of the Media» // *Journal of Public Economics*, vol. 118, issue C: 163—171. URL: https://scottgehlbach.net/wp-content/uploads/2014/01/Gehlbach_Sonin_Media.pdf (accessed on 29.10.2023).

Golosov G.V. (2011) «Party System Classification: A Methodological Inquiry» // *Party Politics*, vol. 17, no. 5: 539—560.

Golosov G.V. (2012) «The 2012 Political Reform in Russia: the Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections» // *Problems of Post-Communism*, vol. 59, no. 6: 3—14.

Gomm R., M.Hammersley, and P.Foster. (2000) *Case Study Method: Key Texts, Key Issues.* London: Sage.

Guriev S. and D.Treisman. (2019) «Informational Autocrats» // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 4: 100—127.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2015) «Transparency, Protest, and Autocratic Instability» // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 764—784.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2019) «Why Do Autocrats Disclose? Economic Transparency and Inter-elite Politics in the Shadow of Mass Unrest» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 6: 1488—1516.

Howard P.N. and M.M.Hussain. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press.

Lankina T., K.Watanabe, and Yu.Netesova. (2020) «How Russian Media Control, Manipulate, and Leverage Public Discontent» // Koesel K., V.Bunce, and J.Weiss, eds. *Citizens and the State in Authoritarian Regimes: Comparing China and Russia*. Oxford: Oxford University Press: 137—164.

Li O. (2021) «Grievances and Political Action in Russia during Putin's Rise to Power» // *International Journal of Sociology*, vol. 51, no. 4: 304—320.

Lussier D.N. (2016) *Constraining Elites in Russia and Indonesia: Political Participation and Regime Survival*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2010) «The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule» // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 3: 751—765.

Mirić S. and A.O.Pechenkina. (2023) «Elite Selection in Single-Party Autocracies: Minimizing Protests and Counterproductive State Violence to Maintain Social Stability» // *Political Research Quarterly*, vol. 76, no. 2: 607—621.

Panov P. and C.Ross. (2019) «Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime» // *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2: 268—289.

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2021) «Electoral Manipulation and Regime Support: Survey Evidence from Russia» // *World Politics*, vol. 73, no. 2: 275—314.

Robertson G. (2013) «Protesting Putinism: The Election Protests of 2011—2012 in Broader Perspective» // *Problems of Post-Communism*, vol. 60, no. 2: 11—23.

Rød E.G. (2019) «Fraud, Grievances, and Post-election Protests in Competitive Authoritarian Regimes» // *Electoral Studies*, vol. 58, April: 12—20.

Rød E.G. and N.B.Weidmann. (2015) «Empowering Activists or Autocrats? The Internet in Authoritarian Regimes» // *Journal of Peace Research*, vol. 52, no. 3: 338—351.

Rosenfeld B. (2018) «The Popularity Costs of Economic Crisis under Electoral Authoritarianism: Evidence from Russia» // *American Journal of Political Science*, vol. 62, no. 2: 382—397.

Rosenfeld B. (2020*) The Autocratic Middle Class: How State Dependency Reduces the Demand for Democracy*. Princeton: Princeton University Press.

Schedler A., ed. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Stokes S. (2005) «Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics» // *American Political Science Review*. vol. 99, no. 3: 315—325.

Tertytchnaya K. (2020) «Protests and Voter Defections in Electoral Autocracies: Evidence from Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 53, no. 12: 1926—1956.

Tertytchnaya K. and T.Lankina. (2020) «Electoral Protests and Political Attitudes under Electoral Authoritarianism» // *The Journal of Politics*, vol. 82, no. 1: 285—299.

Treisman D. (2011) «Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin» // *American Journal of Political Science*, vol. 55, no. 3: 590—609.

Treisman D. (2020) «Democracy by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government» // *American Political Science Review*, vol. 114, no. 3: 792—810.

Turner K. (2023) «A Win or a Flop? Measuring Mass Protest Successfulness in Authoritarian Settings» // *Journal of Peace Research*, vol. 60, no. 1: 107—123.

Приложение

Таблица 1 Результаты линейной регрессии с робастными стандартными ошибками при «жесткой» операционализации импульса мобилизации

Переменная	*Изменения в % за ЕР*			*Изменения в явке (2011—2016)*		
	Модель 1	*Модель 2*	*Модель3*	*Модель 4*	*Модель 5*	*Модель 6*
Свободный член	**-15,64**	**-15,96**	**-15,57**	-9,24	**-9,62**	-9,12
Импульс (log)	11,40	90,35	-21,46	-11,26	81,21	-75,42
ЭЧП	**6,19**	**5,66**	**5,85**	-2,07	-2,70	-2,75
Медиа	0,95	1,40	1,19	0,45	0,98	0,92
Прирост	-0,87	-0,67	-0,78	-0,84	-0,62	-0,67
Безработица	-0,24	-0,24	-0,22	-0,26	-0,27	-0,24
Импульс * Медиа		-28,74			-33,66	
Импульс * ЭЧП			14,51			28,33
N	69	69	69	69	69	69
R2 / скорр. R2	0,282 / 0,225	0,302 / 0,235	0,287 / 0,218	0,112 / 0,041	0,150 / 0,068	0,138 / 0,055

Рисунок 1 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «процент голосов за ЕР на выборах в Государственную Думу 2016 г.», Петропавловск-Камчатский**

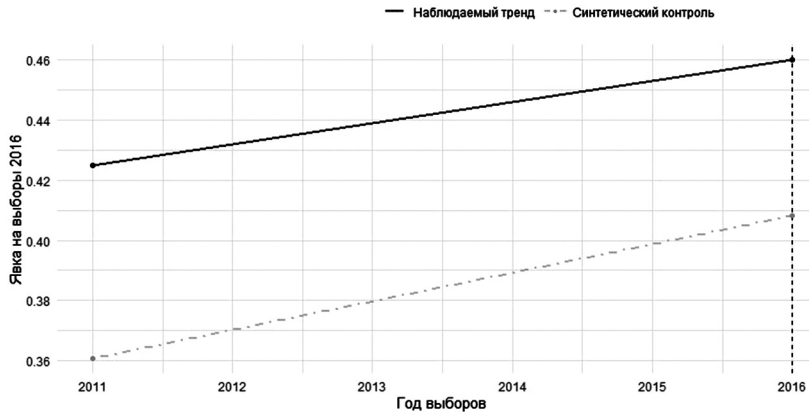
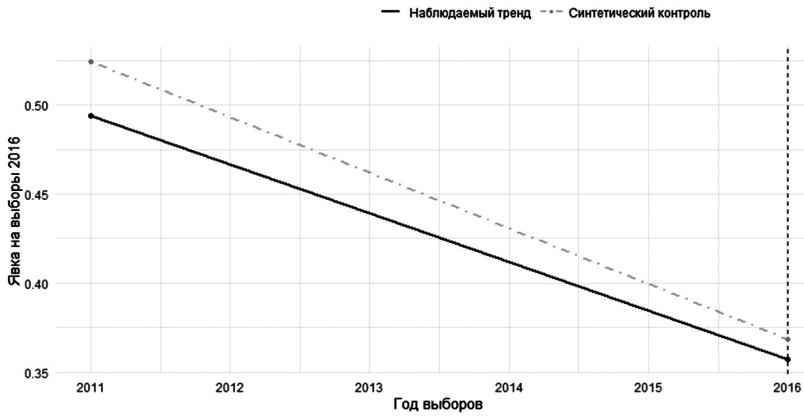


Рисунок 2 **Визуализация моделирования наблюдаемого и контрфактического результата для переменной «явка на выборы в Государственную Думу 2016 г.», Петропавловск-Камчатский**



A.V.Semenov, E.Yu.Minaeva

MOBILIZATION MOMENTUM AND ELECTORAL RESULTS OF "PARTY IN POWER"

Andrey V. Semenov — Ph.D. in Political Science; Research Fellow at the Institute of Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Email: andre.semenoff@gmail.com.

Eleonora Yu. Minaeva — M.A. in Political Science; Ph.D. Student at the European University Institute in Florence (Italy). Email: eleonora.minaeva@eui.eu.

Abstract. The article examines the connection between protests and elections in an authoritarian context. Using the concept of mobilization momentum, the authors attempt to find out whether intensive and massive collective actions on the eve of elections can affect electoral mobilization and support for the "party in power", and if so, in what direction.

Based on the modern literature on this topic, the authors identify two alternative models of the possible electoral effect of the mobilization momentum. According to the first model, by breaking through the information blockade and signaling to citizens about the widespread dissatisfaction with the authorities' policies, intense mass protests contribute to an increase in voters' turnout and a decrease in support for pro-government forces. According to the second model, such protests may easily increase the electoral performance of the "party in power," since they often lead to the mobilization of an electorate that is loyal to the ruling circles.

The authors test these hypotheses against the evidence from the 2011—2016 parliamentary electoral cycle in Russia using methods of standard multiple linear regression, difference-in-differences and synthetic control. The results are mixed. It appears that the mobilization momentum has a weak electoral effect or even a positive effect on the performance of the "party in power," but its influence may depend on threshold values: in the most protesting cities, support for the United Russia turns out to be lower than it would be in the absence of the mobilization momentum. At the same time, the findings convincingly demonstrate that the evidence and data from the Russian context, combined with modern methods of analysis, opens up an excellent opportunity for research at the intersection of the spheres of political participation and electoral politics.

Keywords: mobilization momentum, collective action, electoral politics, "party in power"

References

Abadie A. (2021) "Using Synthetic Controls: Feasibility, Data Requirements, and Methodological Aspects" // *Journal of Economic Literature*, vol. 59, no. 2: 391—425.

Abadie A., A.Diamond, and J.Hainmueller. (2015) "Comparative Politics and the Synthetic Control Method" // *American Journal of Political Science*, vol. 59, no. 2: 495—510.

Beazer Q.H. and O.J.Reuter. (2019) "Who Is to Blame? Political Centralization and Electoral Punishment under Authoritarianism" // *The Journal of Politics,* vol. 81, no. 2: 648—662.

Beissinger M.R. (2007) "Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions" // *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 2: 259—276.

Carter E.B. and B.L.Carter. (2023*) Propaganda in Autocracies: Institutions, Information, and the Politics of Belief*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chenoweth E. and M.Belgioioso. (2019) "The Physics of Dissent and the Effects of Movement Momentum" // *Nature Human Behaviour*, vol. 10, no. 3: 1088—1095.

Gandhi J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gehlbach S. (2010) "Reflections on Putin and the Media" // *Post-Soviet Affairs*, vol. 26, no. 1: 77—87.

Gehlbach S. and K.Sonin. (2014) "Government Control of the Media" // *Journal of Public Economics*, vol. 118, issue C: 163—171. URL: https://scottgehlbach.net/wp-content/uploads/2014/01/Gehlbach_Sonin_Media.pdf (accessed on 29.10.2023).

Gel'man V.Ya. (2019) *"Nedostojnoe pravlenie": Politika v sovremennoj Rossii* [Bad Governance: Politics in Contemporary Russia]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Golosov G.V. (2011) "Party System Classification: A Methodological Inquiry" // *Party Politics*, vol. 17, no. 5: 539—560.

Golosov G.V. (2012) "The 2012 Political Reform in Russia: the Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections" // *Problems of Post-Communism*, vol. 59, no. 6: 3—14.

Gomm R., M.Hammersley, and P.Foster. (2000) *Case Study Method: Key Texts, Key Issues*. London: Sage.

Guriev S. and D.Treisman. (2019). "Informational Autocrats" // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no. 4: 100—127.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2015) "Transparency, Protest, and Autocratic Instability" // *American Political Science Review*, vol. 109, no. 4: 764—784.

Hollyer J.R., B.P.Rosendorff, and J.R.Vreeland. (2019) "Why Do Autocrats Disclose? Economic Transparency and Inter-elite Politics in the Shadow of Mass Unrest" // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 63, no. 6: 1488—1516.

Howard P.N. and M.M.Hussain. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*. Oxford: Oxford University Press.

Kynev A.V. (2016) "Rossijskie vybory-2016: predskazuemaja kampanija s nepredskazuemymi posledstvijami" [Russian Elections-2016: Predictable Campaign with Unpredictable Aftermath] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 6: 57—74. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m71ltrene0/direct/201381768?ysclid=lnizkmx76j568881956 (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Kynev A.V. (2017) "Gosudarstvennaja Duma RF VII sozyva: mezhdu „spjashchim potentsialom" i partijnoj distsiplinoj" [State Duma of the Russian Federation of the VII Convocation: Between "Sleeping Potential" and Party Discipline] // *Politeia*, no. 4 (87): 65—81. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-65-81.pdf (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Lankina T., K.Watanabe, and Yu.Netesova. (2020) "How Russian Media Control, Manipulate, and Leverage Public Discontent" // Koesel K., V.Bunce, and J.Weiss, eds. *Citizens and the State in Authoritarian Regimes: Comparing China and Russia*. Oxford: Oxford University Press: 137—164.

Li O. (2021) "Grievances and Political Action in Russia during Putin's Rise to Power" // I*nternational Journal of Sociology*, vol. 51, no. 4: 304—320.

Lussier D.N. (2016) *Constraining Elites in Russia and Indonesia: Political Participation and Regime Survival*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press.

Magaloni B. (2010) "The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule" // *American Journal of Political Science*, vol. 54, no. 3: 751—765.

Mirić S. and A.O.Pechenkina. (2023) "Elite Selection in Single-Party Autocracies: Minimizing Protests and Counterproductive State Violence to Maintain Social Stability" // *Political Research Quarterly*, vol. 76, no. 2: 607—621.

Panov P. and C.Ross. (2019) "Volatility in Electoral Support for United Russia: Cross-Regional Variations in Putin's Electoral Authoritarian Regime" // *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no. 2: 268—289.

Petrov N. and A.Titkov. (2013) *Rejting demokratichnosti regionov Moskovskogo tsentra Karnegi: 10 let v stroju* [The Carnegie Moscow Center Democracy Index for Russian Regions: 10 Years in the Ranks]. Moscow: Moskovskij tsentr Karnegi. URL: https://www.hse.ru/data/2014/04/27/1336134094/CP_Petrov_Rus_2013.pdf (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Reuter O.J. and D.Szakonyi. (2021) "Electoral Manipulation and Regime Support: Survey Evidence from Russia" // *World Politics*, vol. 73, no. 2: 275—314.

Robertson G. (2013) "Protesting Putinism: The Election Protests of 2011—2012 in Broader Perspective" // *Problems of Post-Communism*, vol. 60, no. 2: 11—23.

Rød E.G. (2019) "Fraud, Grievances, and Post-election Protests in Competitive Authoritarian Regimes" // *Electoral Studies*, vol. 58, April: 12—20.

Rød E.G. and N.B.Weidmann. (2015) "Empowering Activists or Autocrats? The Internet in Authoritarian Regimes" // *Journal of Peace Research*, vol. 52, no. 3: 338—351.

Rosenfeld B. (2018) "The Popularity Costs of Economic Crisis under Electoral Authoritarianism: Evidence from Russia" // *American Journal of Political Science*, vol. 62, no. 2: 382—397.

Rosenfeld B. (2020*) The Autocratic Middle Class: How State Dependency Reduces the Demand for Democracy*. Princeton: Princeton University Press.

Schedler A., ed. (2006) *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Semenov A. (2018) "Sobytijnyj analiz protestov kak instrument izuchenija politicheskoj mobilizatsii" [Protest Event Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 17, no. 2: 317—341. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2018/06/30/1153085896/SocOboz_17_2_317-341_Semenov.pdf?ysclid=lql255ez2t409498583 (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Semenov A.V. and E.S.Popkova. (2020) "Reaktsija vlasti na politicheskuju mobilizatsiju v Rossii (Na primere kampanii Alekseja Naval'nogo 2017—2018 godov)" [Authorities' Response to Political Mobilization in Russia (On the Example of Alexei Navalny's 2017—2018 Campaign)] // *Politeia*, no. 2 (97): 142—157. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2020-2(97)-142-157.pdf (accessed on 29.10.2023). (In Russ.)

Stokes S. (2005) "Perverse Accountability: A Formal Model of Machine Politics" // *American Political Science Review*. vol. 99, no. 3: 315—325.

Tertytchnaya K. (2020) "Protests and Voter Defections in Electoral Autocracies: Evidence from Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 53, no. 12: 1926—1956.

Tertytchnaya K. and T.Lankina. (2020) "Electoral Protests and Political Attitudes under Electoral Authoritarianism" // *The Journal of Politics*, vol. 82, no. 1: 285—299.

Treisman D. (2011) "Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin" // *American Journal of Political Science*, vol. 55, no. 3: 590—609.

Treisman D. (2020) "Democracy by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government" // *American Political Science Review*, vol. 114, no. 3: 792—810.

Turner K. (2023) "A Win or a Flop? Measuring Mass Protest Successfulness in Authoritarian Settings" // *Journal of Peace Research*, vol. 60, no. 1: 107—123.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-98-113

В.А.Усова

СМЕШАННАЯ НЕСВЯЗАННАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА – ОПТИМАЛЬНЫЙ ВЫБОР ПРИ АВТОРИТАРИЗМЕ?

Кросснациональное сравнительное исследование

Виолетта Александровна Усова — преподаватель кафедры сравнительных политических исследований Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург). Для связи с автором: usovavioletta@gmail.com.

Аннотация. За последние 30 лет смешанная несвязанная система превратилась в одну из популярных разновидностей избирательных систем, используемых на выборах в национальные законодательные собрания. При этом наибольшее распространение она получила в режимах авторитарного типа. В статье предпринята попытка выявить внутриполитические факторы, способствующие внедрению смешанных несвязанных избирательных систем в условиях электорального авторитаризма. Для решения поставленной задачи использован метод бинарной логистической регрессии. В ходе исследования автор исходит из допущения, что при осуществлении избирательной реформы при авторитаризме правящая элита руководствуется прежде всего стремлением сохранить и укрепить свою власть.

Проведенное исследование показывает, что введение смешанной несвязанной избирательной системы наиболее вероятно в период режимной трансформации. На начальной стадии консолидации авторитарного режима, допускающего многопартийную конкуренцию, перед правящей элитой встает вопрос об институционализации электоральной неопределенности. От того, каким образом будут нейтрализованы сопряженные с выборами риски, зависит эффективность и долговечность политического режима. Механическое соединение мажоритарного и пропорционального принципов представительства открывает возможность для использования преимуществ каждой из электоральных формул в зависимости от политической конъюнктуры, позволяя действующей власти получать контроль над подавляющим большинством мест в парламенте даже в ситуации роста электоральной конкуренции и падения поддержки доминирующей партии.

По заключению автора, применение смешанной несвязанной системы играет важную роль в консолидации авторитарного режима. Благодаря заложенным в этой системе механизмам правящая элита может эффективно манипулировать выборами, обеспечивая выживание и стабильность авторитарного порядка.

Ключевые слова: электоральная инженерия, смешанная избирательная система, политический режим, электоральный авторитаризм, доминирующая партия

Введение

Несмотря на три волны демократизации, большинство населения планеты все еще живет в недемократических режимах. Наибольшее распространение среди них получил электоральный авторитаризм. Его главным отличием от других автократий является то, что институт выборов там имеет вполне реальное значение. Сами выборы, как правило, проводятся в назначенные сроки, и другие демократические институты (парламент, многопартийная система и т.д.) формируются через них. Но в силу искажения «правил игры» в пользу правящих кругов реальная власть оказывается в их руках, хотя с формальной точки зрения ее источником выступает волеизъявление избирателей. В итоге «выборы становятся не смертью диктатуры, а ее жизнью, не ящиком Пандоры, открывающим перспективы для политических перемен, а клапаном безопасности для регулирования общественного недовольства»[1].

[1] Brownlee 2007: 8 (цит. по: Харитонова 2012: 24).

За последние 30 лет смешанная несвязанная избирательная система применялась на парламентских выборах в 25% стран, причем если среди демократий доля использующих ее составляла 21%, то среди автократий — 35%. По степени распространения в странах второго типа эта электоральная формула почти не уступает мажоритарной (36%), заметно превосходя пропорциональную (29%)[2]. Соответственно, возникает вопрос: почему смешанная несвязанная система столь востребована в автократиях? В чем причины ее привлекательности для авторитарных правителей?

[2] Рассчитано на основе собранной автором базы данных.

Смешанная несвязанная избирательная система основана на механическом соединении двух электоральных формул — пропорциональной и мажоритарной[3]. Эти электоральные формулы функционируют независимо друг от друга — подсчет голосов по ним проводится раздельно, и распределение мандатов по мажоритарной части системы никак не зависит от результатов голосования по пропорциональной ее части.

[3] Massicotte and Blais 1999.

Выбор в пользу смешанных систем принято связывать с созданием условий для достижения компромисса между политическими партиями в ситуации крайней неопределенности, когда электоральный успех или неудачу крайне сложно предсказать[4]. Предполагается, что подобные системы способствуют формированию партийной системы умеренного типа, а комбинация формул обеспечивает благоприятную почву

[4] Shugart and Wattenberg (eds) 2001.

для политических переговоров[5]. В итоге внедрение смешанной системы стало весьма популярным направлением электоральной реформы в новых демократиях.

[5] *Birch 2000; Kostadinova 2002.*

Однако комбинация формул может использоваться не для достижения компромисса, а в целях обеспечения нужного результата на выборах. Как показывает опыт таких стран, как Албания, Венесуэла, Италия, Лесото и Россия, применение двух формул одновременно позволяет задействовать их эффекты исходя из сложившихся обстоятельств[6].

[6] *Голосов 2005; Bochsler 2012; Golosov 2013.*

В настоящем исследовании предпринята попытка выявить внутриполитические факторы, способствующие внедрению смешанных несвязанных избирательных систем в условиях электорального авторитаризма. В ходе его проведения мы исходим из допущения, что осуществление определенной избирательной реформы при авторитаризме нацелено в первую очередь на сохранение и укрепление власти автократа. В роли рабочей выступает гипотеза, согласно которой принятие смешанной несвязанной системы следует рассматривать как стратегию нейтрализации рисков в период трансформации политического режима. Именно на начальной стадии становления режима автократ сталкивается с рядом вызовов, исходящих и от элиты, и от общества[7]. Обладая значительным потенциалом для манипулирования электоральным процессом, смешанная несвязанная избирательная система позволяет эффективно справляться с этими вызовами.

[7] *Bernhard, Edgell, and Lindberg 2020.*

Смешанная несвязанная избирательная система как инструмент авторитарной консолидации власти

Выживание и стабильность современных автократий зависят от институтов, способных обеспечить управление конфликтами как внутри самих элит, так и между элитами и гражданами. Институт многопартийных выборов является одним из базовых инструментов решения этой задачи[8]. Однако для того чтобы многопартийные выборы эффективно выполняли данную функцию и работали на консолидацию политической власти автократа, он должен подчинить их своему контролю. Особенно остро эта проблема стоит на ранних этапах становления авторитарной системы[9].

[8] *Howard and Roessler 2006; Magaloni and Kricheli 2010.*

[9] *Bernhard, Edgell, and Lindberg 2020.*

В условиях трансформации политического режима авторитарным лидерам необходимо подтвердить легитимность своего пребывания у власти, добиться консенсуса среди политических элит и гарантировать регулярную победу собственных сторонников на многопартийных выборах. В подавляющем большинстве случаев эти лидеры опираются на доминирующую партию. На сегодняшний день такого рода партии существуют в 74% авторитарных стран[10].

[10] *Рассчитано на основе собранной автором базы данных.*

Соответственно, одна из задач автократа — организовать получение и сохранение доминирующей партией подавляющего числа мест в законодательном органе. Поскольку массовые фальсификации и жестокие репрессии против инсайдеров истощают базу поддержки режима и увеличивают риск государственного переворота[11], залогом выживаемости автократа оказывается его умение достигать нужных результатов,

[11] *Tucker 2007; Noh 2018.*

используя подходящие политические институты. Среди таких институтов важнейшую роль играет избирательная система.

Как известно, мажоритарная система за счет своих механических эффектов способствует победе крупных партий, награждая их бóльшим количеством мест в парламенте. Однако, как показывают исследования, в условиях авторитарного режима использование подобной системы сопряжено с определенными рисками для правящей элиты. Во-первых, сам принцип «победитель получает все» чреват непредсказуемыми последствиям, и в случае создания единой оппозиционной коалиции доминирующая партия вполне может потерпеть поражение[12], как это произошло в Мьянме, где победу на выборах 2015 г. одержала оппозиционная Национальная лига за демократию, выступающая против военного правления[13]. Во-вторых, при мажоритарных системах снижается явка избирателей, особенно если оппозиционные партии по причине постоянного проигрыша бойкотируют выборы (что бывает примерно в 40% случаев[14]). Все это может негативно сказаться на устойчивости авторитарного режима, тем более на начальной стадии его консолидации.

[12] Chang and Higashijima 2023.

[13] Dukalskis and Raymond 2018.

[14] Schedler 2013.

В этом плане пропорциональные системы обладают рядом достоинств, благоприятствующих выживанию автократов. В частности, пропорциональная формула позволяет минимизировать электоральные риски, препятствуя координации действий оппозиционных партий[15]. Другое достоинство пропорциональной системы — ее позитивное воздействие на партийное строительство, что касается в том числе и партии власти. Благодаря закрытой списочной системе высшие партийные чиновники получают возможность ранжировать политиков, что облегчает осуществление жесткого контроля над доступом в парламент и побуждает депутатов следовать партийной линии при голосовании в нем[16].

[15] Chang and Higashijima 2023.

[16] Stroh 2010.

Однако за счет своих механических эффектов пропорциональная система усиливает партийную фрагментацию, тем самым повышая уровень неопределенности результатов выборов, и в некоторых случаях приводит к снижению доли голосов за доминирующую партию, как это было, например, в России на парламентских выборах 2011 г.

Смешанная система, предполагающая соединение двух электоральных формул, позволяет использовать благоприятные для доминирующей партии и режима в целом эффекты обеих, что превращает ее в гибкий инструмент контроля над результатами выборов.

Пропорциональная секция избирательной системы способствует консолидации партийной системы. В свою очередь мажоритарная секция работает в качестве «страховочного механизма», компенсируя голоса, которые доминирующая партия не сумела получить по пропорциональной формуле. Это становится возможным благодаря эффектам контаминации, которые могут возникнуть в результате одновременного применения двух электоральных формул.

На основе опыта демократических стран установлено, что присутствие кандидата в округе позитивно влияет на долю голосов, отдаваемых там за его партию[17]. Малые партии стараются выдвинуть как мож-

[17] Herron and Nishikawa 2001; Cox and Schoppa 2002; Ferrara, Herron, and Nishikawa 2005.

но больше кандидатов, что повышает узнаваемость самих этих партий. В итоге они получают больший процент голосов, который конвертируют в большее количество мест в парламенте. Данная тенденция отчетливо просматривается, например, на выборах в Японии[18].

[18] *Cox and Schoppa 2002.*

Однако возможна и обратная закономерность, которой пользуются авторитарные режимы. За счет высокой узнаваемости доминирующей партии правящие круги, задействуя СМИ и административный ресурс, добиваются повышенного внимания избирателей и к отдельным ее кандидатам, которые побеждают в мажоритарных округах, тем самым компенсируя те голоса, что были потеряны в пропорциональной части избирательной системы. Итогом становится подавляющее большинство мест в законодательном органе даже в условиях роста электоральной конкуренции и падения поддержки доминирующей партии.

В Сенегале смешанная несвязанная система действует с 1983 г., однако ее эффект отчетливо проявился лишь 10 лет спустя. На выборах 1993 г. проправительственная Социалистическая партия, за список которой ранее голосовало более 70% избирателей, набрала лишь 57% голосов (что давало ей всего 40 мандатов из 70, распределявшихся по пропорциональной формуле), но ввиду победы ее кандидатов в 44 из 50 одномандатных округов под ее контролем оказалось 70% мест в парламенте. В преддверии выборов 1998 г. правящая элита увеличила количество мест, распределяемых по мажоритарной формуле, с 50 до 70, оставив число мест, разыгрываемых в пропорциональной секции, прежним. В результате, хотя доля голосов, отданных за Социалистическую партию, снизилось еще на 7 п.п. (до 50%), она сохранила подавляющее большинство в парламенте, выиграв в 89% одномандатных округов[19].

[19] *Mozaffar and Vengroff 2002; Reynolds, Reilly, and Ellis 2008: 109—111.*

В Камеруне в рамках принятой в начале 1990-х годов смешанной системы по мажоритарной схеме изначально распределялись лишь 4 мандата из 180. После выборов 1992 г., на которых правящее Демократическое объединение камерунского народа завоевало лишь 49% мест, число одномандатных округов было увеличено до 26, и уже в 1997 г. представительство в парламенте доминирующей партии, добившейся успеха в 22 округах, достигло 64%. Впоследствии было создано еще 12 дополнительных одномандатных округов, что по сей день обеспечивает ей почти 85% мест в законодательном органе[20].

[20] *Albaugh 2011.*

В Гвинее в 1995 г., набрав в пропорциональной секции 53,55% голосов, правящая Партия единства и прогресса (ПЕП) провела своих кандидатов в 79% одномандатных округах, что позволило ей контролировать 62% парламентских мест. На выборах 2020 г. ПЕП, которой отдали голоса 55,27% избирателей, победила в 97% одномандатных округов[21].

[21] *http://archive.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp.*

Наконец, в России поводом к возвращению к смешанной несвязанной системе, действовавшей на думских выборах 1995, 1999 и 2003 гг., а затем сменившейся чисто пропорциональной, стало снижение поддержки «Единой России» с 64,3% в 2007 г. до 49,3% в 2011 г. По итогам следующих после избирательной реформы выборов, состо-

явшихся в 2016 г., ЕР, набравшая по списочной части лишь на 5 п.п. голосов больше, чем в 2011 г., уже имела в Думе конституционное большинство в 343 места.

На начальной стадии консолидации авторитарного режима, допускающего многопартийную конкуренцию, перед правящей элитой встает задача институционализации электоральной неопределенности. От того, каким образом будут нейтрализованы сопряженные с выборами риски, зависит эффективность и долговечность политического режима. Смешанная несвязанная избирательная система предлагает широкий спектр путей достижения желаемых электоральных результатов. Одновременное использование двух принципов представительства позволяет извлекать выгоды из обоих с учетом текущих обстоятельств. Тем самым выбор смешанной несвязанной системы оказывается оптимальной стратегией нейтрализации рисков в период трансформации политического режима.

Анализ данных и обсуждение результатов исследования

В настоящем исследовании единицей анализа является конкретная страна в год проведения избирательной реформы. Поскольку до 1990 г. смешанные избирательные системы практически не применялись, исследование охватывает период с 1990 по 2021 г. За это время смешанная несвязанная система была внедрена в 49 случаях проведения избирательной реформы из 196, вошедших в выборку.

При оценке характера политических режимов мы опирались на данные неправительственной организации Freedom House, подразделяющей страны на «электоральные демократии» и «недемократии». Ввиду того, что электоральный авторитаризм по определению предполагает проведение многопартийных выборов (на фоне сохранения монополии на власть), из выборки были исключены страны, где общенациональные выборы либо отсутствуют, либо проходят на беспартийной основе.

При анализе использован метод бинарной логистической регрессии. В роли зависимой переменной выступает принятие/непринятие смешанной несвязанной избирательной системы. Если в ходе избирательной реформы в стране была введена подобная система, переменной присваивается значение 1, если нет — 0.

Наша первая независимая переменная — уровень демократического развития в стране, при определении которого задействован индекс политических прав, составляемый Freedom House. В соответствии с этим индексом странам выставляется оценка по шкале от 1 до 7, где 1 — наиболее высокий уровень развития демократии, 7 — наиболее низкий. Главной причиной выбора индекса Freedom House стал широкий охват стран, что выгодно отличает его от индекса Polity IV, который исключает из рассмотрения страны с численностью населения менее 500 тыс. человек.

Как известно, универсального способа операционализировать понятие консолидированности политического режима нет. Однако мож-

но выделить признаки того, что режим находится на начальной стадии консолидации. Применительно к электоральным автократиям таким признаком может служить полная смена руководства страны в результате разрушения однопартийного режима, государственного или военного переворота, внешней или гражданской войны. Если в течение 10 лет до перехода к смешанной несвязанной системе имели место события, повлекшие за собой насильственную смену руководства страны (то есть сложившийся политический режим существует менее 10 лет), переменной «трансформация политического режима» присваивается значение 1, если нет — 0.

Насильственная смена руководства учитывается и при анализе вошедших в выборку демократий. При этом демократизация политической системы рассматривается как фактор, влияющий на проведение избирательной реформы. Если смешанная несвязанная избирательная система была введена в течение 10 лет после начала перехода к демократическому порядку (то есть сложившийся режим существует менее 10 лет), переменной «трансформация политического режима» присваивается значение 1, если позже — 0.

Использованные в работе контрольные переменные можно условно подразделить на две группы. Первая из них затрагивает исторический бэкграунд анализируемых стран. Как показывают исследования, на выбор избирательной системы может повлиять колониальный фон. В частности, установлено, что бывшие британские колонии склонны отдавать предпочтение мажоритарной формуле, тогда как в бывших французских колониях она пользуется существенно меньшей популярностью[22]. В связи с этим мы включили в анализ две бинарные переменные: «бывшая английская колония» и «бывшая французская колония». Одновременно была введена переменная для стран постсоветского пространства, поскольку именно там получили наибольшее распространение смешанные избирательные системы.

[22] Blais and Massicotte 1997.

Ко второй группе относятся переменные, имеющие отношение к электоральному процессу. Одна из них учитывает результаты партии инкумбента на выборах, предшествовавших смене избирательной системы. В случае поражения партии инкумбента переменной присваивается значение 1, в случае победы — 0. Другая, тоже бинарная, фиксирует, являлись ли выборы, проводившиеся по рассматриваемой формуле, первыми многопартийными, либо у страны есть опыт проведения подобных избирательных компаний.

Результаты бинарной логистической регрессии представлены в *табл. 1*.

Как видно из таблицы, смешанная несвязанная избирательная система действительно получает наибольшее распространение в авторитарных странах. Согласно статистике соотношения шансов в модели 1, при увеличении показателя «уровень демократии» на одну единицу (что, напомним, означает снижение степени демократичности) шанс принятия смешанной системы возрастает практически в полтора

Таблица 1 Результаты бинарной логистической регрессии

	Модель 1 (все страны)		*Модель 2 (автократии)*		*Модель 3 (демократии)*	
Независимые переменные	*Статистика соотношения шансов*	*Коэффициенты*	*Статистика соотношения шансов*	*Коэффициенты*	*Статистика соотношения шансов*	*Коэффициенты*
Уровень демократии	1,22	**0,200* (0,111)**	-	-	-	-
Трансформация политического режима	**4,72**	**1,553*** (0,407)**	**4,65**	**1,538** (0,703)**	**3,01**	**1,105** (0,544)**
Первые многопартийные выборы	0,49	-0,701* (0,395)	6,82	-0,382 (0,689)	0,79	-0,228 (0,527)
Победа/проигрыш партии инкумбента	0,89	-0,115 (0,433)	2,42	-15,233 (1,654827)	0,76	-0,271 (0,494)
Бывшие английские колонии	0,35	-1,037* (0,530)	1,55	0,443 (0,997)	0,20	-1,598**
Бывшие французские колонии	1,19	0,176 (0,568)	1,17	0,160 (0,877)	1,67	0,514 (0,985)
Бывшее постсоветское пространство	1,42	0,355 (0,516)	1,01	0,012 (0,973)	2,62	0,967 (0,666)
Константа		-2,101*** (0,524)		-1,666 (1,070)		-1,459*** (0,412)
Число наблюдений		196		58		138
Log Likelihood		-94,056		-31,012		-63,785
Akaike Inf. Crit.		204,111		78,024		141,570

*p<0,1; **p<0,05; ***p<0,01

раза. При этом основополагающим фактором выбора в пользу подобной избирательной системы является трансформация политического режима. Данный фактор значим как для авторитарных стран (модель 2), так и для демократических (модель 3).

Применительно к автократиям (см. модель 2) введение смешанной несвязанной избирательной системы наиболее вероятно там, где при сохранении авторитарного характера правления произошла радикальная смена руководства страны. Это может быть следствием крушения однопартийного политического режима, как в постсоветских

странах, или свержения авторитарного лидера и роспуска прежней доминирующей партии, как в Египте. В некоторых африканских странах (например, в Гвинее, Мавритании и Судане) смешанная система была введена после военного переворота. Судя по статистике соотношения шансов, при принятии переменной «трансформация политического режима» значения 1 вероятность внедрения смешанной несвязанной избирательной системы повышается практически в 5 раз. В целом из 20 случаев перехода автократий к смешанной несвязанной избирательной системе в 14 это случилось в период режимной трансформации.

Аналогичная закономерность прослеживается и в демократических странах (см. модель 3), где при принятии соответствующей независимой переменной значения 1 вероятность введения смешанной несвязанной системы увеличивается в 3 раза. Из 22 стран этого типа, сделавших выбор в пользу данной системы, 16 являются новыми демократиями (как правило, подвергшимся демократизации в начале 1990-х годов).

Итак, введение смешанной несвязанной избирательной системы наиболее вероятно в период политической трансформации режима, причем это касается как демократий, так и автократий. В подобные периоды претендующие на власть политики вынуждены принимать институциональные решения в ситуации крайней неопределенности. Правящая элита стремится минимизировать риски утраты власти на последующих выборах. В рамках демократии смешанные системы воспринимаются как удобный компромиссный вариант между мажоритарным и пропорциональным подходами.

В частности, смешанная система получает широкое распространение на постсоветском пространстве, где образованным после распада СССР странам пришлось разрабатывать электоральные правила практически с нуля. По большей части бывшие советские элиты были заинтересованы в сохранении процедуры, предполагавшей проведение выборов в одномандатных округах по принципу «победитель получает все». В свою очередь оппозиционные партии отдавали предпочтение пропорциональной формуле как более инклюзивной. В условиях баланса сил торг между оппонентами в итоге приводил к внедрению смешанных систем[23].

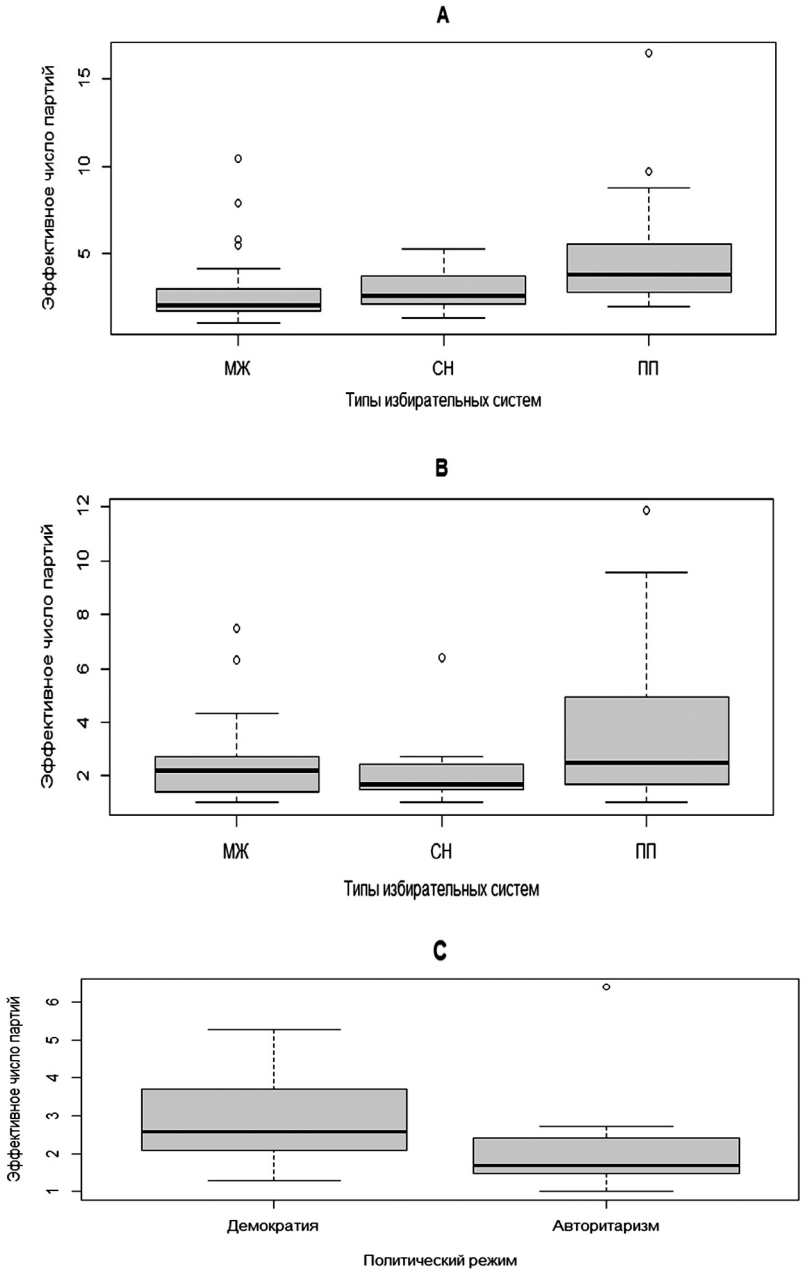
[23] Shugart and Wattenberg (eds) 2001.

В целом при демократическом правлении следствием применения смешанной несвязанной системы становится партийная система, по эффективному числу партий (ЭЧП) находящаяся между теми, что характерны для мажоритарного и пропорционального представительства (см. *рис. 1A*), тогда как при авторитарном — наиболее концентрированная ее версия (см. *рис. 1B*). При сравнении значений ЭЧП в демократиях и автократиях (см. *рис. 1C*) отчетливо видно, что в режимах второго типа разброс этих значений резко сокращается.

Таким образом, при электоральном авторитаризме смешанные несвязанные системы влияют на партийную систему так же, как и ма-

Рисунок 1 Эффективное число партий[24] и смешанная избирательная система

[24] Рассчитано по формуле Маркку Лааксо и Рейна Таагаперы.



Обозначения: МЖ — мажоритарная система, ПП — пропорциональная система, СН — смешанная несвязанная система

жоритарные, а то и приводят к формированию более концентрированных партийных систем. При этом альтернативой мажоритарной формуле они становятся преимущественно на начальном этапе режимной консолидации. Примерно в 85% стран, где в ходе избирательной реформы выбор был сделан в пользу мажоритарной системы, к моменту проведения этой реформы был стабильный авторитарный режим. Более того, в 67% случаев доминирующая партия в этих странах существовала свыше 10 лет.

В целях утверждения и закрепления устраивающей правящие круги партийной системы может использоваться и пропорциональная формула[25]. Однако ее применение чревато усилением партийной фрагментации, что не всегда выгодно правящей элите, особенно на ранней стадии консолидации политического режима. В этой ситуации обращение к смешанной несвязанной избирательной системе, которая позволяет снизить риски, связанные с утратой контроля над парламентским большинством, становится оптимальным решением.

[25] Gandhi, Heller, and Reuter 2022.

Заключение

В вышедшей в 2001 г. под редакцией Мэтью Шугарта и Мартина Ваттенберга книге «Смешанные избирательные системы: Лучшее из обоих миров?»[26], данные системы рассматриваются как некий идеальный компромиссный вариант, соединяющий в себе достоинства двух электоральных формул, и предсказывается, что такие системы станут институциональным решением XXI столетия, подобно тому как пропорциональная система была институциональным решением XX в. Однако на практике приспособить под свои нужды и использовать «лучшее из обоих миров» удается не в новых демократиях, а при построении авторитарного режима.

[26] Shugart and Wattenberg (eds) 2001.

Как показывает проведенное исследование, использование смешанной несвязанной системы играет важную роль в консолидации авторитарного политического режима. Как уже говорилось, в условиях режимной трансформации политикам нужно подтвердить легитимность своего правления, обеспечить консенсус политических элит и гарантировать регулярную победу своих сторонников на многопартийных выборах. Механическое соединение мажоритарного и пропорционального представительства позволяет не только сформировать и закрепить необходимую для решения этих задач партийную систему, но и получить контроль над подавляющим большинством мест в законодательном органе даже в ситуации роста электоральной конкуренции и падения поддержки доминирующей партии.

Стоит отметить, что работ, посвященных кросснациональному изучению электоральных технологий в авторитарных странах, критически мало[27]. Настоящее исследование вносит вклад в развитие теории, объясняющей различия в избирательных системах, используемых в автократиях. Его результаты подтверждают, что современные автократы могут рассчитывать не только на прямое мошенничество, но и на целенаправ-

[27] Нам известно только три: Gandhi and Heller 2018; Gandhi, Heller, and Reuter 2022; Chang and Higashijima 2023.

ленную электоральную инженерию, выбирая те институты, которые согласуются с их целями. И смешанная несвязанная избирательная система — один из таких институтов.

Библиография

Голосов Г.В. (2005) «Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г.» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 108—119. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2005/1/Polis-2005-1-Golosov.pdf (проверено 29.12.2023).

Харитонова О.Г. (2012) «Недемократические политические режимы» // *Политическая наука*, № 3: 9—30.

Albaugh E.A. (2013) «An Autocrat's Toolkit: Adaptation and Manipulation in „Democratic" Cameroon» // *Democratization*, vol. 18, no. 2: 388—414.

Bernhard M., B.Edgell, and S.Lindberg. (2020) «Institutionalising Electoral Uncertainty and Authoritarian Regime Survival» // *European Journal of Political Research*, vol. 59, no. 2: 465—487.

Birch S. (2000) *The Effects of Mixed Electoral Systems in Eastern Europe*. Paper presented at the 30th Annual Conference of the University Association for Contemporary European Studies, April 7—9, Budapest, Hungary.

Blais A. and L.Massicotte. (1997) «Electoral Formulas: A Macroscopic Perspective» // *European Journal of Political Research*, vol. 32, no. 1: 107—129.

Bochsler D. (2012) «A Quasi-Proportional Electoral System „Only for Honest Men"? The Hidden Potential for Manipulating Mixed Compensatory Electoral Systems» // *International Political Science Review*, vol. 33, no. 4: 401—420.

Brownlee J. (2007) *Authoritarianism in the Age of Democratization*. New York: Cambridge University Press.

Chang E. and M.Higashijima. (2023) «The Choice of Electoral Systems in Electoral Autocracies» // *Government and Opposition*, vol. 58, no. 1: 106—128.

Cox K. and L.Schoppa. (2002) «Interaction Effects in Mixed-Member Electoral Systems: Theory and Evidence from Germany, Japan, and Italy» // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 9: 1027—1053.

Dukalskis A. and C.Raymond. (2018) «Failure of Authoritarian Learning: Explaining Burma/Myanmar's Electoral System» // *Democratization*, vol. 25, no. 3: 545—563.

Ferrara F., E.Herron, and M.Nishikawa. (2005) *Mixed Electoral Systems: Contamination and Its Consequences*. New York: Palgrave Macmillan.

Gandhi J. and A.Heller. (2018) «Electoral Systems in Authoritarian States» // Herron E., R.Pekkanen, and M.Shugart, eds. *The Oxford Handbook of Electoral Systems*. New York: Oxford University Press: 387—403.

Gandhi J., A.L.Heller, and O.J.Reuter. (2022) «Shoring up Power: Electoral Reform and the Consolidation of Authoritarian Rule» // *Elec-*

toral Studies, vol. 78: 102475. URL: https://ojreuter.com/wp-content/uploads/2022/09/FinalPublished.pdf (accessed on 29.12.2023).

Golosov G. (2013) «The Case for Mixed Single Vote Electoral Systems» // *Journal of Social, Political, and Economic Studies*, vol. 38, no. 3: 317—345.

Herron E. and M.Nishikawa. (2001) «Contamination Effects and the Number of Parties in Mixed-Superposition Electoral Systems» // *Electoral Studies*, vol. 20, no. 1: 63—86.

Howard M. and P.Roessler. (2006) «Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes» // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 2: 365—381.

Kostadinova T. (2002) «Do Mixed Electoral Systems Matter? A Cross-National Analysis of Their Effects in Eastern Europe» // *Electoral Studies*, vol. 21, no 1: 23—34.

Magaloni B. and R.Kricheli. (2010) «Political Order and One-Party Rule» // *Annual Review of Political Science*, vol. 13: 123—143.

Massicotte L. and A.Blais. (1999) «Mixed Electoral Systems: A Conceptual and Empirical Survey» // *Electoral Studies*, vol. 18, no. 3: 341—366.

Mozaffar S. and R.Vengroff. (2002) «A „Whole System“ Approach to the Choice of Electoral Rules in Democratizing Countries: Senegal in Comparative Perspective» // *Electoral Studies*, vol. 21, no. 4: 601—616.

Noh Yu. (2018) *To Rig the Rules or To Break the Rules: The Politics of Electoral Manipulation in Autocracies.* Ph.D. diss. Los Angeles: The University of California.

Reynolds A., B.Reilly, and A.Ellis. (2008) *Electoral System Design: The New International IDEA Handbook*. Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance. URL: https://www.idea.int/sites/default/files/publications/electoral-system-design-the-new-international-idea-handbook.pdf (accessed on 29.12.2023).

Schedler A. (2013) *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. New York: Oxford University Press.

Shugart M. and M.Wattenberg, eds. (2001) *Mixed-Member Electoral Systems: The Best of Both Worlds?* New York: Oxford University Press.

Stroh A. (2010) «Electoral Rules of the Authoritarian Game: Undemocratic Effects of Proportional Representation in Rwanda» // *Journal of Eastern African Studies,* vol. 4, no. 1: 1—19.

Tucker J. (2007) «Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions» // *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 3: 535—551.

V.A.Usova

MIXED PARALLEL ELECTORAL SYSTEM — OPTIMAL CHOICE UNDER AUTHORITARIANISM?

Cross-National Comparative Study

Violetta A. Usova — Lecturer at the Department of Comparative Political Studies at the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St Petersburg). Email: usovavioletta@gmail.com.

Abstract. Over the past 30 years, the mixed parallel electoral system has become one of the popular types of electoral systems used in elections to national legislatures. Curiously, it received the highest popularity in authoritarian regimes. The article attempts to identify internal political factors that contribute to the introduction of mixed parallel electoral systems under the conditions of electoral authoritarianism. To perform this task, the author uses the binary logistic regression method. In this study, the author makes an assumption that when implementing electoral reform under authoritarianism, the ruling elite is largely guided by the desire to maintain and strengthen its power.

The study shows that the mixed parallel electoral system is most likely to be introduced during the period of regime transformation. At the initial stage of the consolidation of an authoritarian regime that allows multi-party competition, the ruling elite faces the challenge of institutionalizing electoral uncertainty. The effectiveness and durability of the political regime depends on how the risks associated with elections are neutralized. The mechanical combination of majoritarian and proportional representation principles opens up an opportunity to utilize the advantages of each of the electoral formulas conditional on the political situation, allowing the existing authorities to gain control over the sweeping majority of seats in parliament even when electoral competition is increasing and the support for the dominant party is falling.

According to the author's conclusion, the use of the mixed parallel system plays an important role in the consolidation of an authoritarian regime. Due to the mechanisms inherent in this system, the ruling elite can efficiently manipulate elections, ensuring the survival and stability of the authoritarian order.

Keywords: electoral engineering, mixed electoral system, political regime, electoral authoritarianism, dominant party

References

Albaugh E.A. (2013) "An Autocrat's Toolkit: Adaptation and Manipulation in „Democratic" Cameroon" // *Democratization*, vol. 18, no. 2: 388—414.

Bernhard M., B.Edgell, and S.Lindberg. (2020) "Institutionalising Electoral Uncertainty and Authoritarian Regime Survival" // *European Journal of Political Research*, vol. 59, no. 2: 465—487.

Birch S. (2000) *The Effects of Mixed Electoral Systems in Eastern Europe*. Paper presented at the 30th Annual Conference of the University Association for Contemporary European Studies, April 7—9, Budapest, Hungary.

Blais A. and L.Massicotte. (1997) "Electoral Formulas: A Macroscopic Perspective" // *European Journal of Political Research*, vol. 32, no. 1: 107—129.

Bochsler D. (2012) "A Quasi-Proportional Electoral System „Only for Honest Men"? The Hidden Potential for Manipulating Mixed Compensatory Electoral Systems" // *International Political Science Review*, vol. 33, no. 4: 401—420.

Brownlee J. (2007) *Authoritarianism in the Age of Democratization*. New York: Cambridge University Press.

Chang E. and M.Higashijima. (2023) "The Choice of Electoral Systems in Electoral Autocracies" // *Government and Opposition*, vol. 58, no. 1: 106—128.

Cox K. and L.Schoppa. (2002) "Interaction Effects in Mixed-Member Electoral Systems: Theory and Evidence from Germany, Japan, and Italy" // *Comparative Political Studies*, vol. 35, no. 9: 1027—1053.

Dukalskis A. and C.Raymond. (2018) "Failure of Authoritarian Learning: Explaining Burma/Myanmar's Electoral System" // *Democratization*, vol. 25, no. 3: 545—563.

Ferrara F., E.Herron, and M.Nishikawa. (2005) *Mixed Electoral Systems: Contamination and Its Consequences*. New York: Palgrave Macmillan.

Gandhi J. and A.Heller. (2018) "Electoral Systems in Authoritarian States" // Herron E., R.Pekkanen, and M.Shugart, eds. *The Oxford Handbook of Electoral Systems*. New York: Oxford University Press: 387—403.

Gandhi J., A.L.Heller, and O.J.Reuter. (2022) "Shoring up Power: Electoral Reform and the Consolidation of Authoritarian Rule" // *Electoral Studies*, vol. 78: 102475. URL: https://ojreuter.com/wp-content/uploads/2022/09/FinalPublished.pdf (accessed on 29.12.2023).

Golosov G.V. (2005) "Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversija golosov v mesta na dumskikh vyborakh 2003 g." [A Manufactured Majority: Vote-Seat Conversion in the 2003 Duma Elections] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Policy. Political Studies], no. 1: 108—119. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2005/1/Polis-2005-1-Golosov.pdf (accessed on 29.12.2023). (In Russ.)

Golosov G. (2013) "The Case for Mixed Single Vote Electoral Systems" // *Journal of Social, Political, and Economic Studies*, vol. 38, no. 3: 317—345.

Haritonova O.G. (2012) "Nedemokraticheskie politicheskie rezhimy" [Undemocratic Political Regimes] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 9—30. (In Russ.)

Herron E. and M.Nishikawa. (2001) "Contamination Effects and the Number of Parties in Mixed-Superposition Electoral Systems" // *Electoral Studies*, vol. 20, no. 1: 63—86.

Howard M. and P.Roessler. (2006) "Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes" // *American Journal of Political Science*, vol. 50, no. 2: 365—381.

Kostadinova T. (2002) "Do Mixed Electoral Systems Matter? A Cross-National Analysis of Their Effects in Eastern Europe" // *Electoral Studies*, vol. 21, no 1: 23—34.

Magaloni B. and R.Kricheli. (2010) "Political Order and One-Party Rule" // *Annual Review of Political Science*, vol. 13: 123—143.

Massicotte L. and A.Blais. (1999) "Mixed Electoral Systems: A Conceptual and Empirical Survey" // *Electoral Studies*, vol. 18, no. 3: 341—366.

Mozaffar S. and R.Vengroff. (2002) "A „Whole System" Approach to the Choice of Electoral Rules in Democratizing Countries: Senegal in Comparative Perspective" // *Electoral Studies*, vol. 21, no. 4: 601—616.

Noh Yu. (2018) *To Rig the Rules or To Break the Rules: The Politics of Electoral Manipulation in Autocracies.* Ph.D. diss. Los Angeles: The University of California.

Reynolds A., B.Reilly, and A.Ellis. (2008) *Electoral System Design: The New International IDEA Handbook*. Stockholm: International Institute for Democracy and Electoral Assistance. URL: https://www.idea.int/sites/default/files/publications/electoral-system-design-the-new-international-idea-handbook.pdf (accessed on 29.12.2023).

Schedler A. (2013) *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*. New York: Oxford University Press.

Shugart M. and M.Wattenberg, eds. (2001) *Mixed-Member Electoral Systems: The Best of Both Worlds?* New York: Oxford University Press.

Stroh A. (2010) "Electoral Rules of the Authoritarian Game: Undemocratic Effects of Proportional Representation in Rwanda" // *Journal of Eastern African Studies,* vol. 4, no. 1: 1—19.

Tucker J. (2007) "Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions" // *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 3: 535—551.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-114-135

Л.Е.Бляхер, Э.О.Леонтьева

«ДРУГИЕ МИГРАНТЫ» НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ, ИЛИ ПОИСК СОВЕТСКОГО НАРОДА В ПЕРИОД НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ[1]

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00411 (https://rscf.ru/project/22-28-00411/).

Леонид Ефимович Бляхер — доктор философских наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: leonid743342@mail.ru.

Эльвира Октавьевна Леонтьева — доктор социологических наук, директор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск). Для связи с автором: elvira.leontyeva@gmail.com.

Аннотация. В статье рассматривается новый, статистически не особенно значимый, но крайне необычный поток мигрантов из бывших республик СССР, прежде всего среднеазиатских и, в меньшей степени, закавказских. Если в недавнем прошлом наиболее массовой разновидностью мигранта на Дальнем Востоке, как и в России в целом, выступал житель небольшого города или поселка, ориентированный на краткосрочное или циклическое пребывание в регионе с целью заработка и в минимальной степени взаимодействующий с принимающим сообществом, то исследуемый поток включает в себя жителей крупных городов, едущих в Россию с установкой на интеграцию. Применительно к мигрантам этого типа привычные экономические факторы притяжения/выталкивания не играют существенной роли. Обладая достаточно высокой квалификацией, представители этой группы не испытывали в точке исхода сколько-нибудь серьезных материальных проблем. Мотивы их переезда носят скорее политический характер, но это не преследование за инакомыслие или участие в оппозиционной деятельности, а то, что авторы называют поиском советского народа.

По заключению авторов, появление этого миграционного потока связано с нарастанием процесса этнизации (как формы нациестроительства) в государствах постсоветского пространства, становящегося все менее постсоветским. После распада Советского Союза власти новых независимых государств проводили крайне осторожную национальную политику, что

во многом объяснялось искусственностью современных границ этих государств и их этнического фундамента. Сохранялся и высокий статус бывших имперских городов, прежних центров власти, население которых в наибольшей степени соответствовало образу советского народа. Однако в последние годы ситуация изменилась. По мере усиления этнизации, сопровождающейся вытеснением советского, отождествляемого с русским, осколки советского народа утрачивают не только социальный статус, но и основания для самоидентификации. В поисках таких оснований они и отправляются в Россию, надеясь найти подтверждение собственной профессиональной и социально-политической идентичности.

Ключевые слова: миграция, точка исхода, диаспора, принимающее сообщество, советский народ, имперский город, нациестроительство

В российских обществоведческих, в том числе политологических, работах проблема миграции постепенно отходит на второй план, заслоняясь более актуальными темами. Причина такого снижения интереса достаточно очевидна — число мигрантов в России уменьшается, их значение для хозяйственного развития падает[2]. И хотя в период эпидемиологических ограничений антимигрантская риторика в СМИ получила предельно широкое распространение, ее эффективность ввиду исчезновения объекта ненависти оказывается довольно низкой. Особенно отчетливо эта тенденция просматривается на Дальнем Востоке, население которого состоит из «следов» различных миграционных потоков[3]. Но, переставая быть значимым экономическим или социально-экономическим фактором, да и элементом внутренней политики, миграционные потоки становятся маркерами политических процессов, протекающих в соседних странах — бывших советских республиках. Об одном из таких миграционных потоков и пойдет речь в настоящей работе.

[2] Мищук 2021.

[3] Бляхер 2014.

На фоне сокращения потока привычных трудовых мигрантов, ориентированных на краткосрочное пребывание в России и в минимальной степени заинтересованных в интеграции в принимающее сообщество, становится видимым иной, существенно менее многочисленный поток «других мигрантов», чьи социальные параметры, стратегии поведения и мотивация переезда существенно отличаются от характеристик мигрантов, укоренившихся в сознании значительной части россиян и активно тиражируемых в СМИ.

Как показывает контент-анализ крупнейших российских СМИ, проведенный Татьяной Скребцовой[4], «нормальные», с точки зрения современной отечественной журналистики, мигранты — это выходцы из Центральной Азии и Кавказа. При этом представление о «выходцах» крайне размыто. И жители российских северокавказских республик, и поколениями проживающие в России армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики и т.д. в массовом сознании остаются мигрантами. По всей видимости, здесь сказывается то обстоятельство, что в рамках совет-

[4] Скребцова 2007.

ского дискурса, в существенной мере сохранившегося до наших дней, маркером «другого» выступала главным образом этничность. Соответственно, люди, обладающие иным фенотипом (гражданство и время проживания имеют ограниченное значение), воспринимаются в качестве чужих[5].

[5] Григоричев, Дятлов и Нам 2015.

Но это не единственная выделяемая черта мигрантов. «Нормальные», то есть отвечающие стереотипам, мигранты имеют неопрятный внешний вид, болеют опасными заболеваниями (туберкулезом, ВИЧ), плохо знают русский язык, нарушают принятые в России нормы поведения. В профессиональном отношении это низкоквалифицированные работники, согласные на любые условия труда, что способствует вытеснению автохтонного населения из этих трудовых ниш. Наиболее ксенофобски настроенные авторы говорят о криминальной деятельности этнических диаспор и исходящей от них угрозе национальной безопасности РФ[6].

[6] См., напр. Сапрунов 2013.

Если отбросить стигматизирующую риторику, то вырисовывается вполне определенный образ трудового мигранта как выходца с отдаленной периферии своей страны (малого города, сельской местности), представляющего наиболее бедные слои ее населения, обладающего не особенно высокой квалификацией и низкими шансами на успешное трудоустройство в точке исхода. С учетом незавершенности демографического перехода в ряде среднеазиатских стран, засоления почвы на хлопковых плантациях, а также наличия безвизового режима с Россией[7] миграционный поток становится вполне ожидаемым — как и его характеристики.

[7] Бляхер и Салимов 2008.

Тем более неожиданной выглядит иная, гораздо менее массовая группа мигрантов, демонстрирующая совершенно иные качества. Эту группу составляют выходцы из тех же стран, но жившие там в столицах и крупнейших городах. Они свободно или, во всяком случае, вполне прилично говорят по-русски и обладают высокой квалификацией, пусть даже не всегда имеют высшее образование. Отличаются они и внешне, будучи подчеркнуто аккуратны в одежде. Как заметил один из наших респондентов (житель Хабаровска): «*Когда я таких встречаю, кажется, что я на карнавале, а этот со стройки сбежал и маскируется*».

Для изучения этого не вполне обычного потока мигрантов (с упором на выходцев из стран Центральной Азии) нами было предпринято эмпирическое исследование. На первом его этапе мы провели формализованный опрос жителей Хабаровска (n = 317), подтвердивший, что определяющей характеристикой мигранта для хабаровчан является именно этничность. Кроме того, опрос позволил зафиксировать изменение отношения к мигрантам из постсоветских стран (их стигматизацию), пришедшееся примерно на 2010 г.

Полученные в ходе опроса данные задали параметры следующего этапа исследования, в рамках которого были проведены три серии интервью (всего 32 интервью). Первая серия ориентировалась на ми-

грантов, прибывших в регион в период с позднего СССР до 2010 г. и при этом сохранивших связи с точкой исхода (методика «идеального респондента»). Вторая серия включала в себя интервью с прибывшими в регион после 2010 г., третья же охватывала «неправильных» мигрантов, то есть представителей той группы, о которой шла речь выше. В качестве дополнительного материала использовались интервью, собранные в точках исхода в 2015 и 2023 гг. (всего 9 интервью). Здесь предметом исследовательского интереса были факторы выталкивания мигрантов.

Опираясь на этот материал, мы и попытались понять, хотя бы на уровне гипотезы, почему в Россию едут вполне благополучные граждане, какие механизмы выталкивания/притяжения действуют при ослаблении экономической составляющей. Однако, прежде чем описывать эти механизмы, имеет смысл подробнее остановиться на различиях между «привычными» и «непривычными» мигрантами.

«Правильные» и «другие» мигранты: социальные характеристики, коммуникация и адаптация

Первые постсоветские потоки мигрантов на Дальний Восток России (до 2010 г.) были обусловлены несколькими обстоятельствами. Прежде всего, несмотря на относительную мягкость первого этапа «развода» союзных республик, горячих точек на карте бывшего СССР хватало, как и бедности, в которую погружались еще недавно благополучные регионы. Обедневшим жителям обретших независимость республик приходилось искать пути и формы выживания. Одной из таких форм и выступала миграция.

«*Отец из города Товуз. Ты же слышал про Карабахскую войну? Азербайджан находился в жутком состоянии после распада. Резня тогда еще была. Правительству совсем плевать, они там голодали. Все это сыграло роль... Зарабатывать там было очень трудно*» (женщина, 20 лет, этническая азербайджанка, студентка).

«Тут работа была. Где мы живем, там нет работы. Сеешь картошку или пшеницу. По рассказам отца, он не хотел, чтобы его дети тоже занимались коровами. Хотел нам лучшей жизни. Если ты живешь тут так же, как люди там живут, то нет смысла переезжать. Когда переезжаешь, должен быть рост. Это как, знаешь, говорят — американская мечта. У нас мечта русская была» (мужчина, 25 лет, этнический армянин, предприниматель).

В свою очередь выбор дальневосточного региона в качестве точки прибытия в немалой степени объяснялся спецификой формирования принимающего сообщества. На протяжении последних полутора столетий российский Дальний Восток представлял собой территорию, где механический прирост населения (приезд) существенно превосходил естественный. Установление советской власти в регионе, повлекшее за собой массовые крестьянские восстания с последующим оттоком жителей в северные районы Китая[8], лишь усилило данную тенденцию.

Новое заселение региона, особенно активное в послевоенный период, осуществлялось силами всего СССР[9]. Выходцы из Закавказья,

[8] *Саначев 1992.*

[9] *Ковалевский и Бляхер 2020.*

Средней Азии, Украины становились здесь не менее «местными», чем переселенцы из «русских» регионов. Так, большинство современного населения Хабаровского края прибыло на его территорию в 60—80-е годы XX в., сохранив достаточно тесные связи (родственные, дружеские) с местом исхода.

«*Я уже 32 года тут. Бóльшую часть жизни. Но сохраняю таджикские свои... культуру. В городе праздники делаем все. Кто-то стол может накрыть, и туда приезжают все. Когда свадьба у кого-то или молитва в пятницу если, туда ходим. Бывает просто собираемся... Человек 50 или 60*» (мужчина, 50 лет, этнический таджик, владелец киоска по торговле фруктами).

Наличие «земляков» являлось важным фактором притягивания мигрантов. «Земляки» помогали им на начальном этапе, выступали посредниками между ними и принимающим сообществом.

«Совсем точно не скажу, но по рассказам отца... Есть семья одна, и вот их дед... или даже прадед приехал сюда, а за ним поколение за поколением все в Хабаровск и приезжали. И вот когда он поехал в Хабаровск, отец тоже решил» (мужчина, 25 лет, этнический армянин, предприниматель).

Важно отметить, что до начала 2010-х годов мигранты из стран Центральной Азии и Закавказья на Дальнем Востоке слабо соотносились в общественном сознании с образом гастарбайтера. Они довольно редко прибывали для вахтовой работы по контракту. Большая и видимая их часть приезжала к родственникам и знакомым, начиная работать на них или организуя собственный бизнес. Но если переселенцы советских времен вполне успешно адаптировались к местному сообществу, интегрировались в него, то в случае постсоветских мигрантов, даже стремившихся к вхождению в это сообщество (а таких было большинство), дело обстояло иначе.

Новые мигранты чаще всего входили не столько в местное сообщество, сколько в этническую сеть, образующую их мир. Если у советских мигрантов среди знакомых преобладали местные жители, то у постсоветских (особенно прибывших в 2010-е годы) — представители этнической диаспоры.

«Я спрашивала много раз: почему Хабаровск? Я люблю Товуз, люблю Баку. Там хорошо. Папа всегда это аргументировал так... Когда ты семена бросаешь, смотришь, где прорастут. Здесь получилось, и они остались.... Знаешь, как зарабатывают азербайджанцы? Правильно, торговые точки — фрукты, овощи и все такое. Знаешь, кто держит рынок Али? Азербайджанцы. Это большая система. Паутина, в которой люди друг друга знают и помогают» (женщина, 20 лет, этническая азербайджанка, студентка).

Диаспора выступает как сложная структура, диктующая участникам довольно жесткие правила поведения. Во главе диаспоры стоят два типа акторов. Первый тип — это успешный предприниматель или группа предпринимателей, вполне укорененных в принимающем сообще-

стве, являющихся его частью. Часто это группа родственников или выходцев из одной местности. Они принимают прибывающих земляков, обеспечивают их работой, помогают с жильем. Они же, судя по интервью, организуют взаимодействие с представителями власти.

«*Когда мы приехали, оказалось, что многого нет очень нужного. Дома одно думали, а тут все иначе. Мы к дяде приехали. Он кафе таджикское держит, ларьки с фруктами. Он здесь уже очень давно живет. Он нам помогал. Документы все помог сделать. Хорошие вещи много давал, деньги давал, работали мы у него. Потом сами стали работать. Долги отдали. Домой помогать стали. Если бы не он, совсем трудно было бы*» (мужчина, 23 года, этнический таджик, продавец в овощном ларьке).

Примечательно, что в этническом плане подобные акторы не всегда принадлежат к диаспоре. В двух интервью речь шла о русском предпринимателе, выполняющем по отношению к диаспоре данную функцию.

«*Я, когда дом купил в Переяславке*[10]*, там два таджика жили. Такие Равшан и Джамшуд. Ну, не в доме жили, в пристройке. Охраняли все, за порядком смотрели. Я решил их оставить. Мне же всю неделю в городе нужно быть. Да и готовили они классно. Пловы всякие, супы их, таджикские. Мне нравилось. А потом один такой Равшан попросил, чтобы его племянник приехал. Потом еще. Сейчас они у меня и кроликов дома разводят, кур, барашков. Прикольно. На турбазе моей их уже человек 12 работает. И им хорошо, и мне хорошо*» (мужчина, 61 год, этнический русский, руководитель предприятия).

[10] *Поселок возле Хабаровска.*

Другой тип актора — трансмигрант. Если крупнейшие предприниматели — представители этнической диаспоры уже вполне интегрированы в местное сообщество и гораздо больше времени проводят в России, нежели в точке исхода, то трансмигранты живут в двух пространствах, точнее, в особом пространстве между точками исхода и прибытия. По сути, трансмигранты выступают «мостом», соединяющим два социальных пространства и два сообщества. Именно они становятся для новых мигрантов проводниками в незнакомом мире.

«*Я приехал сюда. Мне никто помогать из русских не хотел. В поликлинике, в магазине. Все, будто я дикий какой-то, смотрели. А я не дикий. Я техникум закончил. Русский говорить умею. Потом здесь мой дядя жил. Он стал объяснять, как тут нужно говорить, что нужно делать. С работой помог устроиться. У него бригада две. Там и работаю. Ремонт делаем, строим. Деньги есть. Вот еще до октября поработаю и домой поеду*» (мужчина, 23 года, этнический таджик, рабочий ремонтной бригады).

Отметим, что помощь общины (диаспоры) отнюдь не благодеяние, хотя иногда именно так преподносится. Новые переселенцы, как правило, работают на предприятиях более укорененных земляков, оказывают им те или иные услуги. Многочисленные этнические общины

обладают и заметным «политическим» весом, вступают во взаимодействие с государственной и муниципальной властью. Правда, официальный руководитель общины крайне редко бывает ее реальным лидером. Но именно через него община получает легальный статус. Поэтому сложившиеся этнические диаспоры, которых значительно больше, чем титульных этносов, стремятся к увеличению своей численности, проводят национальные праздники, строят молельные дома и т.д.

При этом члены самой общины достаточно четко сегрегированы по времени пребывания на территории. Ядро общины составляют граждане России, включенные в местное сообщество, или граждане новых независимых государств, постоянно дрейфующие между точками исхода и прибытия. В любом случае речь идет об установке на длительное проживание.

Периферию общины образуют люди, ориентированные на краткосрочное, обычно сезонное, пребывание с целью заработка и последующее возвращение в точку исхода. Собственно, именно эта группа оказывается видимой для СМИ, формирует образ мигранта в глазах принимающего сообщества. Именно ее представители становятся объектами ксенофобии со стороны местного населения.

В силу краткосрочности своего пребывания они не стремятся освоить местные модели поведения, удовлетворяясь посредничеством и защитой, предоставляемыми диаспорой. Примечательно, что на протяжении долгого времени (примерно до 2010 г.) они не вызывали особого интереса ни у властей, ни у СМИ, ни у местного населения. Причина проста: место «чужого» в регионе прочно занимали граждане КНР, вплоть до кризиса 2008 г. активно прибывавшие на российский Дальний Восток в поисках заработка. Да и самих граждан новых независимых государств было сравнительно немного. Главы этнических общин достаточно успешно ограждали их от прямых контактов с местным населением и властью. Но затем ситуация меняется[11].

[11] *Мотрич 2010.*

После 2008 г. численность китайцев, приезжавших на заработки в регион в качестве сезонных рабочих, стремительно сокращается. К тому времени уровень жизни в КНР был уже вполне сопоставим с российским, а позднее и превзошел его. В результате исчезает основной фактор притяжения мигрантов из КНР. Остаются совсем другие китайцы — предприниматели, ученые, представители мира искусства, осуществляющие свою деятельность при мощной государственной поддержке (или в надежде получить ее).

С 2010 г. для реализации запущенных в регионе Больших проектов туда начали прибывать законтрактованные рабочие из стран ЕвразЭС, главным образом из Узбекистана и Таджикистана. В численном отношении эта группа существенно превосходила прежние потоки из этих стран. При этом посредник между новыми мигрантами и местным населением отсутствовал. Точнее, такими посредниками должны были выступить государство и работодатель, однако в плане эффективности их посредничество заметно уступало посредничеству «земляка».

«*Мы здесь, когда на стройке работали, почти никуда не выходили. Ничего не знали. Вокруг все на нас зло смотрели. Совсем не хотели помогать. В поликлинику пойдешь, в милицию, еще куда-то, все сразу кричат, что ты „чурка“. Даже в автобусе не хотят сидеть рядом*» (мужчина, 34 года, этнический таджик, строитель).

Образ «чужого китайца» в кратчайшие сроки был вытеснен образом «чужого узбека» (таджика). Неприятие нового «чужого» еще больше усилилось после того, как значительная часть Больших проектов на Дальнем Востоке оказалась свернута или завершена. Факторы выталкивания (отсутствие рабочих мест, относительно низкий уровень жизни) продолжали действовать, но контракты закончились. Бывшие контрактники (вахтовики) оставались в регионе, занимая низовые позиции на рынке труда (разнорабочие, маляры, работники ЖКХ, таксисты и т.д.). Многие из оставшихся обращались к сложившимся этническим общинам или образовывали новые, которые становились источником конфликтов не только с местным населением, но и с укоренившейся диаспорой.

Хотя в основе противоречий между новыми и старыми мигрантами лежала конкуренция за рабочие места, за контакты с местной и региональной властью, артикулируемой причиной конфликтов представали религия и традиции.

«*У нас главный праздник всегда был Навруз, таджикский Новый год. Мы как дома его праздновали, так и здесь празднуем. Ну, обряды, дастархан, застолье, песни. А тут эти приехали, кишлачные. И давай порядки свои наводить. Говорят, что мы все неправильно делаем. А сами ни на русском языке, ни на таджикском нормально говорить не могут. Ну вот, пришлось им напомнить, кто они, а кто мы*» (женщина, 38 лет, этническая таджичка, формальная глава общины).

Аргументы противоположной стороны сводились к тому, что их ислам и знание традиций ближе к подлинным, не испорчены советскостью. Впрочем, после не особенно долгого противостояния новые общины, как правило, поглощались старыми.

Вплоть до начала ограничений, обусловленных пандемией COVID-19, такого рода новые мигранты численно преобладали, хотя и были в основном ориентированы на краткосрочное (до года) пребывание. Именно с ними и был связан антимигрантский дискурс, формирование которого пришлось как раз на рассматриваемый период. Ситуация вполне укладывалась в описанную Владимиром Мукомелем[12]. Подавляющая часть мигрантов занималась низкоквалифицированным трудом, и даже имевшие высшее образование предпочитали наниматься на должности, предполагавшие не квалификацию, а включенность в этнические сети.

[12] *Мукомель 2017.*

Начиная с 2020 г. ситуация снова меняется. Краткосрочных мигрантов становится значительно меньше. Факторы выталкивания в центральноазиатских государствах в полном объеме сохраняются только

в Таджикистане и Кыргызстане, тогда как в остальных они несколько ослабевают. В свою очередь начинают ослабевать и факторы притяжения к России, сперва по причине роста издержек миграции, затем — под влиянием мобилизации экономики и усиления санкционного давления.

В этих условиях становится видимой группа мигрантов, слабо соотносимых со стереотипным образом, представленном в медиа и обыденном дискурсе[13]. В 2017 г. Мукомель оценивал их долю в 2% от общего числа мигрантов[14]. Однако по мере сокращения общего миграционного потока эта доля возрастает, и сегодня в региональном разрезе она уже составляет 10—12%. Отличий от традиционных мигрантов — и «старых», полностью адаптированных, и «новых», которые фигурируют в СМИ под именем «гастарбайтеры», — множество. И, наверное, первое, что бросается в глаза, — профессиональный статус этих людей. Профессии, которыми они владеют, требуют достаточно высокой квалификации и нередко относятся к категории наиболее «модных».

[13] Бритвина и Могильчак 2020.

[14] Мукомель 2017.

Выходцы из Центральной Азии, прибывшие в регион в позднесоветский период или в начале 1990-х годов, либо просто растворялись в принимающем сообществе, либо пополняли сферу, традиционно контролируемую представителями своего этноса (торговля, общепит и т.д.).

У «других мигрантов» профессии гораздо более серьезные. Среди наших респондентов наиболее многочисленными оказались медики (врачи, фельдшеры), причем часто — узкие специалисты высочайшей квалификации (гастроэнтеролог, хирург-онколог). Далее шли айтишники, педагоги, инженеры. Были и представители индустрии моды.

Показательно, что важной мотивацией переезда (а они ориентированы именно на переезд и интеграцию в новое сообщество) здесь является не столько заработок, сколько самореализация, профессиональный рост, который связывается с Россией.

«*Дома нужен просто парикмахер. Нужно уметь стричь, брить. Остальное только в Ташкенте или Самарканде. А я не парикмахер, а визажист. Это другая, гораздо более сложная квалификация. Здесь это нужно. А моя квалификация оказывается выше квалификации местных. Ко мне сначала мало людей ходило. Но постепенно клиентов больше становилось. Теперь уже сам не справляюсь. Помощников взял. Один из Андижана[15], а второй местный*» (мужчина, 31 год, этнический узбек, владелец салона).

[15] Город в Узбекистане.

Другое отличие — уровень владения русским языком. Для мигрантов, приехавших в регион до 2010 г., русский язык, пусть и выученный, постепенно становится основным даже в общении между своими. Родной язык сохраняется, но сфера его применения сокращается. Представители второго и даже полуторного (дети, родившиеся в точке исхода, но выросшие на Дальнем Востоке) поколения говорят преимущественно по-русски.

«Разговариваешь, разговариваешь [по-узбекски] — и автоматически на русский перешел, хоть с земляком разговариваешь. Он тоже не обижается, он тоже понимает, он тоже сам, бывает, так же разговаривает, тоже давно живут, тут семьи у них тоже. Они тоже так же разговаривают — по-узбекски, потом раз — автоматически перешел на русский» (мужчина, 50 лет, этнический узбек, рабочий в котельной, живет в России с 1986 г.).

Для миграционного потока, ставшего ведущим с 2010 г., русский остается вторым языком, причем освоенным далеко не идеально.

Для «других» же мигрантов русский изначально был главным языком и профессионального, и публичного общения. Родной язык выступал в роли «домашнего», да и то не во всех случаях.

«Знаю ли я английский? Ну, как... что-то знаю. В школе учил, сейчас учу, в университете. Только, понимаешь, мне он не очень, как бы сказать, не очень нужен. У нас русский язык — это как у вас английский. Мы через Россию смотрим на мир. Потому я и поехал в Россию учиться. Потом, наверное, останусь здесь» (мужчина, 20 лет, этнический таджик, студент).

Более того, среда в точке исхода часто бывала гораздо сильнее связана с русской культурой, нежели с культурой местной.

«Я лично не обращал внимания, но вокруг меня всегда была только русская среда. Город мой — Исфара, северный Таджикистан. Я... родился там, и школа там была такая. Не знаю, как сказать. Я вырос прорусским» (мужчина, 35 лет, этнический таджик, врач).

Есть отличия и в отношениях с диаспорой. Подавляющее большинство ранних постсоветских мигрантов в той или иной мере взаимодействовали с этнической общиной, тем более что и сами общины стремились вовлечь в себя всех представителей своего этноса, используя для этого не только материальную помощь вновь прибывшим, но и различного рода культурные и религиозные мероприятия, совместные праздники и т.д.

Однако все больше людей приезжают в регион, минуя посредничество общины. Они опираются на государственные программы переселения соотечественников, практически не работавшие в прежнее время. При этом, если законтрактованные мигранты 2010—2018 гг. по завершении контракта так или иначе примыкали к общинам, то «другие мигранты» ориентированы на самостоятельное вхождение в принимающее сообщество и делают ставку на полную интеграцию в него.

«*Как все вышло-то. Я зашел поговорить, там все молодые и профессионалы. Посмотрели документы. Точнее, попросили у меня перечень, который я потом собрал. Все глянули и предложили Хабаровск. Они помогают там, хорошие люди. Помогли оформить все правильно. Там четко, все продвинутые такие. Все знают. Русские парни... А там самолет, через Новосибирск. Прилетел — город большой. Заселили в общагу. Работу быстро нашел*» (мужчина, 40 лет, этнический таджик, медик).

Следующее серьезное отличие «других» мигрантов от «традиционных» — место проживания в стране исхода. «Другие мигранты» — это жители крупных городов, столиц или, в крайнем случае, особых поселений, построенных вокруг какого-то важного предприятия, рудника и т.д. и выламывающихся из окружающей периферии. И, наверное, последнее: бóльшая часть представителей рассматриваемой группы не испытывала материальных проблем в точке исхода. Привычные экономические факторы выталкивания/притяжения не играют здесь значимой роли.

Несмотря на сокращение общего потока мигрантов, эта группа, разумеется, не останется единственной и едва ли даже станет доминирующей. Но именно она, на наш взгляд, заслуживает наибольшего внимания политолога. Ведь, как мы постараемся показать далее, политические мотивы переезда являются для нее основными. И это не преследование за инакомыслие или участие в оппозиционной деятельности. Это поиск «советского народа», той идентичности, которая была и отчасти остается несомненной реальностью, крайне медленно тающей в толще постсоветских течений.

Осколки советского народа на постсоветском пространстве

Крах СССР как политического образования сопровождался и сильнейшим ударом по важнейшему его порождению — советскому народу. Утверждается, что последний поддерживался тоталитарными структурами, препятствовал образованию горизонтальных связей, атомизировал общество, оставляя человека один на один с тоталитарным государством[16]. Отмечается и противоречие между представлением о советском народе как о новой общности и сохранением этнического (в принятой в СССР терминологии — национального) принципа территориально-государственного деления[17]. Мы не собираемся спорить с этими положениями. Вместе с тем их стоит дополнить. Единственный в длинном ряду «народов (этносов) СССР» надэтнический концепт создавал возможность осознать причастность к общей для всего населения страны судьбе вне зависимости от этнической принадлежности и места проживания[18].

Однако роль концепта «советский народ» (по сути, политической самоидентификации человека) для разных групп населения была не одинаковой. Так, согласно Эмилю Паину, для жителей РСФСР он был более значим, чем для жителей других союзных республик, поскольку позволял расширить понятие «Россия» на весь Советский Союз[19]. Но и в союзных (национальных, этнических) республиках значимость этого концепта варьировала.

Как показывает Виктор Дятлов, пространственный каркас и российской империи, и СССР составляли особые социально-политические образования — имперские города[20]. Термин этот, естественно, соотносится с историческим фактом существования в Священной Римской империи феномена с таким именем — города, непосредственно

[16] Левада 1995.

[17] Паин 2003: 7.

[18] Варнавский 2004.

[19] Паин 2003: 5.

[20] Дятлов 2013.

подчиненного императору, минуя местного князя. Но смысл, который вкладывается в это понятие Дятловым (и вслед за ним нами), несколько иной. Он более связан с той трактовкой империи, которая дается в работах современных авторов[21].

[21] См., напр. Эйзенштадт 1999.

Империя понимается здесь не как порождение римской или, шире, европейской политической культуры, но как одна из базовых политических форм. Империя — вселенский проект мирового устройства с трансцендентальной основой. В отличие от государства модерна, феномена принципиально посюстороннего, империя ориентирована на смыслы, транслируемые извне, из области трансцендентного, и не столь важно, идет ли речь о Боге, «мировом порядке» или «объективных законах истории». При этом гетерогенность территорий и этносов, воспринявших трансцендентальные смыслы и порождаемый ими порядок, для империи, в отличие от государства, стремящегося к гомогенности, не является проблемой. Точнее, не является острой проблемой. По мнению Чарльза Тилли, она решается путем делегирования управленческих полномочий местным (территориальным) элитам в обмен на их полную лояльность в отношении центра и транслируемого им порядка[22].

[22] Тилли 2009.

Пространством взаимодействия центра и местных элит и выступают имперские города. Их появление часто бывает результатом не объективных агломерационных процессов, а выполнения политической задачи — обеспечить трансляцию центрального властного импульса на территорию, слишком удаленную от центра для того, чтобы он транслировался непосредственно. Одному из авторов этой статьи уже доводилось писать об имперском городе[23]. Для сохранения логики изложения приведем высказанные ранее соображения еще раз.

[23] Бляхер 2015.

Имперским городом могла быть (хотя и не всегда была) столица союзной республики, крупный город республиканского подчинения, особо важный промышленный центр, имеющий «всесоюзное значение». В таких городах складывалось отличное от местного население. Его этническая окраска сохранялась, но часто нивелировалась имперскостью. Чиновники различных рангов, профессорско-преподавательский состав вузов, в которых воспроизводилось новое поколение региональной элиты, даже инженерный корпус и рабочие наиболее значимых производств, учителя средних школ и т.д. приезжали извне.

Это формировало и особый, имперский, образ жизни, тоже отличный от образа жизни местного населения. Поскольку «имперские» жители прибывали из разных мест, основой для коммуникации между ними служили официальная идеология и русский язык («язык межнационального общения»). Традиции, постепенно возникавшие в имперском городе, в большей степени воспроизводили идею советского, нежели в каком-то ином месте. Стоит отметить, что на протяжении подавляющей части истории СССР уровень материального обеспечения в имперских городах был выше, чем на подчиненной им территории. Они выступали своего рода шаблоном для пространства, в котором располагались.

Местные жители, оказавшиеся в имперском городе, волей-неволей начинали воспроизводить этот образ жизни и принципы коммуникации, усваивали русский язык. Для политической элиты это было условием карьеры. Но и для преподавателей, ученых, медиков, инженеров, рабочих такое усвоение было крайне значимым, поскольку позволяло укорениться здесь. Это не только наделяло их более высоким по сравнению с «кишлачным» (бескультурным, диким и т.д.) населением статусом, но и открывало окно в большой мир. Ведь основные учебники, художественные произведения и т.д. выходили на русском языке. Через его посредство усваивалась мировая культура.

Если первое поколение «имперцев», представлявших местный этнос, еще ощущало свою чужеродность имперскому городу, то полуторное и второе поколения, в полом соответствии с теоретическими положениями[24], целиком принимали его язык и образ жизни. Они сами учились в «русских» (с преподаванием на русском языке) школах и туда же отдавали своих детей. Язык местного этноса сохранялся. Он присутствовал в качестве обязательного предмета в школе и вузе. Но его применение ограничивалось домашним общением и специально выделенными публичными сферами («национальные по форме и социалистические по содержанию» театр, литература и проч.).

[24] См. Мукомель 2017.

Таким образом, к моменту распада Советского Союза на территории союзных республик, во всяком случае среднеазиатских, существовали устойчивые и высокостатусные анклавы, говорившие на русском языке и идентифицировавшие себя не столько с тем или иным этносом, сколько с «советскими людьми». К данной категории относилась и региональная элита, возглавившая новые независимые государства, возникшие на руинах СССР. Это обстоятельство наложило серьезный отпечаток на практики нациестроительства в этих государствах.

С одной стороны, у руководителей новых независимых государств не было иного способа легитимировать свою власть, кроме как через отталкивание от СССР и выстраивание политической нации как антитезы «социалистическому» псевдогосударственному образованию. С другой стороны, и они сами, и все их окружение были плоть от плоти советского народа. Даже там, где, как в Таджикистане, персональный состав элиты обновился[25], новая элита столь же тесно была связана с СССР, а старая не утратила свои позиции полностью. Они нуждались в центре, будучи сформированы для трансляции идущего от него властного импульса. Возможно, этим объясняются и усиленные поиски новой империи — от вполне реального Европейского союза и возможного Великого Турана до виртуального «царства Саманидов» или «империи эмира Тимура». Кроме всего прочего, границы республик и новых государств были именно советскими, укорененными в СССР и лишенными иных исторических оснований.

[25] Зоиров 2015.

Это предопределило крайне осторожную политику нациестроительства в новых государствах. В большинстве постсоветских стран Центральной Азии сохранился особый статус русского языка, как и тес-

ные связи с бывшим имперским центром. В этих условиях имперские города хоть и лишились части русскоязычного населения, но сохранили возможность воспроизводить себя.

«Сегодня не так часто встретишь человека, с которым можно вот так культурно и цивилизованно поговорить на русском языке. Очень много кишлачных появилось в последнее время. Но они тоже учатся. Сам город учит» (мужчина, 43 года, этнический таджик, преподаватель).

Из приведенного фрагмента интервью видно, что речь идет не только о воспроизводстве жителей прежнего имперского города, но и об адаптации новых. Можно усмотреть в этом фрагменте и еще один важный момент — статус жителя бывшего имперского города (культурный, цивилизованный) по-прежнему выше, чем статус обитателей окружающей его периферии.

Но изменения происходят. При всем том, что тесные контакты между бывшим имперским центром, ставшим центром России, и центрами бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, сохраняются, его роль постепенно снижается. Появляется пусть не особенно большое, но уже значимое число представителей местной элиты, получивших образование в Европе, США, Турции, Иране и ориентированных на иные центры. Появляется и новый экономический гегемон — Китай.

Показательно здесь мнение одного из наших респондентов — яркого представителя «имперского» населения Республики Таджикистан.

«Я опасаюсь, что китайцы вытеснят все русское. Тогда будет сложно. Китайцы наших особенностей не знают. Они деньги делают. Выжмут все соки и уйдут. А нам здесь жить» (мужчина, 36 лет, этнический таджик, предприниматель).

Меняются и поколения элиты. Старая, советская в генезисе элита сходит со сцены (быстрее всего в Казахстане и Кыргызстане), уступая место элитным группам, уже гораздо меньше связанным с советским народом. Они далеко не антироссийские; они просто не советские. Соответственно, население бывших имперских городов уже не может служить основой их легитимности. Процесс этнизации политики, растворения «имперского» в новом национальном нарастает. Эпидемические ограничения и санкционное давление на Россию многократно ускорили его.

Не только во власти — во всех сферах появляются новые люди, оттесняя на периферию прежних носителей высокого статуса. Понятно, что происходит это не одномоментно, да и темпы этнизации различаются. В узкопрофессиональных сферах данный процесс идет намного медленнее, но в конечном счете затрагивает и их.

«Чтобы оперировать, нужно очень много учиться, уметь нужно много. Тут только тем, что ты кулябец, взять трудно. Это и власти понимают. Им же тоже лечиться приходится. Потому я и дома был в полном порядке. Начальником меня никто бы не поста-

вил. Но лечить я мог. И платили мне нормально» (мужчина, 39 лет, этнический таджик, хирург).

Особый, более высокий статус жителя имперского города исчезает. Напротив, именно его антагонист («кишлачный») оказывается носителем пестуемых новой элитой национальных форм и образа жизни. И это становится новым фактором выталкивания. Он не экономический, а целиком и полностью политический, точнее, возникающий в результате ускоряющегося нациеобразования. Те, кто не вписывается или не может вписаться в этот проект, вынуждены либо откатываться в маргинальные сферы, либо покидать территорию.

Поначалу процесс раскручивался малозаметно. Ведь и этнизация нарастала отнюдь не стремительно, позволяла адаптироваться — тем более что этим людям было что терять. Уезжали аутсайдеры, наименее приспособленные, молодежь. Но ситуация ухудшалась. Маргинальный статус бывших «имперцев», представителей советского народа, становился все более очевидным, разрушая их самоидентификацию. В поисках подтверждения собственной профессиональной и социально-политической идентичности они и отправлялись в Россию.

Выше мы уже отмечали (со ссылкой на мнение Паина), что феномен советского народа ярче всего проявился в РСФСР. Не в последнюю очередь по этой причине российское население так позитивно восприняло воспроизводство многих социальных и политических форм, уходящих корнями в СССР. Потому и ехали оказавшиеся в чуждом пространстве «советские люди» в страну, наиболее сильно напоминающую утерянный дом.

Да, отличия были. Неравенство, ксенофобия в СССР, конечно, присутствовали, но носили не столь явный характер и осуждались публично. Сегодня эти установки предстают едва ли не официальной идеологией вполне легальных политических сил[26]. Но когда речь идет о сохранении самовосприятия, возникает искушение чего-то не заметить. Не случайно потомки жителей Первого Рима в своей тоске по порядку Римской империи объявляли ее реинкарнацией варварскую державу то Карла Великого, то Оттона. Собственно, этим и объясняется, почему поток «советских людей» хлынул в конечном итоге именно в дальневосточные регионы России.

[26] Мамырканов 2014.

Первоначально, в период распада СССР и первые постсоветские годы, русскоязычные жители бывших союзных республик стремились в столицы и мегаполисы, где было больше рабочих мест, более высокие шансы на успешную карьеру. Однако именно там сильнее всего проявляла себя и ксенофобия. Особенно когда речь пошла о русскоязычных представителях титульных этносов новых независимых государств. Причины вполне очевидны. Столицы и мегаполисы России были точкой притяжения не только для осколков советского народа из постсоветских стран, но и для внутрироссийской миграции[27]. Мигранты из российской периферии и новых постсоветских государств претендовали на сходные социально-экономические позиции. В ре-

[27] См. Мкртчян 2015.

зультате российское гражданство и этничность (русская) превратились в знамена, под которыми развернулась борьба с «засильем иностранцев».

И здесь Дальний Восток России при всей его удаленности и периферийности оказался гораздо более притягательным, нежели крупнейшие городские агломерации европейской части страны. Во-первых, людей там действительно не хватает, причем отток населения вымывает оттуда в первую очередь молодых квалифицированных специалистов. Не то чтобы в других регионах страны, за исключением нескольких мегаполисов, их был избыток. Но на Дальнем Востоке нехватка квалифицированных кадров была официально признана, стала важнейшим элементом региональной политики. Как следствие, возникала возможность использовать для облегчения переезда ресурсы не этнической сети или знакомых из принимающего сообщества, а государства, что ставило «других переселенцев» в гораздо более независимое от диаспоры положение, чем любых других.

Во-вторых, как уже говорилось, население региона изначально состояло из «следов» переселенческих потоков советского и постсоветского периода. Выходцы из Закавказья, Кореи, Китая, Центральной Азии были здесь вполне «своими» и привычными. Соответственно, этничность в меньшей степени, чем в Европейской России, выступала основанием для стигматизации. Скорее, этноним соотносился с профессиональной деятельностью. Определенные виды деятельности (работа на стройке, некоторые виды вахтовой работы, частный извоз и т.д.) маркировались как «таджикские» или «узбекские».

«*Тут ведь какое дело. Когда хабаровчанин, в смысле — русский, видит мастера, который ему ремонт делать пришел, он первым делом думает: „Это таджик“, а уже во вторую очередь: „Маляр“ или „Строитель“. А когда он меня видит, то сначала думает: „Это врач, который меня лечить будет“, а уже потом смотрит, кто я по национальности. Это важно. Для меня важно*» (мужчина, 42 года, этнический таджик, хирург).

Как некогда миграционный поток из Китая превратился в «след», некоторое количество вполне укорененных в регионе семей, так, похоже, и поток мигрантов из Закавказья и Центральной Азии постепенно превращается в объект исторического анализа, сохраняясь в виде «следа», принесшего в дальневосточное сообщество новые кулинарные традиции, новые праздники, новые элементы повседневности. Одним из наиболее значимых, завершающих компонентов этого потока и являются «другие мигранты», осколки советского народа, нашедшие для себя новый дом. Они покинули территории, где реальностью становится иной национальный проект. Сам их отъезд — маркер усиления этого проекта.

Другой вопрос, как скажется их идентичность на крайне неустойчивой и подвижной идентичности самих дальневосточников. Вполне возможно, что под их влиянием здесь сформируется новый вариант со-

ветскости или постсоветскости. Впрочем, вероятнее, что они обретут ту же размытую и подвижную региональную идентичность и вместе с принимающим сообществом будут двигаться в сторону новой российской политической нации.

Появится ли на Дальнем Востоке новый поток мигрантов, пока не ясно. Это будет зависеть и от экономического развития нашей страны, и от международных условий, и от ситуации в самих постсоветских государствах. Однако уже сейчас можно утверждать, что привычные постсоветские мигранты остались в прошлом. И новый миграционный поток будет состоять не из «соотечественников», а из нормальных иностранных граждан. И это будет совсем другая история.

Библиография

Бляхер Л.Е. (2014) *Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток*. М.: Европа.

Бляхер Л.Е. (2015) «Этнизация и вторичная русификация пространства „имперских“ городов (Случай Душанбе)» // *Полития*, № 3 (78): 75—90. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Blyaher_Politeia-2015-3(78).pdf (проверено 9.11.2023).

Бляхер Л.Е. и Ф.Н.Салимов. (2008) «Республика Таджикистан — проблемный узел Центральной Азии» // *Полития,* № 2 (49): 6—17. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyaher_Salimov-2008-2.pdf (проверено 9.11.2023).

Бритвина И.Б. и Е.Л.Могильчак. (2020) «Стереотипы восприятия мигрантов из стран Центральной Азии как представителей культуры единого региона» // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры*, т. 26, № 2: 176—184. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85819/1/iurp-2020-197-19.pdf (проверено 9.11.2023).

Варнавский П. (2004) «Советский народ: создание единой идентичности в СССР как конструирование общей памяти (на материалах Бурятской АССР)» // *Ab Imperio*, № 4: 239—262.

Григоричев К.В., В.И.Дятлов и И.В.Нам. (2015) «Миграция и этнизация городского пространства: научная школа-семинар» // *Вестник Томского государственного университета. История*, № 5: 5—8.

Дятлов В.И. (2013) «Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле» // Дятлов В.И. и К.В.Григоричев, ред. *Переселенческие общества Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков*. Иркутск: Оттиск: 211—223.

Зоиров Д. (2015) «От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах» // *Россия и мусульманский мир*, № 3: 88—115.

Ковалевский А.В. и Л.Е.Бляхер. (2020) «Дальневосточная миграция: особенности интерпретации на примере кейса Хабаровского края» // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, № 3 (54): 120—127.

URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-3/_2020_3_120-127.pdf (проверено 9.11.2023).

Левада Ю.А. (1995) «Возвращаясь к феномену „человека советского“: проблемы методологии анализа» // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 6: 14—18. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/106/38 (проверено 9.11.2023).

Мамырканов М.А. (2014) «„Моя неласковая Русь“ (о проблеме защиты прав кыргызстанских трудовых мигрантов от проявлений ксенофобии и мигрантофобии в России)» // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета*, т. 14, № 1: 60—64. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUMAMYRKANOVM.A.2014-1.pdf (проверено 9.11.2023).

Мищук С.Н. (2021) «Трудовая миграция на Дальнем Востоке России: до и после 2020 года» // *Региональные проблемы*, т. 24, № 2—3: 171—174.

Мкртчян Н.В. (2015) «Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период» // Донец Е.В. и О.С.Чудиновских, ред. *Современные исследования миграции населения*. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова: 94—111.

Мотрич Е.Л. (2010) «Трансформация миграционных связей Дальнего Востока России со странами ближнего и дальнего зарубежья» // *Пространственная экономика*, № 2: 74—95.

Мукомель В.И. (2017) «Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда» // *Статистика и экономика*, № 6: 69—79.

Паин Э. (2003) «Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью» // *Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия*. М.: Kennan Institute: 5—9.

Саначев И.Д. (1992) «Крестьянское восстание на Амуре — кулацкий мятеж или шаг отчаяния?» // *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*, № 3: 32—39, № 4: 27—37.

Сапрунов А.Г. (2013) «Миграционные процессы как детерминанты криминализации и виктимизации населения» // *Общество и право*, № 4 (46): 116—120.

Скребцова Т.Г. (2007) «Образ мигранта в современных российских СМИ» // *Политическая лингвистика*, № 23: 115—118. URL: https://politlinguistika.ru/images/3-2007/13.pdf (проверено 9.11.2023).

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства, 990—1992 гг*. М.: Территория будущего.

Эйзенштадт Ш. (1999) *Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект Пресс.

L.E.Bliakher, E.O.Leontyeva

"OTHER MIGRANTS" IN THE FAR EAST OF RUSSIA, OR SEARCH FOR THE SOVIET PEOPLE DURING THE PERIOD OF NATION BUILDING IN THE POST-SOVIET SPACE

Leonid E. Bliakher — Doctor of Philosophy; Professor at the Higher School of Social and Political Sciences; Chief Researcher, Pacific State University (Khabarovsk). Email: leonid743342@mail.ru.

Elvira O. Leontyeva — Doctor of Sociology; Director of the Higher School of Social and Political Sciences, Pacific State University (Khabarovsk). Email: elvira.leontyeva@gmail.com.

Abstract. The article examines a new, not very important from the statistical viewpoint, but extremely unusual flow of migrants from the former republics of the USSR, primarily Central Asian and, to a lesser extent, Transcaucasian. In the recent past a typical migrant in the Far East, as well as in Russia as a whole, can be described as a resident of a small city or village, who is focused on a short-term or cyclical stay in the region for the purpose of earning money and minimally interacting with the host community. However, the new flow of migrants includes residents of large cities who travel to Russia with an intention to integrate. For these types of migrants the usual economic push/pull factors do not play a significant role. The representatives of this group possess sufficiently high qualifications and did not experience any serious economic problems in the country of origin. The motives for their move are rather political in nature, and this is not persecution for dissent or participation in opposition activities, but rather what the authors refer to as the search for the Soviet people.

According to the authors' conclusion, the emergence of this migration flow is associated with the growing process of ethnicization (as a form of nation-building) in the states of the post-Soviet space, which is increasingly becoming less post-Soviet. After the collapse of the Soviet Union, the authorities of the newly independent states pursued an extremely cautious national policy, which was largely explained by the artificial nature of the contemporary borders of these states and their ethnic foundation. The former imperial cities, the previous centers of power, whose population most closely corresponded to the image of the Soviet people, preserved their high status. However, in the recent years the situation has changed. As ethnicization intensifies, accompanied by the ousting of the Soviet, which was equated with the

Russian, the "debris" of the Soviet people lose not only their social status, but also the foundation for self-identification. They move to Russia in search of such foundation, with the hope to find confirmation of their own professional and socio-political identity.

Keywords: migration, country of origin, diaspora, host community, Soviet people, imperial city, nation-building

References

Blyakher L.E. (2014) *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni: Dal'nij Vostok* [The Art of Uncontrolled Life: The Far East]. Moscow: Evropa. (In Russ.)

Blyakher L.E. (2015) "Etnizatsija i vtorichnaja rusifikatsija prostranstva „imperskikh" gorodov (Sluchaj Dushanbe)" [Ethnicization and Secondary Russification of "Imperial" Cities Space (Case of Dushanbe)] // *Politeia*, no. 3 (78): 75—90. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Blyaher_Politeia-2015-3(78).pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Blyakher L.E. and Salimov F.N. (2008) "Respublika Tadzhikistan — problemnyj uzel Tsentral'noj Azii" [The Republic of Tajikistan as a Knot of Central Asia's Problems] // *Politeia*, no. 2 (49): 6—17. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Blyaher_Salimov-2008-2.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Britvina I.B. and E.L.Mogilchak. (2020) "Stereotipy vosprijatija migrantov iz stran Tsentral'noj Azii kak predstavitelej kul'tury edinogo regiona" [Stereotypes Regarding Central Asian Migrants' Perception as Representatives of the Single Region Culture] // *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serija 1: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture], vol. 26, no. 2: 176—184. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/85819/1/iurp-2020-197-19.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Dyatlov V.I. (2013) "Etnizatsija gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sja v issledovatel'skom pole" [Ethnization of Urban Space: an Attempt to Determine the Research Field] // Dyatlov V.I. and K.V.Grigorichev, eds. *Pereselencheskie obshchestva Aziatskoj Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva. Rubezhi 19—20 i 20—21 vekov* [Resettlement Societies of Asian Russia: Migrations, Spaces, Communities. The Frontiers of the 19th—20th and 20th—21st Centuries]. Irkutsk: Ottisk: 211—223. (In Russ.)

Eisenstadt Sh. (1999). *Revolutsija i preobrazovanie obshchestv: Sravnital'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Grigorichev K.V., V.I.Dyatlov, and I.V.Nam. (2015) "Migratsija i etnizatsija gorodskogo prostranstva: nauchnaja shkola-seminar" [Migration and Ethnization of Urban Space: Scientific School-Seminar] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], no. 5: 5—8. (In Russ.)

Kovalevskij A.V. and L.E.Blyakher. (2020) "Dal'nevostochnaja migratsija: osobennosti interpretatsii na primere kejsa Khabarovskogo kraja" [Far Eastern Migration: Peculiarities of the Interpretation. Example of the Khabarovsk Territory Case] // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija* [Ojkumena. Regional Researches], no. 3 (54): 120—127. URL: https://ojkum.ru/images/articles/2020-3/_2020_3_120-127.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Levada Yu. (1995) "Vozvrashchajas' k fenomenu „cheloveka sovetskogo": problemy metodologii analiza" [Returning to the Phenomenon "Homo Soveticus". Problems of Analysis Methodology] // *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Change: The Public Opinion Monitoring], no. 6: 14—18. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/106/38 (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Mamyrkanov M.A. (2014) "„Moja nelaskovaja Russ'" (o probleme zashchity prav kyrgyzstanskikh trudovykh migrantov ot projavlenij ksenofobii i migrantofobii v Rossii)" ["Not My Affectionate Russia" (On the Problem of the Protection of Kyrgyz Labor Migrants form Xenophobia and Migrant Phobia in Russia)] // *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo slvavjanskogo universiteta* [Herald of KRSU], vol. 14, no. 1: 60—64. URL: https://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUMAMYRKANOVM.A.2014-1.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Mishchuk S.N. (2021) "Trudovaja migratsija na Dal'nem Vostoke Rossii: do i posle 2020 goda" [Labor Migration in the Far East of Russia: Before and After 2020] // *Regional'nye problemy* [Regional Problems], vol. 24, no. 2—3: 171—174. (In Russ.)

Mkrtchyan N.V. (2015) "Prostranstvennye osobennosti vnutrirossijskoj migratsii v postsovetskij period" [Spatial Features of Intra-Russian Migration in the Post-Soviet Period] // Donets E.V. and O.S.Chudinovskikh, eds. *Sovremennye issledovanija migratsii naselenija* [Modern Studies of Population Migration]. Moscow: Ekonomicheskij fakul'tet MGU im. M.V.Lomonosova: 94—111. (In Russ.)

Motrich E.L. (2010) "Transformatsija migratsionnykh svjazej Dal'nego Vostoka Rossii so stranami blizhnego i dal'nego zarubezh'ja" [Transformation of Migration Relations of the Russian Far East with the Countries of the Near and Far Abroad] // *Prostranstvennaja ekonomika* [Spatial Economics], no. 2: 74—95. (In Russ.)

Mukomel V.I. (2017) "Migranty na rossijskom rynke truda: zanjatost', mobil'nost', intensivnost' i oplata truda" [Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages] // *Statistika i ekonomika* [Statistics and Economics], no. 6: 69—79. (In Russ.)

Pain E. (2003) "Problemy samoidentifikatsii rossijan: so stranoj, s regionom, s etnicheskoj obshchnost'ju" [Problems of Self-identification of Russians: with the Country, with the Region, with the Ethnic Community] // *Problemy identichnisti: chelovek i obshchestvo na poroge tret'ego tysjache-*

letija [Identity Problems: Man and Society on the Threshold of the Third Millennium]. Moscow: Kennan Institute: 5 —9. (In Russ.)

Sanachev I.D. (1992) "Krest'janskoe vosstanie na Amure — kulatskij mjatezh ili shag otchajaniaj?" [Peasant Uprising on the Amur — Kulak Rebellion or a Step of Despair?] // *Vestnik Dal'nevostochnogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences], no. 3: 32—39, no. 4: 27—37. (In Russ.)

Saprunov A.G. (2013) "Migratsionnye protsessy kak determinanty kriminalizatsii i viktimizatsii naselenija" [Migration Processes as Determinants of Criminalization and Victimization of the Population] // *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], no. 4 (46): 116—120.

Skrebtsova T.G. (2007) "Obraz migranta v sovremennykh rossijskikh SMI" [The Image of a Migrant in Modern Russian Media] // *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics Journal], no. 23: 115—118. URL: https://politlinguistika.ru/images/3-2007/13.pdf (accessed on 9.11.2023). (In Russ.)

Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, capital i evropejskie gosudarstva, 990—1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, AD 990—1992]. Moscow: Territorija budushchego. (In Russ.)

Varnavsy P. (2004) "Sovetskij narod: sozdanie edinoj identichnosti v SSSR kak konstruirovanie obshchej pamjati (na materialakh Burjatskoj ASSR)" [The Soviet People: the Creation of a Unified Identity in the USSR as the Construction of a Common Memory (Based on the Materials of the Buryat ASSR)] // *Ab Imperio*, no. 4: 239—262. (In Russ.)

Zoirov D. (2015) "Ot meztadzhikskogo konflikta k postkonfliktnomu miru: obshchee i osobennoe v etnopoliticheskikh konfliktakh" [From the Inter-Tajik Conflict to Post-Conflict Peace: Common and Special in Ethno-Political Conflicts] // *Rossija i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 3: 88—115. (In Russ.)

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-136-163

Р.Ф.Туровский, Е.В.Брагина

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В ЕВРОПЕ И РОССИИ[1]

[1] Статья подготовлена в рамках проекта «Социальная поляризация и региональная дифференциация в государстве: есть ли вызов для стабильности?» Лаборатории региональных политических исследований факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Ростислав Феликсович Туровский — доктор политических наук, профессор, зав. Лабораторией региональных политических исследований факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: RTurovsky@hse.ru.

Екатерина Викторовна Брагина — студентка бакалавриата образовательной программы «Политология», стажер-исследователь Лаборатории региональных политических исследований факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: evbragina@edu.hse.ru.

Аннотация. В статье анализируются факторы генерализованного социального доверия в современных государствах. При этом авторы опираются на подход «сверху вниз», предполагающий, что доверие к политическим институтам оказывает значимое влияние на социальное доверие, рассматривая также факторы социально-экономического характера.

Исследование современных европейских государств, проведенное методом регрессионного анализа на основе социологических данных World Values Survey и Eurobarometer, показывает, что политическое доверие продолжает положительно влиять на уровень социального доверия. Однако не меньшее значение имеют экономическое развитие и низкий уровень социального расслоения. Потенциально важным новым фактором является рост доверительных отношений в городских сообществах, тогда как наличие или отсутствие коммунистического прошлого утратило свое влияние на социальное доверие.

Российский случай рассматривается в статье отдельно, что обусловлено спецификой политического доверия в персоналистских президентских режимах, более продолжительным коммунистическим опытом России, а также современным ростом в ней политического доверия, которое радикально превосходит по уровню доверие социальное. Базируясь на сравнительном изучении социологических трендов и факторов социального доверия в стране, авторы фиксируют поэтапное складывание ситуации, когда социальное доверие находится в обратной зависимости от политического. Данный феномен они склонны объяснять гипертрофированной значимостью повестки личной и общественной безопасности, которая негативно

сказывается на социальном доверии, одновременно повышая востребованность политического доверия. Социально-экономические факторы в России играют ограниченную роль, но способны восстанавливать свое влияние в периоды снижения общественной напряженности. По заключению авторов, с учетом сложившейся политической системы потенциал роста социального доверия в РФ невелик.

Ключевые слова: социальное доверие, политическое доверие, социальный капитал, политический режим, социальное расслоение, Россия, Европа.

Введение

Доверие — одна из самых важных и противоречивых категорий в социальных науках. Доверие в обществе и доверие общества к политическим институтам могут меняться по разным траекториям, оказывая при этом фундаментальное влияние на общие эволюционные процессы в государстве. О соотношении политического и социального доверия и его изменениях в современном мире и пойдет речь в настоящей статье.

Категория доверия подразумевает, что у нас есть некие ожидания применительно к партнеру по потенциальному взаимодействию — именно исходя из них, мы решаем, доверять ему ли нет. Тем самым решения индивидов зависят от того, как они относятся к тем, с кем взаимодействуют, насколько надежными их считают (у этого чувства, как будет показано ниже, могут быть разные основания). Степень доверия является ключевой характеристикой подобных взаимодействий, всегда предполагая некоторую степень риска для доверяющего[2].

[2] *Levi 1996.*

В социальных науках принято считать, что доверие и обязательства выступают главными инструментами решения проблемы неопределенности в социальных взаимодействиях. При этом доверие может быть более эффективным инструментом. Неопределенность же возникает по причине нашей неуверенности в других людях, которая влечет за собой неуверенность в собственных действиях. С целью избавиться от неопределенности (а такое желание, как показывают исследования в области психологии[3] и нейробиологии[4], носит естественный характер, будучи обусловлено стремлением избежать негативных ощущений) люди прибегают к когнитивным упрощениям, одним из которых становится доверие. Если обязательства предполагают достижение гарантированного результата, то доверие означает игнорирование возможных рисков, которые могут быть и неявными[5]. По мнению части исследователей, традиционное решение проблемы неопределенности посредством обязательств скорее «бремя, чем благо»[6], поскольку ставит человека в жесткие рамки, препятствует поиску альтернативных вариантов. Но стратегия действий, основанная на доверии, возникает только в том случае, если индивид рассматривает сопутствующие риски как несущественные.

[3] *Schwartenbeck et al. 2013.*

[4] *Jepma et al. 2012.*

[5] *Bhide and Stevenson 1992.*

[6] *Yamagishi T. and Yamagishi M. 1994.*

В работах, посвященных концептуализации доверия, можно встретить два разных подхода. В рамках первого источником доверия считается сам человек, оценивающий партнера в зависимости от своих личностных черт. Подобного рода доверие, которое Маргарет Леви и Рассел Хардин определяют как «форму инкапсулированного интереса»[7], сконцентрировано именно в человеке, базируется на психологических и биологических характеристиках личности[8]. Очевидно, что такой подход плохо применим при изучении государств и институтов внутри них, ведь он подразумевает, что среда, в которой индивид находится ежедневно, влияет на него незначительно.

[7] *См. Levi 1988; Hardin 2002.*

[8] *Cawvey et al. 2018.*

Поэтому мы будем опираться на другую теорию, согласно которой источником доверия являются социальные связи между индивидами. Следуя этой теории, Том Тайлер и Джон Брейтвейт объясняют функционирование известного нам общества, в котором доверие формируется в социальном взаимодействии, основывается на его практиках и их результатах[9].

[9] *Tyler 1990; Braithwaite and Makkai 1994.*

Сделав выбор в пользу данной теории, рассмотрим связанные с ней подходы к изучению доверия. Один из них, отталкиваясь от теории рационального выбора, постулирует, что позитивный опыт взаимодействия будет побуждать нас к его воспроизводству, а негативный заставит отказаться от взаимодействий[10]. Некоторые ученые называют такие практики «играми в доверие»[11]. Подобная трактовка, однако, означает, что доверие фундаментально неустойчиво и каждый раз требует подсчета индивидом собственных выгод и издержек. Мы же полагаем, что в процессе своего существования в обществе индивид неизбежно перенимает некоторые установки, транслируемые как другими людьми, так и институтами, и руководствуется ими в дальнейшем.

[10] *Cook and Santana 2018.*

[11] *Buskens, Frey, and Raub 2018.*

В связи с этим для нашего исследования больше подходит концепция доверия, основанного на социализации. Но и в рамках этой концепции источники доверия могут трактоваться по-разному. Например, Джеймс Коулман считает таким источником семью[12], Роберт Патнэм — промежуточные ассоциации и неформальные организации (где решение о вступлении принимается людьми самостоятельно)[13], Гэри Миллер — лидерство (которое в данном случае не является личностной чертой)[14], Дэвид Крепс — корпоративный принцип (связанный с экономическими организациями)[15].

[12] *Coleman 1994.*

[13] *Putnam, Leonardi, and Nanetti 1993.*

[14] *Miller 1992.*

[15] *Kreps 1990.*

При любом подходе к источнику доверия важно, что оно реализуется в определенном сообществе. В настоящей работе мы будем исходить из наиболее общей концепции моралистического, или генерализованного, доверия[16], предполагающего веру в то, что большинство людей заслуживает доверия. Это соответствует определению Хардина, который называет доверием восприятие других людей как заслуживающих доверия[17]. Данная концепция не принимает во внимание ни индивидуальную психологию доверяющего, ни характеристики партнеров по взаимодействию, строясь на всеохватном понимании доверия в обществе.

[16] *Uslaner 2002.*

[17] *Hardin 1992.*

Концепция генерализованного доверия может быть дополнена концепцией аморального фамилизма, предложенной Эдвардом Бэнфилдом[18] и являющейся своеобразным развитием теории Коулмана, который рассматривает семью в качестве базового источника доверия. Согласно этой концепции, доверие формируется в рамках замкнутых ассоциаций, сочетаясь с недоверием по отношению к чужакам, не входящим в эти ассоциации. Очевидно, что аморальный фамилизм подрывает генерализованное доверие, способствуя фрагментации общества.

[18] *Бэнфилд 2019.*

Итак, механизмы социального доверия могут реализовываться и внутри, и вовне общественных ассоциаций и социальных групп, образующих идентичности. Это напоминает нам о теории Патнэма, в соответствии с которой социальные взаимодействия развертываются по двум направлениям. Одно из них — это «скрепление» (bonding), предполагающее усиление консолидации в рамках существующей группы, другое — «наведение мостов» (bridging), означающее взаимодействие между группами. При решении поставленных в настоящем исследовании задач последнее заслуживает особого внимания, так как именно оно создает основания для отношений генерализованного доверия[19].

[19] *Patulny and Svendsen 2007.*

Но каким образом происходит формирование генерализованного доверия в обществе? В литературе можно встретить два противоположных ответа на этот вопрос. Первый предполагает формирование отношений доверия «снизу вверх» (bottom up) с опорой на исходные представления самих людей о возможности сделать мир лучше. Данная трактовка обычно используется при изучении корпоративной культуры в бизнесе[20] и релевантна для среды, где система строится на фундаменте из убеждений людей. Государство, по нашему мнению, функционирует иначе.

[20] *Bijlsma and van de Bunt 2003.*

Второй ответ — формирование отношений доверия «сверху вниз» (up bottom) — исходит из важности качественных институтов, экономического благополучия и социального равенства. Их наличие настраивает людей на то, чтобы доверять друг другу, снижает восприятие рисков при решении проблемы «доверия незнакомцу». Такую трактовку мы видим, в частности, в работе Сони Змерли и Кена Ньютона, согласно которым вера в хороший мир складывается в процессе социализации при условии хорошо работающих институтов[21]. Именно ее мы и будем придерживаться в своем исследовании, ведь институциональные механизмы играют важнейшую роль в социализации индивида. Они структурируют ежедневные взаимодействия, превращая жизнь в упорядоченную систему, — а это, на наш взгляд, не может не влиять на представления о благонадежности других людей, включенных в эту среду.

[21] *Zmerli and Newton 2008.*

Институциональные механизмы принципиально важны для исследований политического доверия, которое по смыслу своему направлено на те или иные политические институты. В сущности, политическое доверие есть разновидность доверия институционального. Оно

предполагает доверие к тем или иным политическим институтам, начиная с ассоциаций между человеком и государством. В современном мире государство становится территориально-политической общностью, в рамках которой формируется генерализованное доверие. Тем самым отношения социального доверия оказываются ориентированы не на «человечество в целом», а лишь на тех, кто живет в границах определенного государства. В связи с этим Патти Тамара Ленард и Дэвид Миллер говорят о том, что общая идентичность выступает источником генерализованного доверия[22]. Теории национальной и государственной идентичности напоминают, что мы так или иначе ассоциируем себя с людьми, проживающими на той же государственной территории, что и мы[23].

[22] Lenard and Miller 2018.

[23] Berg and Hjerm 2010.

В самом общем виде политическое доверие означает наше согласие с тем, что государство, с которым мы себя ассоциируем, и его политические институты представляют интересы народа как источника власти и функционируют в соответствии с установленными нормативными целями. Из этого не следует, что общественные группы и государство обязательно находятся в гармонии. Так, сверхцентрализованное и/или авторитарное государство может препятствовать координации внутри малых групп и между ними (что для нас особенно важно), не позволяя создавать сети взаимодействия[24]. Это чревато разрушением отношений социального доверия, на смену которым приходит система взаимных обязательств между государством и обществом (и отдельными его группами), а в крайних случаях — односторонних обязательств общества перед государством. И тогда трудно предсказать, как будут развиваться отношения социального доверия, утратившего значимую роль в государстве и подмененного иерархической системой господства и подчинения. Таким образом, доверие в заметной степени зависит от политического режима.

[24] Taylor 1982.

Политическое доверие часто изучается *per se* — например, через призму протестного поведения как формы неинституционализированного участия[25] либо в рамках исследования электоральных процессов в США[26], Канаде[27] или в Европе[28]. В этой работе мы намерены проанализировать взаимосвязь социального и политического доверия, исходя из установки, что доверие к политическим институтам способно оказывать решающее влияние на генерализованное доверие в обществе (подход «сверху вниз»). Многие авторы полагают, что доверие к политической системе прямо влияет на формирование стабильного социального порядка, делая подчинение государству и его требованиям добровольным[29]. И такой порядок может распространяться на другие отношения в обществе, не связанные с государством и его институтами.

[25] Kaase 1999.

[26] Anderson and LoTempio 2002.

[27] Belanger and Nadeau 2005.

[28] Grönlund and Setälä 2007.

[29] См., напр. Levi 1996.

Социальное доверие — важный эффект функционирования демократических режимов. Согласно Марку Уоррену, существуют три механизма поддержания социального доверия в демократиях — верховенство права (оно же создает гарантии безопасности), социальная

поддержка (выводящая людей из замкнутых ассоциаций) и распространение предписаний для будущих взаимодействий через систему образования[30]. Отношения аморального фамилизма, преобладание «скрепления» над «наведением мостов», напротив, вредят демократии, приводя к фрагментации общества, отказу людей от сотрудничества с другими группами. В целом социальное доверие принято воспринимать как значимый ресурс для демократической системы[31].

[30] Warren 2017.

[31] Kashefi 2015.

Но тут неизбежно возникает вопрос о характере отношений между социальным и политическим доверием. Предварительно можно предположить, что генерализованное доверие, будучи базисом социальных отношений, способно распространяться и на политические институты. Но можно предположить и обратное — что политическое доверие в государстве формирует и структурирует социальные отношения. В своем эмпирическом исследовании мы ставим перед собой задачу проверить, может ли политическое доверие оказывать влияние на доверие социальное и как оно соотносится с другими возможными факторами последнего. Как уже говорилось, согласно теории, на которую мы опираемся, социальное доверие есть функция хорошо работающих институтов, из чего следует, что политические институты в состоянии повлиять на отношения в обществе. Тем не менее мы не отказываемся от тестирования и обратной закономерности. Исследование проводится на материале современных европейских демократий, как старых, так и новых, а также России.

Сложность операционализации политического доверия, особенно при сравнительном исследовании, заключается в определении объекта такого доверия. Данная проблема особенно важна для демократических стран с четко выраженным и действенным разделением властей, а также для федераций с их территориальными уровнями государственной власти. «Доверие к государству» и «доверие к власти» — абстрактные категории, на практике распадающиеся на множество отношений доверия к разным институтам с разными параметрами.

Главную трудность представляет выбор между доверием к исполнительной власти (правительству) и к власти законодательной (парламенту). Мы исходим из того, что доверие к парламенту более чувствительно к идеологическим предпочтениям граждан и актуальному партийному раскладу. Со своей стороны правительство, хотя оно тоже имеет идеологические ориентации и партийную структуру, в большей степени ассоциируется с системой управления в целом, с государством. Так, применительно к США, где система разделения властей не вызывает никаких сомнений, Марк Хетерингтон операционализировал политическое доверие именно как доверие к правительству[32]. В то же время в случае персоналистских режимов, к которым относится Россия, принято рассматривать другой показатель — доверие к главе государства, президенту. Это осложняет рассмотрение России в одной выборке с европейскими странами, требуя выделения ее в особый кейс.

[32] Hetherington 1998.

Политическое и социальное доверие в Европе

Рассмотрим актуальные тренды социального и политического доверия в европейских странах. Некоторые исследования фиксируют падение в них (а также в США) уровня политического доверия после 2014 г.[33] Однако наш анализ социологических данных за период с 2005 г. свидетельствует скорее о волнообразных трендах, при том что социальное доверие демонстрирует довольно устойчивую тенденцию к повышению. Впрочем, такое рассогласование может объясняться спецификой выборки и операционализации разных видов доверия.

[33] Citrin and Stoker 2018.

Эмпирические данные говорят о том, что связь между социальным и политическим доверием носит сложный и неоднозначный характер. Это отвечает выводам зарубежных исследователей, сделанным на основании изучения результатов волн World Values Survey (WVS) 2005—2009[34] и 2010—2014[35] гг., выявивших «сложные паттерны» при положительной корреляции уровней двух типов доверия.

[34] Newton and Zmerli 2011.

[35] Newton, Stolle, and Zmerli 2018.

Наша гипотеза (применительно к этой части исследования) заключается в том, что периодическое снижение политического доверия в европейских демократиях не наносит значительного вреда отношениям социального доверия в случае компенсаторного воздействия социально-экономических факторов. Неочевидность прямой зависимости между политическим и социальным доверием требует привлечения дополнительных показателей, способных оказывать влияние на социальное доверие. Очевидно, что при всей важности политических институтов их роль не стоит абсолютизировать.

Истоки социального доверия часто ищут в особенностях экономического развития. Вместе с тем не затихают споры по поводу того, является ли экономическое благополучие причиной или следствием высокого уровня развития социального капитала. Некоторые эмпирические работы доказывают наличие устойчивой связи между социальным капиталом и экономическим развитием[36], хотя другие авторы считают выявленные в них закономерности «шаткими»[37]. В частности, широкой популярностью пользуется тезис о том, что экономическая успешность обществ уходит корнями в социальные отношения, базирующийся на заключениях Патнэма, сделанных им по результатам сравнения севера и юга Италии[38]. По справедливому замечанию Патнэма, высокое социальное доверие приводит к снижению трансакционных издержек, что положительно сказывается на экономическом развитии.

[36] Beugelsdijk, Groot, and Schaik 2004.

[37] Berggren, Elinder, and Jordahl 2008.

[38] Putnam, Leonardi, and R.Nanetti 1993.

В настоящем исследовании мы будет опираться на выводы Романа Хорвата[39] и Кристиана Бьёрнскова[40], согласно которым экономический рост более значимо влияет на социальное доверие, чем наоборот. Это логично, если исходить из подхода «сверху вниз»: паттерны в поведении людей формируются в первую очередь институтами в ходе социализации. Все наши убеждения и установки по поводу среды, в которой мы находимся, являются следствием пребывания в ней.

[39] Horvath 2013.

[40] Bjørnskov 2012.

Это теоретическое положение позволит нам использовать экономические показатели в качестве независимых переменных, способных влиять на социальное доверие. В исследованиях социально-экономи-

ческих факторов, в частности, отмечается прямое влияние экономических показателей на политическое и социальное доверие в Китае[41]. Эта закономерность отвечает теории ценностного сдвига Инглхарта, в соответствии с которой при достижении определенного уровня материального благополучия люди перестают видеть риски для своей жизни в повседневных действиях[42], что в свою очередь ведет к росту социального доверия.

[41] Wang 2005.

[42] Инглхарт 1997.

Наряду с этим зафиксировано негативное влияние на социальное доверие социального расслоения[43]. Оно влечет за собой фрагментацию общества, снижает шансы на доверительные отношения между представителями разных социальных групп, затрудняет «наведение мостов».

[43] Barone and Mocetti 2016.

Потенциально важной представляется связь социального доверия с таким структурным процессом, как урбанизация. Принято считать, что в сельских сообществах с присущей им сплоченностью уровень доверия выше, чем в городах[44]. Исследования в США показали, что социальное доверие снижается при повышении плотности населения[45]. Еще более значимой с точки зрения социального доверия нам кажется плотность социального взаимодействия: в более «плотном» пространстве возникают эффекты социального отчуждения, о которых еще в начале XX в. писал Георг Зиммель[46] (впрочем, его заключения требуют проверки на современном материале).

[44] Sennet 1970.

[45] Taylor, Funk, and Clark 2007.

[46] Зиммель 2002.

Наконец, в европейских исследованиях не следует упускать из вида различия между «старыми» демократиями и посткоммунистическими странами. Многие исследователи обращают внимание на негативное влияние коммунистического прошлого на уровень социального и политического доверия[47]. Причина видится в проблемах коммунистического периода, которые вели к фрагментации общества, замыканию в круге знакомых и тому, что мы обозначили выше как аморальный фамилизм.

[47] См., напр. Mishler and Rose 2001.

[48] Newton and Zmerli 2011.

[49] Регрессионная модель строится для трех волн WVS: 2005—2009, 2010—2014 и 2017—2021.

Эмпирическое исследование социального и политического доверия в европейских странах

Опираясь на предшествующие работы, вначале мы проводим исследование факторов социального доверия в современных европейских обществах методом регрессионного анализа: в зависимости от года наблюдения в модель включаются от 9 до 32 стран. В отличие от Ньютона и Змерли[48], мы концентрируемся на одном виде политического и одном виде социального доверия, при этом рассматривая более широкий, чем они, период (2005—2021 гг.), что позволяет выяснить, как сказываются на формировании генерализованного доверия изменения в отношении к важнейшим властным институтам и динамика социально-экономических показателей.

Поскольку опросы проводятся волнами, показатели социального доверия внутри каждого периода одинаковы.

В качестве зависимой переменной выступает доля людей в определенной стране в наблюдаемый год, согласившихся с утверждением «Большинству людей можно доверять» (что соответствует генерализованному доверию). Данные почерпнуты из опросов WVS[49].

Ключевой независимой переменной является политическое доверие, которое рассматривается на примере доверия национальному правительству. Здесь мы используем долю людей, выбравших первый вариант при ответе на вопрос «Вы склонны доверять или не доверять национальному правительству?» в опросе Eurobarometer в соответствующей стране в соответствующий год[50]. Отчеты Eurobarometer публикуются дважды в год — мы брали более ранний из вышедших в интересующем нас году.

[50] https://europa.eu/eurobarometer/surveys/browse/all.

Кроме того, мы включаем в модель ряд экономических и демографических переменных: экономическое благосостояние, социальное расслоение и плотность потенциального взаимодействия. В первом случае задействован наиболее общий показатель экономического благополучия — ВВП на душу населения[51], во втором — индекс Джини[52], в третьем — плотность населения на квадратный километр[53] (значения всех переменных взяты из базы данных World Bank). В виде dummy-переменной учитывается наличие у страны коммунистического прошлого.

[51] https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD.

[52] https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI.

[53] https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST.

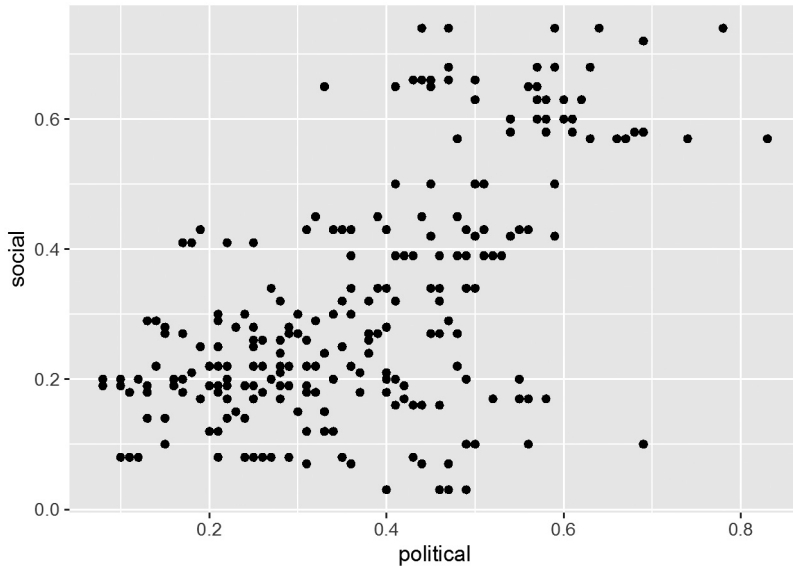
NB! Хотя все упомянутые элементы в составленной нами базе данных, за исключением последнего, измеряются в непрерывной шкале, у них очень разные максимальные значения, что чревато смещением значимости коэффициентов в итоговой выдаче. Эта проблема решается посредством нормирования с помощью функции масштабирования в RStudio непосредственно перед анализом данных.

Предваряя регрессионный анализ, рассмотрим диаграмму рассеивания показателей социального и политического доверия (см. *рис. 1*). На диаграмме отчетливо видны два сценария, создающие интересную развилку. При сравнительно высоком политическом доверии социальное доверие может быть или очень высоким (что соответствует теоретическим ожиданиям и распространено в Европе), или очень низким. Второй сценарий напоминает аморальный фамилизм, сочетая низкое генерализованное доверие с высоким доверием политическим институтам. Впрочем, таких примеров немного. При этом случаи, когда высокое социальное доверие сочетается с низким политическим, отсутствуют.

В среднем разрыв между показателями доверия в Европе невелик и составляет около 10 п.п. в пользу социального (Норвегия) или политического (Франция). В большинстве же случаев первенство одного с разной степенью регулярности сменяется первенством другого. Большие перепады между видами доверия нетипичны и на протяжении всего периода наблюдения встречаются лишь у отдельных стран (Кипр и Португалия, где гораздо выше политическое доверие), причем эпизодически, как реакция на различного рода кризисы. Однако ни в одной из этих стран разрыв не достигает таких масштабов, как в России (от 20 до впечатляющих 55 п.п., по данным WVS), которая в этом плане заметно выбивается из общего ряда[54].

[54] Доверие президенту в России в исследуемый период не опускалось ниже 50%, временами поднимаясь до 80%, тогда как социальное находилось на уровне в 20—25%. Сами по себе эти показатели, если отвлечься от разрыва между ними, не являются чем-то исключительным на европейском фоне.

Рисунок 1 Диаграмма рассеивания для социального и политического доверия



Ввиду того что единицей анализа выступает страна в определенный год, мы строим множественную регрессию с фиксированными эффектами на страны и временны́е ряды. Сначала мы провели F-тест с нулевой гипотезой, согласно которой обычная линейная модель лучше подходит для наших данных, чем модель с фиксированными эффектами: результат оказался ниже уровня значимости. Далее — сравнили два варианта учета этих различий: модель со случайными эффектами и модель с фиксированными эффектами. Тест Хаусмана показал, что в нашем случае более релевантен второй вариант. Кроме того мы провели тест на наличие временны́х эффектов — и отвергли гипотезу об их отсутствии.

NB! Наша панель является несбалансированной, поскольку по крайней мере в одном периоде отсутствует информация о конкретном наблюдении. Это следствие привлечения данных из различных баз и неизбежных пробелов в них. Понятно, что в такой ситуации может возникать проблема эндогенности — как уже отмечалось, мы отнюдь не настаиваем на детерминированности взглядов людей на мир институциональными механизмами, а просто считаем влияние последних существенным. Указанная проблема решается посредством включения в модель переменных взаимодействия.

Согласно скорректированному показателю R^2, полученная регрессионная модель объясняет около 71% изменений в уровне социального

доверия в рассматриваемый период в европейских обществах. Условия Гаусса-Маркова: медиана близка к 0 (0,020626); остатки имеют распределение, близкое к нормальному (p-value формального теста Шапиро-Уилка = 0,5261). Однако, поскольку условие гомоскедастичности не выполнялось (p-value формального теста Бройша-Пагана = 0,0001266), мы скорректировали оценку модели на гетероскедастичность и автокорреляцию и стали использовать устойчивые к ним стандартные ошибки.

Таблица 1 **Влияние политического доверия и социально-экономических показателей на генерализованное социальное доверие**

	Estimate	*Pr (> | t |)* [55]
Политическое доверие	0,108323	0,003632 **
Индекс Джини	-0,320975	2,366e-16 ***
Плотность населения	-0,206580	0,003311**
ВВП на душу населения	0,690359	1,359e-06***
Коммунистическое прошлое	0,072512	0,231222
Индекс Джини и ВВП на душу населения (переменная взаимодействия)	-0,482287	2,161e-10***
Плотность населения и ВВП на душу населения (переменная взаимодействия)	0,441051	5,973e-07***
Политическое доверие и индекс Джини (переменная взаимодействия)	-0,193193	6,06e-05***
Плотность населения и индекс Джини (переменная взаимодействия)	0,348631	4,389e-08***
Signif. codes: 0 ‘***’ 0,001 ‘**’ 0,01 ‘*’ 0,05 ‘.’ 0,1 ‘ ’ 1		
R-Squared	0,73886	
Adjusted R-Squared	0,71252	
F-statistic: 71,6787 on 9 and 228 DF, p-value: < 2,22e-16		

[55] P-value указан с учетом корректировки модели.

Проведенное исследование позволило дополнить и уточнить выводы предшествующих работ[56], что не в последнюю очередь связано с включением в анализ переменных взаимодействия, помогающих отследить вероятное влияние комбинаций факторов, которое те могут не оказывать в отрыве друг от друга. Суммируем наиболее важные его результаты.

1. Влияние политического доверия на социальное сохраняется. При этом обращает на себя внимание переменная взаимодействия политического доверия и индекса Джини. Она показывает, что социальное доверие снижается в обществах, сочетающих высокое политическое доверие с имущественным расслоением. Иными словами, расслоение

[56] Чтобы убедиться, что решение работать в рамках подхода «сверху вниз» было верным, мы решили проверить обратный вариант: сделать политическое доверие зависимой переменной, а социальное добавить в список независимых. Объяснительная сила

такой конфигурации почти в 2 раза меньше (41%), а значимыми являются лишь индекс Джини, плотность населения и ее взаимодействие с ВВП.

оказывается фактором риска, который способен подорвать социальное доверие даже в обществах с высоким политическим доверием, нарушив тем самым их прямую связь.

2. Ключевым фактором, который поддерживает социальное доверие, в том числе в случае снижения доверия политического, становится экономическое развитие. Мы видим, что в построенной модели самым весомым по модулю коэффициента является ВВП на душу населения, что подтверждает не просто позитивное влияние экономического благополучия общества на его социальный капитал, но и решающую роль данного фактора.

3. Социальное расслоение (индикатором которого выступает индекс Джини) негативно сказывается на социальном доверии. Неудивительно, что отрицательно влияет на социальное доверие и переменная взаимодействия ВВП на душу населения и индекса Джини, причем очень сильно, почти так же, как ВВП. Таким образом, даже в относительно богатых обществах социальное расслоение порождает риски снижения социального доверия.

4. Сама по себе плотность населения ожидаемо оказывает отрицательное влияние на социальное доверие, но есть интересный нюанс. Переменные взаимодействия плотности населения и ВВП, а также плотности населения и индекса Джини положительно связаны с социальным доверием. Это дает основания предположить тенденцию к формированию отношений социального доверия в современных городских сообществах. Возможно, широкое распространение социального доверия в условиях экономического благополучия препятствует отчуждению и фрагментации в мегаполисах. Это заключение носит предварительный характер и нуждается в дополнительной проверке, но само появление данного тренда примечательно.

5. Судя по всему, по прошествии времени фактор коммунистического прошлого утратил свое значение. Сегодня мы не можем утверждать, что его наличие или отсутствие влияет на социальное доверие.

Эмпирическое исследование социального и политического доверия в России

Изучение социального доверия на примере России представляется весьма продуктивным с точки зрения приобретения нового знания о доверии *per se*, поскольку, как справедливо отмечают Хуан Линц и Альфред Степан, его следствия особенно наглядны в переходных режимах, испытывающих «дефицит доверия» в силу наследия прежнего авторитарного режима[57]. Под таким наследием понимается прежде всего коммунистическое прошлое, которое наложило свой отпечаток и на специфику доверия. Так, оно оставило ощутимый след в виде распространения двойных стандартов как нормы отношений в обществе, социологически фиксируемых как увеличенный разрыв между доверием близкому кругу людей и доверием большинству (так называемая поляризация доверия)[58].

[57] Linz and Stepan 1996.

[58] Kuznetsov and Kuznetsova 2008.

Россию целесообразно рассматривать в качестве особого исследовательского кейса не только по причине отсутствия страны в базе данных Eurobarometer, но и ввиду ее структурной специфики.

Во-первых, если главной дихотомией в исследованиях политического доверия в европейском пространстве является выбор в качестве ключевой переменной доверия парламенту или же правительству, то в России действует персоналистский президентский режим. Еще Конституция 1993 г. наделила президента огромными полномочиями, и многолетние опросы показывают, что для большого числа россиян политическая система сводится к фигуре президента. Такая конфигурация власти подкреплена запросом со стороны граждан на сильного лидера, которому незачем беспокоиться по поводу формальных демократических процедур, причем этот запрос усиливается из года в год[59].

[59] *Петухов 2017.*

Во-вторых, Россия не вписывается в выявленный в Европе и Северной Америке тренд на понижение общего уровня политического доверия, что делает сомнительной возможность ее рассмотрения под этим углом зрения. Более того, как уже отмечалось, на европейском фоне Россия демонстрирует экстремальную разницу между уровнями политического и социального доверия.

В-третьих, Россия заметно превосходит европейские страны с коммунистическим прошлым по его продолжительности, что не позволяет распространить на нее вывод об отсутствии влияния коммунистического опыта на современные отношения социального доверия.

Россия представляет собой крайне интересный случай с точки зрения сочетания длительного коммунистического прошлого с персоналистским режимом в настоящем — переход с социалистических рельсов требует формирования новых институтов, которые через определенность механизмов обеспечили бы предсказуемость существования большинству населения. Теоретически в этой логике можно было бы рассмотреть также Украину, Молдову и Беларусь. Однако ярко выраженный персоналистский режим присутствует лишь в последней. При этом в плане продолжительности коммунистического правления Беларусь, наряду с Украиной, отличается значительной территориальной неоднородностью (в Молдове в целом этот правление было короче). Все это говорит в пользу рассмотрения российского кейса отдельно от остальных и вне рамок общеевропейской выборки.

Применительно к российской части исследования наша гипотеза состоит в том, что в рамках актуальной эволюции политического режима в стране происходит фактическое вытеснение социального доверия политическим, которое в условиях слабости социального доверия, вызванной сложностями посткоммунистического развития, играет компенсаторную роль.

Исследования социального доверия в постсоветской России не носят системного характера, на разных этапах ее истории раскрывая разные закономерности. В частности, в 2010 г. Полина Козырева и Александр Смирнов фиксировали постепенный рост социального до-

вера, отмечая при этом, что по уровню его развития сельская местность превосходит города, а государственные предприятия — частные[60]. Как следует из литературы, социальное доверие повышалось и в период с 2010 по 2012 г.[61], что принято объяснять преодолением последствий финансового кризиса 2008 г. Экзогенная природа потенциальных шоков вероятна и для доверия политического — в модели политической поддержки в России доминирует институциональное влияние[62], что типично для подавляющей части новых и переходных режимов[63]: доверие институтам там во многом связано с результатами их деятельности, и ими же в большинстве случаев объясняются внезапные изменения.

Работы последнего времени указывают на низкий уровень социального доверия в российском обществе, и сдвиги в сторону его повышения не прогнозируются. Вместе с тем вновь обнаруживается зависимость генерализованного доверия от экономической ситуации: со снижением материального благосостояния граждан падает и доверие. По заключению ряда исследователей, переменные социального неравенства и доверия образуют замкнутый круг с полюсами обратно пропорционального воздействия друг на друга[64]. Многие авторы обращают внимание на негативные эффекты слабого развития социального капитала для экономики страны. Так, отставание России по уровню ВВП на душу населения не в последнюю очередь связывается с сохраняющимся в обществе недоверием, в частности с недоверием к предпринимательской деятельности[65].

В целом существующие работы концентрируются на взаимосвязи доверия и экономических показателей, не включая в модель политические институты и их восприятие. Не проводится параллель между динамикой социального и политического доверия, а также спецификой последнего. В настоящем исследовании, опираясь на выводы, полученные на материале европейских стран, и учитывая своеобразие российского случая, мы пытаемся заполнить эту лакуну. Изучение российского кейса строится на сравнении динамических трендов по показателям социального и политического доверия с учетом трендов для потенциально влияющих на доверие факторов, как аналогичных тем, что были использованы при анализе европейских стран, так и дополнительных, отражающих особенности российского общества и политической системы.

Российский случай: институциональное доверие и запрос на безопасность

Изначальная цель создания институтов — преодоление неопределенности, редуцирование числа потенциальных стратегий поведения, что снижает социальную напряженность и стимулирует людей к проявлению доверия. Институциональные механизмы способствуют социальному доверию в том числе путем минимизации ощущения опасности и риска[66]. Посткоммунистическая «поляризация доверия», которая сродни аморальному фамилизму, создает почву для широкого распространения недоверия. И если во многих европейских странах с подоб-

[60] Козырева и Смирнов 2010.

[61] Реутов и Реутова 2014.

[62] Mishler and Rose 2005.

[63] Mishler and Rose 2001.

[64] Шабунова, Косыгина и Белехова 2021.

[65] Авдеева 2019.

[66] Черепанова и Максимова 2019.

ным прошлым недоверие нивелируется с помощью стабильных демократических институтов, то Россия делает ставку на риторику безопасности, призванную обеспечить легитимность действующих политических лидеров[67].

[67] *Snetkov 2015.*

По оценке исследователей, одним из ключевых предикторов снижения социального доверия в США, имевшего место после 1960-х годов на фоне роста ВВП на душу населения, являлось повышение конфликтности[68]. Есть основания полагать, что и в России препятствовать укреплению социального капитала может именно она. Самым очевидным ее измерением можно считать число зарегистрированных преступлений, поэтому мы включим этот показатель в дальнейший анализ в качестве одного из дополнительных, использовав данные Росстата[69] и портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ[70].

[68] *Рукавишников 2008.*

[69] *https://clck.ru/35S7Ga.*

[70] *http://crimestat.ru/offenses_chart.*

В отличие от европейской части исследования, в российской его секции роль ключевой независимой переменной будет играть доверие не правительству, а президенту, являющемуся центральной фигурой в политической системе. Вместе с тем в случае России заслуживает внимания доверие еще к трем институтам, каждый из которых по-своему отвечает на созданный в обществе запрос на безопасность. Ведь безопасность предполагает наличие того, от чего нужно защищаться, а постоянное экзистенциальное присутствие опасности, несомненно, подпитывает страх и актуализирует «ценности выживания».

В России отмечается повышенное доверие к институтам, несущим ответственность за обеспечение разного рода безопасности. Речь идет о вооруженных силах, отвечающих за физическую сохранность населения в случае военного конфликта, органах государственной безопасности, призванных отличать наличие угрозы подобного конфликта от ее отсутствия, и Церкви, которая претендует на выполнение компенсаторной функции религии. Правомерно предположить, что через уровень доверия этим структурам может проявляться запрос на их успешную деятельность. Кроме того, мы включаем в анализ уровень религиозности населения, который не обязательно совпадает с уровнем доверия Церкви как институту и может отражать ценностные сдвиги и ориентации в обществе. Применительно к доверию к институтам (включая президента) мы будем опираться на данные Левада-центра*[71], а применительно к религиозности — на материалы Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ[72].

[71] *https://www.levada.ru/2022/09/20/doverie-obshhestvennym-institutam-2/print/.*

[72] *https://www.hse.ru/rlms/spss.*

Следует отметить, что в случае России при определении значения показателя социального доверия мы будем исходить из доли давших утвердительный ответ на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» в рамках упомянутого выше Мониторинга НИУ ВШЭ. Значения переменных «индекс Джини» и «ВВП на душу населения», как и в европейской части исследования, взяты из базы данных World Bank.

WVS фиксирует «стартовое» социальное доверие в России 1990 г. в 34,7%, к 1995 г. на фоне экономических проблем и растущего расслое-

ния в обществе оно падает до 23,2%. Затем происходит небольшое восстановление, и в 2012 г. соответствующий показатель составляет 27,8%[73]. При этом с 1999 г. ВВП демонстрирует устойчивую тенденцию к повышению, однако культивирование социального капитала сдерживается ростом индекса Джини, вновь начавшимся в 2001 г., на этот раз в результате экономического развития.

[73] Различия в оценках уровня социального доверия в России между WVS и Мониторингом НИУ ВШЭ объясняются в первую очередь величиной выборки: около 2 тыс. и 15 тыс. респондентов соответственно.

Кроме того, на фоне роста преступности и числа конфликтов в 1990-е годы в стране возникает запрос на сильного лидера, впоследствии ставший основой складывания персоналистского режима. Ввиду недостатка социологических данных период с 2006 по 2012 г. крайне сложен для анализа; тем не менее мы однозначно можем говорить о том, что экономический рост утратил решающую роль в формировании социального капитала. Возможно, тот максимум, который он мог обеспечить, был уже достигнут, а нового катализатора повышения уровня доверия в обществе не появилось.

Анализ динамики социального доверия в России (см. *табл. 2*) показывает, что к 2012 г. оно преодолело очередной спад, связанный с финансовым кризисом 2008 г., и вернулось к прежнему уровню. В дальнейшем мы наблюдаем колебательный процесс, в рамках которого можно отметить новый спад в 2014—2015 гг. и непрерывный рост в 2018—2021 гг. В целом колебания социального доверия значительно слабее, чем политического, а общий его уровень остается низким, не превышая 20%.

Сопоставление трендов политического и социального доверия дает неожиданные (если исходить из теории и эмпирического исследования стран Европы) результаты, свидетельствуя о появлении обратного тренда, когда рост политического доверия сочетается со снижением доверия социального, и наоборот. Этот тренд возникает в 2014 г. на фоне событий, результатом которых стало присоединение Крымского полуострова, сопровождавшееся патриотическим подъемом и резким взлетом доверия к президенту. В 2015 г. тренд продолжился, а разница между двумя видами доверия достигла максимума. Обратная связь прослеживается во все годы наблюдений кроме 2019-го. Новых пиков различия достигают в 2020—2021 гг. в условиях роста социального доверия и в 2022 г. на фоне его очередного спада.

NB! Мониторинг НИУ ВШЭ не содержит сведений за 2022 г., поэтому обратимся к данным ВЦИОМ. Варианты ответа у ВЦИОМ сформулированы по-другому, отражая разные степени согласия с утверждениями. Наиболее удачным вариантом представляется сравнение доли ответивших «Безусловно можно» на вопрос «Как Вы считаете, можно или нельзя доверять большинству людей?» в 2022 г. с долей давших ответ «Полностью согласен» на вопрос «Вы согласны с тем, что большинству людей можно доверять, или нет?» в 2018 г.: она сократилась на 5 п.п. (с 12[74] до 7%[75]).

[74] https://clck.ru/37xodQ.

[75] https://clck.ru/37xQ5i.

Таблица 2 Динамика доверия и социально-экономических показателей в России в 2006–2022 гг.

Год	*2006*	*2012*	*2013*	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*
Индекс Джини	41	40,7	40,9	39,9	37,7	36,8	37,2	37,5	37,7	36	36	Нет данных
ВВП на душу населения	6920	15421	15974	14096	9313	8705	10720	11287	11536	10194	12593	15345
Большинству людей можно доверять	15,54	15,54	19,07	17,23	14,45	15,84	14,29	15,33	16,12	18,78	18,98	Нет данных
Доверие президенту	58	51	55	79	80	74	75	58	60	58	53	80
Доверие армии	26	41	43	53	64	60	69	66	63	66	61	77
Доверие органам государственной безопасности	23	33	36	46	50	46	57	50	48	53	45	61
Доверие Церкви	40	50	48	54	53	43	48	48	40	42	40	51
Уровень религиозности	Нет данных	37,01	36,37	38,5	38,45	28,44	30,84	28,6	26,11	26,49	26,07	Нет данных
Число зарегистрированных преступлений	3855,4	2302,2	2206,2	2190,6	2388,5	2160,1	2058,5	1991,5	2024,3	2044,1	2004,4	1966,8

Попытка объяснить колебания социального доверия экономическими факторами не приводит к однозначным результатам, как это было прежде. Хотя можно отметить три периода совпадений: ухудшение показателей экономического развития и социального доверия в 2014—2015 гг. и улучшение в 2018—2019 и 2021 гг. Тем самым мы не можем отрицать, что в определенные периоды экономическая динамика продолжает влиять на социальный капитал. Со своей стороны динамика социального расслоения скорее говорит об утрате ею связи с социальным капиталом. Заметным исключением выглядит период пандемии COVID-19, но нам кажется вполне вероятным, что рост социального доверия в этот период был обусловлен эффектом изоляции, которая повысила социальное доверие лишь по той причине, что люди стали общаться только со своими близкими.

Анализ российского кейса демонстрирует, что политическое доверие здесь не только не оказывает прямого влияния на социальное доверие, но и связано с противоположными трендами. Мы полагаем, что повестка безопасности, обостряющаяся во времена внешнеполитических конфликтов, усиливает социальную фрагментацию, параллельно включая компенсаторный механизм в виде поддержки власти и связанных с ней институтов[76]. Об этом ясно свидетельствует корреляция между доверием президенту, армии и органам государственной безопасности, где тренды совпадают почти всегда, за исключением 2019—2020 гг. В этих обстоятельствах социально-экономические факторы уходят на второй план.

[76] Напротив, фактор преступности как непосредственно наблюдаемой или известной по сообщениям местных СМИ реальности решающего влияния на социальное доверие не оказывает. Правда, заметный рост преступности в 2015 г. все же совпал со снижением социального доверия.

Примечательно обращение людей к религии в наиболее сложные периоды геополитических потрясений, когда доверие к Церкви достигает пиковых значений (при этом хорошо коррелируя с уровнем декларируемой религиозности). Мы так же склонны видеть в этом рост значимости экзистенциальных вопросов безопасности. В исследованиях социального доверия в России в 2000—2010-е годы была обнаружена положительная корреляция между уровнем религиозности и социальным доверием[77], однако динамика последних лет показывает, что повышенное доверие к Церкви приходится на моменты упадка социального капитала. Иными словами, религиозные практики в современной России не способствуют «наведению мостов» и росту доверия в обществе в целом на основе общих религиозных ценностей.

[77] Реутов 2018.

Возникает вопрос: чем можно в сложившихся реалиях объяснить периоды повышения социального доверия? Мы видим, что они непродолжительны и носят ситуативный характер, совпадая с периодами относительного спокойствия и роста определенности в обществе. Один из примеров — 2013 год, создавший политическую определенность после возвращения Владимира Путина на президентский пост и обозначивший новый ситуативный экономический подъем. Другой пример — 2018—2019 годы, опять же успешные с точки зрения восстановительного роста экономики. В такие времена экономика возвращает себе роль значимого фактора. Что касается усиления социального доверия в пе-

риод пандемии, то мы склонны объяснять его скорее иллюзией в условиях замыкания в сообществах близких людей.

Наконец, сопоставляя выводы по России с полученными нами ранее по европейским странам, отметим, что тренд на значительное укрепление социального капитала в городских сообществах для РФ не характерен. На это указывают различия между уровнями социального доверия среди горожан и в сельской местности: согласно опросным данным, в 2021 г. для жителей областных центров рассматриваемый показатель составлял 15,25%, тогда как для жителей села — 16,93%[78]. И эти различия проходят проверку временем: за 15 лет (с 2006 г.) разрыв сократился лишь на 1 п.п. Обращает на себя внимание и то, что COVID-19 более позитивно повлиял на социальное доверие именно в сельской местности: тогда показатели составили 18,05 и 23,34% соответственно.

[78] Процент утвердительно ответивших на вопрос «Считаете ли вы, что большинству людей можно доверять?» респондентов из населенных пунктов «Областной центр» и «Село», округленный до сотых (https://www.hse.ru/rlms/spss).

Заключение

Как показывает проведенное нами исследование, особенности как институциональной истории, так и эволюции политического режима в постсоветской России привели к появлению сущностной специфики в механизмах социального доверия.

С точки зрения социального доверия *per se* Россия не отличается радикальным образом от европейских государств, хотя и находится ближе к низкому уровню. Но в условиях более или менее стабильно функционирующих институтов политическое доверие в европейских странах, включая новые демократии Восточной Европы, оказывает позитивное влияние на генерализованное доверие, действуя в связке с социально-экономическими факторами. При этом падение политического доверия обычно компенсируется экономическим ростом и снижением социального неравенства, удерживающими социальный капитал на сопоставимом уровне.

Российский случай демонстрирует качественную трансформацию связи между двумя типами доверия, когда от синхронного их снижения в период радикальных реформ страна эволюционировала к их поляризации. Крупные исторические события раз за разом выводят в ней на первый план вопросы безопасности и экзистенциальных страхов, провоцируя распад социального капитала, но запуская компенсаторный механизм политического сплочения. Вместе с тем в периоды относительного общественного спокойствия фактор экономического роста восстанавливает свое стимулирующее влияние на социальное доверие, что ведет к эпизодическому совпадению с европейскими трендами. Однако ставка на всемерное повышение политического доверия на фоне высокой значимости вопроса об общественной безопасности не способствует усилению социального доверия, что, впрочем, затрудняет коллективное действие, тем самым поддерживая управляемость в политической системе.

Библиография

Авдеева Д.А. (2019) «Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития» // *Общественные науки и современность,* № 3: 79—93.

Бэнфилд Э.С. (2019) *Моральные основы отсталого общества*. М.: Новое изд-во.

Зиммель Г. (2002) «Большие города и духовная жизнь» // *Логос,* т. 34, № 3: 1—12. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf (проверено 25.12.2023).

Инглхарт Р. (1997) «Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества» // *Полис. Политические исследования,* № 4: 6—32.

Козырева П.М. и А.И.Смирнов. (2010) «Доверие и его роль в консолидации российского общества» // Горшков М.К., ред. *Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение*. М.: Новый хронограф: 160—199.

Петухов Р.В. (2017) «Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема» // *Полис. Политические исследования,* № 6: 61—75. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2017/6/Polis-2017-6-Petukhov.pdf (проверено 25.12.2023).

Реутов Е.В. (2018) «Факторы формирования социального доверия и недоверия в российском обществе» // *Среднерусский вестник общественных наук,* т. 13, № 1: 12—20.

Реутов Е.В. и М.Н.Реутова. (2014) «Социальное доверие в российском обществе: тенденции и противоречия» // *Россия и современный мир,* т. 82, № 1: 173—181.

Рукавишников В.О. (2008) «Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения» // *Социологические исследования,* № 2: 17—25.

Черепанова М.И. и С.Г.Максимова. (2019) «Доверие и безопасность» // *Society and Security Insights,* т. 2, № 4: 34—39. URL: http://journal.asu.ru/ssi/article/view/7165/5899 (проверено 25.12.2023).

Шабунова А.А., К.Е.Косыгина и Г.В.Белехова. (2021) «Доверие и социальное неравенство: российский кейс» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены,* № 4: 186—211. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1785/1566 (проверено 25.12.2023).

Anderson C. and A.LoTempio. (2002) «Winning, Losing and Political Trust in America» // *British Journal of Political Science*, vol. 32, no. 2: 335—351.

Barone G. and S.Mocetti. (2016) «Inequality and Trust: New Evidence from Panel Data» // *Economic Inquiry,* vol. 54, no. 2: 794—809.

Belanger E. and R.Nadeau. (2005) «Political Trust and the Vote in Multiparty Elections: The Canadian Case» // *European Journal of Political Research,* vol. 44, no. 1: 121—146.

Berg L. and M.Hjerm. (2010) «National Identity and Political Trust» // *Perspectives on European Politics and Society,* vol. 11, no. 4: 390—407.

Berggren N., M.Elinder, and H.Jordahl. (2008) «Trust and Growth: A Shaky Relationship» // *Empirical Economics,* vol. 35, no. 2: 251—274.

Beugelsdijk S., H. de Groot, and A. van Schaik. (2004) «Trust and Economic Growth: a Robustness Analysis» // *Oxford Economic Papers,* vol. 56, no. 1: 118—134.

Bhide A. and H.Stevenson. (1992) «Trust, Uncertainty, and Profit» // *The Journal of Socio-Economics,* vol. 21, no. 3: 191—208.

Bijlsma K. and G. van de Bunt. (2003) «Antecedents of Trust in Managers: A „Bottom Up" Approach» // *Personnel Review,* vol. 32, no. 5: 638—664.

Bjørnskov C. (2012) «How Does Social Trust Affect Economic Growth?» // *Southern Economic Journal,* vol. 78, no. 4: 1346—1368.

Braithwaite J. and T.Makkai. (1994) «Trust and Compliance» // *Policing and Society: An International Journal,* vol. 1, no. 4: 1—12.

Buskens V., V.Frey, and W.Raub. (2018) «Trust Games: Game-Theoretic Approaches to Embedded Trust» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 305—331.

Cawvey M., M.Hayes, D.Canache, and J.Mondak. (2018) «Biological and Psychological Influences on Interpersonal and Political Trust» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 119—148.

Citrin J. and L.Stoker. (2018) «Political Trust in a Cynical Age» // *Annual Review of Political Science,* vol. 21: 49—70.

Coleman J. (1994) *Foundations of Social Theory*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

Cook K. and J.Santana. (2018) «Trust and Rational Choice» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 253—278.

Grönlund K. and M.Setälä. (2007) «Political Trust, Satisfaction and Voter Turnout» // *Comparative European Politics,* vol. 5, no. 4: 400—422.

Hardin R. (1992) «The Street-Level Epistemology of Trust» // *Analyse & Kritik,* vol. 14, no. 2: 152—176.

Hardin R. (2002) *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.

Hetherington M. (1998) «The Political Relevance of Political Trust» // *American Political Science Review,* vol. 92, no. 4: 791—808.

Horvath R. (2013) «Does Trust Promote Growth?» // *Journal of Comparative Economics,* vol. 41, no. 3: 777—788.

Jepma M., R.Verdonschot, H. van Steenbergen, S.Rombouts, and S.Nieuwenhuis. (2012) «Neural Mechanisms Underlying the Induction and Relief of Perceptual Curiosity» // *Frontiers in Behavioral Neuroscience,* vol. 6, no. 5: 1—9.

Kaase M. (1999) «Interpersonal Trust, Political Trust and Non-Institutionalised Political Participation in Western Europe» // *West European Politics,* vol. 22, no. 3: 1—21.

Kashefi M. (2015) «Democratic States, Social Capital/Trust, and National Development» // *International Review of Modern Sociology,* vol. 41, no. 1: 29—54.

Kreps D. (1990) «Corporate Culture and Economic Theory» // Alt J.E. and K.A.Shepsle, eds. *Perspectives on Positive Political Economy*. Cambridge: Cambridge University Press: 90—142.

Kuznetsov A. and O.Kuznetsova. (2008) «Gaining Competitiveness through Trust: the Experience of Russia» // *European Journal of International Management,* vol. 1, no. 2: 22—38.

Lenard P.T. and D.Miller. (2018) «Trust and National Identity» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 57—74.

Levi M. (1988) *Of Rule and Revenue*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Levi M. (1996) *A State of Trust*. EUI working paper. Florence: European University Institute.

Linz J. and A.Stepan. (1996) «Toward Consolidated Democracies» // *Journal of Democracy,* vol. 7, no. 2: 14—33.

Miller G. (1992) *Managerial Dilemmas: The Political Economy of Hierarchy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishler W. and R.Rose. (2001) «What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies» // *Comparative Political Studies,* vol. 34, no. 1: 30—62.

Mishler W. and R.Rose. (2005) «What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia» // *Comparative Political Studies,* vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Newton K. and S.Zmerli. (2011) «Three Forms of Trust and Their Association» // *European Political Science Review,* vol. 3, no. 2: 169—200.

Newton K., D.Stolle, and S.Zmerli. (2018) «Social and Political Trust» // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 961—976.

Patulny R. and G.Svendsen. (2007) «Exploring the Social Capital Grid: Bonding, Bridging, Qualitative, Quantitative» // *International Journal of Sociology and Social Policy,* vol. 27, no. 1: 32—51.

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Schwartenbeck P., T.FitzGerald, R.J.Dolan, and K.Friston. (2013) «Exploration, Novelty, Surprise, and Free Energy Minimization» // *Frontiers in Psychology,* vol. 4, no. 710: 1—5. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Sennet R. (1970) *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life*. New York: Knopf.

Snetkov A. (2015) *Russia's Security Policy under Putin: A Critical Perspective*. London: Routledge.

Taylor M. (1982) *Community, Anarchy and Liberty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Taylor P., C.Funk, and A.Clark. (2007) «Americans and Social Trust: Who, Where and Why» // *Pew Research Center,* 22.02. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Tyler T. (1990) *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press.

Uslaner E. (2002) «The Moral Foundations of Trust» // *SSRN Electronic Journal*, September.

Wang Z. (2005) «Before the Emergence of Critical Citizens: Economic Development and Political Trust in China» // *International Review of Sociology,* vol. 15, no. 1: 155—171.

Warren M. (2017) «What Kinds of Trust Does a Democracy Need? Trust from the Perspective of Democratic Theory» // Zmerli S. and T.W.G. van der Meer, eds. *Handbook on Political Trust.* Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing: 33—52.

Yamagishi T. and M.Yamagishi. (1994) «Trust and Commitment in the United States and Japan» // *Motivation and Emotion,* vol. 2, no. 18: 129—166.

Zmerli S. and K.Newton. (2008) «Social Trust and Attitudes Toward Democracy» // *Public Opinion Quarterly,* vol. 72, no. 4: 706—724.

** Решением Минюста РФ внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.*

R.F.Turovsky, E.V.Bragina

FACTORS OF SOCIAL TRUST IN EUROPE AND RUSSIA

Rostislav F. Turovsky — Doctor of Political Science; Professor; Head of the Laboratory of Regional Political Studies of the Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: RTurovsky@hse.ru.

Ekaterina V. Bragina — B.A. Student in the Political Science Program; Intern Researcher at the Laboratory of Regional Political Studies of the Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: evbragina@edu.hse.ru.

Abstract. The article analyzes the factors of generalized social trust in the modern states. The authors rely on the “up bottom” approach, which as-

sumes that trust in political institutions has a significant impact on social trust, while also accounting for socio-economic factors.

The research study of the modern European states that employed regression analysis of the sociological data from the World Values Survey and Eurobarometer shows that political trust continues to have a positive effect on the level of social trust. However, economic development and low levels of social stratification are equally important. A potentially important new factor is the increase in trust in urban communities, while the presence or absence of the communist past has lost its influence on social trust.

The authors examine the case of Russia separately due to the specifics of political trust in personalist presidential regimes, Russia's longer exposure to communism, as well as the modern increase in the level of political trust, which radically exceeds the level of social trust. Based on the comparative study of sociological trends and factors of social trust in the country, they document the gradual development of a situation where social trust is inversely correlated with political trust. They tend to explain this phenomenon by the exaggerated importance of the personal and public security agenda, which negatively affects social trust, while simultaneously increases the demand for political trust. Socio-economic factors in Russia play a limited role, but can resume their influence during periods of reduced social tensions. According to the authors' conclusion, given the current political system, the potential for increase in social trust in the Russian Federation is limited.

Keywords: social trust, political trust, social capital, political regime, social stratification, Russia, Europe.

References

Anderson C. and A.LoTempio. (2002) "Winning, Losing and Political Trust in America" // *British Journal of Political Science*, vol. 32, no. 2: 335—351.

Avdeeva D.A. (2019) "Doverie v Rossii i ego svjaz' s urovnem ekonomicheskogo razvitija" [Trust in Russia and Its Connection with the Level of Economic Development] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 3: 79—93. (In Russ.)

Banfield E.C. (2019) *Moral'nye osnovy otstalogo obshchestva* [The Moral Basis of a Backward Society]. Moscow: Novoe izd-vo.

Barone G. and S.Mocetti. (2016) "Inequality and Trust: New Evidence from Panel Data" // *Economic Inquiry,* vol. 54, no. 2: 794—809.

Belanger E. and R.Nadeau. (2005) "Political Trust and the Vote in Multiparty Elections: The Canadian Case" // *European Journal of Political Research,* vol. 44, no. 1: 121—146.

Berg L. and M.Hjerm. (2010) "National Identity and Political Trust" // *Perspectives on European Politics and Society,* vol. 11, no. 4: 390—407.

Berggren N., M.Elinder, and H.Jordahl. (2008) "Trust and Growth: A Shaky Relationship" // *Empirical Economics,* vol. 35, no. 2: 251—274.

Beugelsdijk S., H. de Groot, and A. van Schaik. (2004) "Trust and Economic Growth: a Robustness Analysis" // *Oxford Economic Papers,* vol. 56, no. 1: 118—134.

Bhide A. and H.Stevenson. (1992) "Trust, Uncertainty, and Profit" // *The Journal of Socio-Economics,* vol. 21, no. 3: 191—208.

Bijlsma K. and G. van de Bunt. (2003) "Antecedents of Trust in Managers: A „Bottom Up" Approach" // *Personnel Review,* vol. 32, no. 5: 638—664.

Bjørnskov C. (2012) "How Does Social Trust Affect Economic Growth?" // *Southern Economic Journal,* vol. 78, no. 4: 1346—1368.

Braithwaite J. and T.Makkai. (1994) "Trust and Compliance" // *Policing and Society: An International Journal,* vol. 1, no. 4: 1—12.

Buskens V., V.Frey, and W.Raub. (2018) "Trust Games: Game-Theoretic Approaches to Embedded Trust" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 305—331.

Cawvey M., M.Hayes, D.Canache, and J.Mondak. (2018) "Biological and Psychological Influences on Interpersonal and Political Trust" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press*:* 119—148.

Cherepanova M.I. and S.G.Maximova. (2019) "Doverie i bezopasnost'" [Trust and Security] // *Society and Security Insights,* vol. 4, no. 2: 34—39. URL: http://journal.asu.ru/ssi/article/view/7165/5899 (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Citrin J. and L.Stoker. (2018) "Political Trust in a Cynical Age" // *Annual Review of Political Science,* vol. 21: 49—70.

Coleman J. (1994) *Foundations of Social Theory*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.

Cook K. and J.Santana. (2018) "Trust and Rational Choice" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press*:* 253—278.

Grönlund K. and M.Setälä. (2007) "Political Trust, Satisfaction and Voter Turnout" // *Comparative European Politics,* vol. 5, no. 4: 400—422.

Hardin R. (1992) "The Street-Level Epistemology of Trust" // *Analyse & Kritik,* vol. 14, no. 2: 152—176.

Hardin R. (2002) *Trust and Trustworthiness*. New York: Russell Sage Foundation.

Hetherington M. (1998) "The Political Relevance of Political Trust" // *American Political Science Review,* vol. 92, no. 4: 791—808.

Horvath R. (2013) "Does Trust Promote Growth?" // *Journal of Comparative Economics,* vol. 41, no. 3: 777—788.

Inglehart R. (1997) "Postmodern: menjajushchiesja tsennosti i izmenjajushchiesja obshchestva" [Postmodemity: Changing Values and Changing Societies] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 4: 6—32. (In Russ.)

Jepma M., R.Verdonschot, H. van Steenbergen, S.Rombouts, and S.Nieuwenhuis. (2012) "Neural Mechanisms Underlying the Induction and Relief of Perceptual Curiosity" // *Frontiers in Behavioral Neuroscience,* vol. 6, no. 5: 1—9.

Kaase M. (1999) "Interpersonal Trust, Political Trust and Non-Institutionalised Political Participation in Western Europe" // *West European Politics,* vol. 22, no. 3: 1—21.

Kashefi M. (2015) "Democratic States, Social Capital/Trust, and National Development" // *International Review of Modern Sociology,* vol. 41, no. 1: 29—54.

Kozyreva P.M. and A.I.Smirnov. (2010) "Doverie i ego rol' v konsolidatsii rossijskogo obshchestva" [Trust and Its Role in the Consolidation of Russian Society] // Gorshkov M.K., ed. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii rossijskogo obshchestva: sotsiologicheskoe izmerenie* [Social Factors of Consolidation of Russian Society: Sociological Dimension]. Moscow: Novyj Khronograf: 160—199. (In Russ.)

Kreps D. (1990) "Corporate Culture and Economic Theory" // Alt J.E. and K.A.Shepsle, eds. *Perspectives on Positive Political Economy.* Cambridge: Cambridge University Press: 90—142.

Kuznetsov A. and O.Kuznetsova. (2008) "Gaining Competitiveness through Trust: the Experience of Russia" // *European Journal of International Management,* vol. 1, no. 2: 22—38.

Lenard P.T. and D.Miller. (2018) "Trust and National Identity" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 57—74.

Levi M. (1988) *Of Rule and Revenue*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Levi M. (1996) *A State of Trust*. EUI working paper. Florence: European University Institute.

Linz J. and A.Stepan. (1996) "Toward Consolidated Democracies" // *Journal of Democracy,* vol. 7, no. 2: 14—33.

Miller G. (1992) *Managerial Dilemmas: The Political Economy of Hierarchy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishler W. and R.Rose. (2001) "What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-Communist Societies" // *Comparative Political Studies,* vol. 34, no. 1: 30—62.

Mishler W. and R.Rose. (2005) "What Are the Political Consequences of Trust? A Test of Cultural and Institutional Theories in Russia" // *Comparative Political Studies,* vol. 38, no. 9: 1050—1078.

Newton K. and S.Zmerli. (2011) "Three Forms of Trust and Their Association" // *European Political Science Review,* vol. 3, no. 2: 169—200.

Newton K., D.Stolle, and S.Zmerli. (2018) "Social and Political Trust" // Uslaner E.M., ed. *The Oxford Handbook of Social and Political Trust*. New York: Oxford University Press: 961—976.

Patulny R. and G.Svendsen. (2007) "Exploring the Social Capital Grid: Bonding, Bridging, Qualitative, Quantitative" // *International Journal of Sociology and Social Policy,* vol. 27, no. 1: 32—51.

Petukhov R.V. (2017) "Doverie rossijskogo obshchestva k organam mestnogo samoupravlenija kak problema" [The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 61—75. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2017/6/Polis-2017-6-Petukhov.pdf (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Reutov E.V. (2018) "Faktory formirovanija sotsial'nogo doverija i nedoverija v rossijskom obshchestve" [Factors of Formation of Social Trust and Mistrust in Russian Society] // *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], vol. 13, no. 1: 12—20. (In Russ.)

Reutov E.V. and M.N.Reutova. (2014) "Sotsial'noe doverie v rossijskom obshchestve: tendentsii i protivorechija" [Social Trust in the Russian Society: Tendencies and Contradictions] // *Rossija i sovremennyj mir* [Russia and the Contemporary World], vol. 82, no. 1: 173—181. (In Russ.)

Rukavishnikov V.O. (2008) "Mezhlichnostnoe doverie: izmerenie i mezhstranovye sravnenija" [Interpersonal Trust: Measurement and Cross-Country Comparisons] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 2: 17—25. (In Russ.)

Schwartenbeck P., T.FitzGerald, R.J.Dolan, and K.Friston. (2013) "Exploration, Novelty, Surprise, and Free Energy Minimization" // *Frontiers in Psychology,* vol. 4, no. 710: 1—5. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Sennet R. (1970) *The Uses of Disorder: Personal Identity and City Life*. New York: Knopf.

Shabunova A.A., K.E.Kosygina, and G.V.Belekhova. (2021) "Doverie i sotsial'noe neravenstvo: rossijskij kejs" [Trust and Social Inequality: The Case of Russia] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 4: 186—211. URL: https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1785/1566 (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Simmel G. (2002) "Bol'shie goroda i dukhovnaja zhizn'" [Die Groβstädte und das Geistesleben] // *Logos,* vol. 34, no. 3: 1—12. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf (accessed on 25.12.2023). (In Russ.)

Snetkov A. (2015) *Russia's Security Policy under Putin: A Critical Perspective*. London: Routledge.

Taylor M. (1982) *Community, Anarchy and Liberty*. Cambridge: Cambridge University Press.

Taylor P., C.Funk, and A.Clark. (2007) "Americans and Social Trust: Who, Where and Why" // *Pew Research Center,* 22.02. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1423327/1/fpsyg-04-00710.pdf (accessed on 26.12.2023).

Tyler T. (1990) *Why People Obey the Law*. Princeton: Princeton University Press.

Uslaner E. (2002) "The Moral Foundations of Trust" // *SSRN Electronic Journal*, September.

Wang Z. (2005) "Before the Emergence of Critical Citizens: Economic Development and Political Trust in China" // *International Review of Sociology,* vol. 15, no. 1: 155—171.

Warren M. (2017) "What Kinds of Trust Does a Democracy Need? Trust from the Perspective of Democratic Theory" // Zmerli S. and T.W.G. van der Meer, eds. *Handbook on Political Trust*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing: 33—52.

Yamagishi T. and M.Yamagishi. (1994) "Trust and Commitment in the United States and Japan" // *Motivation and Emotion,* vol. 2, no. 18: 129—166.

Zmerli S. and K.Newton. (2008) "Social Trust and Attitudes Toward Democracy" // *Public Opinion Quarterly,* vol. 72, no. 4: 706—724.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-164-186

В.Е.Беленков

ДОЛГОСРОЧНОЕ ВЛИЯНИЕ СИЛЫ РЕПРЕССИЙ В ОНЛАЙН- И ОФЛАЙН-СРЕДЕ НА ЧИСЛЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ПОСТВЫБОРНЫХ ПРОТЕСТОВ

Кросс-страновое эмпирическое исследование[1]

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00274 (https://rscf.ru/project/20-18-), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Вадим Евгеньевич Беленков — преподаватель и младший научный сотрудник департамента политики и управления факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: vadim.belenkov@gmail.com.

Аннотация. Хотя взаимосвязь между мерами государственного принуждения и протестами давно изучается в политической науке, в современных исследованиях влияния репрессий на уличную протестную активность существует ряд лакун. Серьезным изъяном этих исследований является акцент на способности репрессий влиять на уже развернувшиеся протестные кампании при слабом внимании к их отдаленным эффектам. Недостаточно изучено влияние репрессий на масштабность протеста и численность протестующих, а также роль интернета как фактора, модерирующего воздействие государственных санкций на протесты. В статье предпринята попытка заполнить эти лакуны.

Рассмотрев теоретические аргументы в пользу трех возможных форм связи между силой репрессий и уличной протестной активностью — отрицательной, положительной и параболической (*n*-образной), — автор тестирует соответствующие гипотезы на кросс-страновой выборке случаев с однородным поводом к протесту — подозрениями в фальсификации результатов выборов. Для проверки гипотез использованы данные о максимальной силе репрессий против организаций гражданского общества, участников протестных акций и авторов антиправительственных сообщений в интернете в предшествовавшие выборам годы, а также данные о протестных акциях в первую неделю после выборов.

Проведенное исследование подтвердило способность репрессий воздействовать на будущую протестную активность. При этом связь между силой репрессий и численностью участников протестов в долгосрочной перспективе имеет квадратичную *n*-образную форму: при низкой и высокой

силе репрессий численность протестующих минимальна, при средней — максимальна. Что касается воздействия интернета, то на данных о репрессиях в офлайн-среде оно не было обнаружено, но было выявлено на данных о силе санкций за политическую активность в сети: если доля пользователей интернета в стране низка, репрессии снижают численность участников протестов, если высока, то максимальная численность протестующих достигается при репрессиях средней силы.

Ключевые слова: репрессии, уличный протест, интернет, численность протестующих, долгосрочный эффект, событие-триггер

Введение

Репрессии применяются властями стран с разнообразными политическими режимами для подавления, регулирования и сдерживания нежелательной для них политической активности, к которой относятся в том числе уличные протесты. Хотя взаимосвязь между мерами государственного принуждения и протестами давно изучается в политической науке[2], внимание исследователей концентрируется скорее на способности репрессий влиять на уже развернувшиеся протестные кампании[3], нежели на использовании государственных санкций для предотвращения протестов в относительно отдаленном будущем.

Акцент на влиянии репрессий на протестные кампании, для подавления которых они задействуются[4], чреват переоценкой их стимулирующего воздействия на численность протестующих, ведь именно в краткосрочной перспективе наиболее силен эмоциональный отклик на репрессии — гнев и возмущение[5]. Кроме того, именно тогда происходит описанный Тимуром Кураном «каскад разрушения фальсификации предпочтений» (люди перестают скрывать свое отрицательное отношение к руководству страны)[6]. В условиях применения репрессий вне связи с конкретными протестными акциями включение этих факторов менее вероятно. Соответственно, для более полного понимания последствий государственных санкций следует выяснить, как они отражаются на уличных протестах за пределами типичного для протестной кампании срока[7], то есть в долгосрочной перспективе.

Различие между изучением краткосрочного и долгосрочного влияния репрессий определяется тем интервалом времени после их применения, в течение которого измеряется протестная активность. Если исследователя интересует факт подавления/развития уже возникшей в момент использования санкций протестной кампании[8], речь идет о краткосрочном воздействии; если исследуется рост/сокращение в будущем вероятности возникновения новых протестных акций и числа их участников, — о долгосрочном, то есть тестируется превентивная функция репрессий.

Выявление долгосрочного влияния репрессий необходимо для понимания того, как решение властей об их применении, выбор их форм и силы влияют на возникновение в будущем угроз для политического

[2] *Gurr 1971.*

[3] *Carey 2006; Ayanian and Tausch 2016; Bell and Murdie 2018.*

[4] *Carey 2006; Ayanian and Tausch 2016.*

[5] *Ayanian and Tausch 2016.*

[6] *Kuran 1995.*

[7] *По оценке на основе базы данных NAVCO 1.2, в случае ненасильственных кампаний их медианная длительность составляет 354,5 дня (см. Chenoweth and Stephan 2011).*

[8] *Ахременко, Беленков и Петров 2021.*

выживания и устойчивости властных элит. Это в свою очередь помогает приблизиться к осознанию условий устойчивости политических режимов, а именно способности репрессий снижать или повышать риски возникновения внеинституциональных вызовов снизу. Если в предыдущих исследованиях изучались режимные трансформации[9], то в фокусе настоящей работы влияние репрессий на промежуточный фактор таких трансформаций — протестную активность.

[9] Svolik 2012; Escriba-Folch 2013; Tanneberg 2020.

Другой существенный изъян современных исследований взаимосвязи между репрессивными практиками и протестами — недостаточное внимание к влиянию санкций на масштабность протеста и численность протестующих. Хотя, как показывают Эрика Ченовет и Мария Стефан, именно численность обусловливает успех или неудачу протестной кампании[10], в научных трудах рассматривается прежде всего воздействие репрессий на готовность к участию в протестных акциях на уровне индивидов[11], на конфронтационность и насильственность таких акций[12], их интенсивность[13], количество[14] и вероятность возникновения[15]. Без прояснения вопроса о влиянии репрессий на численность протестующих мы едва ли сможем адекватно оценить перспективы появления внеинституциональных вызовов снизу, ставящих под удар устойчивость и выживание политических режимов.

[10] Chenoweth and Stephan 2011.

[11] Ayanian and Tausch 2016; Lawrence 2017; Aytaç, Schiumerini, and Stokes 2018.

[12] Carey 2006; Ives and Lewis 2020.

[13] Bell and Murdie 2018.

[14] Gupta, Singh, and Sprague 1993; Rasler 1996.

[15] Rudolfsen 2021.

В дополнительном изучении нуждается и развитие интернета как фактора эффективности репрессий. На сегодняшний день основной акцент в литературе делается на непосредственном влиянии интернета на протестную активность[16]. Между тем есть основания полагать, что, помимо всего прочего, интернет «модерирует» воздействие государственных санкций на протесты, то есть характер и масштабы этого воздействия зависят от уровня его проникновения. В одной из предыдущих своих работ я уже касался этой проблемы, но только применительно к репрессиям против организаций гражданского общества (ОГО)[17], не затрагивая иных типов репрессий. При тестировании гипотезы о модерационной роли интернета чрезвычайно полезной представляется численная модель Андрея Ахременко и Александра Петрова[18], демонстрирующая, что при характерных для интернета сетевых топологиях повышается устойчивость протеста к репрессиям высокой силы.

[16] Rujigrok 2017; Enikolopov, Makarin, and Petrova 2021.

[17] Belenkov 2021.

[18] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

Таким образом, научная проблема заключается в недостатке коллективного знания о способности репрессий влиять на вероятность возникновения протестов и численность их участников в долгосрочной перспективе, в том числе с учетом фактора интернета. Решение этой проблемы позволит приблизиться к пониманию того, как применение мер государственного принуждения влияет на долгосрочную динамику трансформаций политических режимов.

Один из авторов теории мобилизации ресурсов Чарльз Тилли выделял два типа репрессий: репрессии, направленные непосредственно против коллективного действия, и репрессии, нацеленные на сокращение мобилизационных возможностей групп[19]. Первый тип репрессий подразумевает наказание протестующих за участие в протестном

[19] Тилли 2019.

мероприятии (в том числе в ходе его проведения). Соответственно, в качестве объекта репрессий здесь выступают отдельные индивиды, на чью персональную мотивацию власти пытаются повлиять. Второй тип репрессий предполагает воздействие на лица и организации, способные мобилизовать потенциальных протестующих. Учитывая роль ОГО в формировании социального окружения своих участников, опыта коллективного действия[20] и селективных стимулов к участию[21], а также в полевой агитации в пользу протеста, при изучении государственных санкций второго типа нельзя обойти вниманием репрессии против этих организаций. То же самое относится к репрессиям против средств массовой коммуникации, в частности против пользователей социальных медиа, размещающих информацию о политике, ведь способность побуждать потенциальных протестующих к участию в мероприятии во многом зависит от возможности формировать их отношение к политике властей и координировать их действия[22]. Исходя из этих соображений, в настоящей статье я исследую связь государственных санкций с последующей протестной активностью с помощью индикаторов силы трех типов государственных санкций: против участников проходивших в прошлом, *до* рассматриваемого события-триггера протестных акций; против ОГО; против политически активных пользователей интернета.

[20] Putnam, Leonardi, and Nanetti 1993.

[21] Olson 1965.

[22] Little 2016.

Принципиальное отличие этой работы от более ранних попыток исследовать долгосрочное влияние репрессий[23] состоит в переходе от анализа кросс-страновых данных за все доступные годы к сравнению масштабов протестной активности в ситуациях с однородным поводом (триггером) к протесту, но с разной *предшествующей* силой государственных санкций[24]. В качестве триггера выбраны сомнения наблюдателей от международных организаций в честности выборов. Я оцениваю влияние репрессий, имевших место в период от вступления в должность действующего главы исполнительной власти до оспариваемых выборов, на численность протестующих в первую неделю после голосования.

[23] Belenkov 2021.

[24] Впервые триггерный подход (но с ростом цен в качестве триггера) был использован в Rudolfsen 2021.

Важно отметить, что в этой работе понятия «репрессии», «протест» и «уличный протест» не носят оценочного характера. Я не высказываю ни одобрения, ни осуждения действиям протестующих. Называя действия государств «репрессиями» или «репрессивными», я не оцениваю их с моральной или правовой точки зрения. Я концентрируюсь на изучении эмпирических взаимосвязей между мерами государственного принуждения и уличной протестной активностью как объективно существующими в политической действительности многих государств явлениями. При этом термины «репрессии», «государственные санкции», «санкции», «государственное насилие», «меры государственного принуждения», «наказание» используются мною как синонимы.

Гипотезы

Как уже говорилось, в статье исследуется влияние государственных санкций на вероятность возникновения и численность участников поствыборных протестов с помощью индикаторов силы трех типов ре-

прессий: против участников уличных акций, проходивших при том же руководителе страны *до* вызвавших подозрение выборов, против ОГО и против пользователей интернета. Первый тип репрессий предполагает наказание отдельных участников протестов; второй — воздействие на организации, способные мобилизовать индивидов на коллективные действия; третий — попытку предотвратить широкое распространение критики властей и призывов к участию в протестах.

Ниже представлены теоретические аргументы в пользу трех возможных вариантов связи между силой репрессий и численностью участников протестов, в том числе в контексте влияния на эту связь уровня проникновения интернета. По итогам обсуждения этих аргументов сформулированы соответствующие гипотезы.

Отрицательное влияние репрессий: теоретические аргументы. Предположение об отрицательном влиянии репрессий на протестную активность вытекает из теории сдерживания[25]. Опыт применения наказаний за участие в протестах, за оппозиционную деятельность ОГО и антиправительственные публикации в интернете должен формировать представление о репрессивности властей, заставляющее рядовых граждан, активистов ОГО и пользователей интернета оценивать риск подвергнуться санкциям как высокий, что побуждает к отказу от усилий по организации протеста и участия в нем.

[25] Шеллинг 2007.

В случае репрессий против ОГО на снижение протестной активности также работает несколько дополнительных факторов. Штрафы уменьшают объем ресурсов для мобилизации протестующих[26]; физическая изоляция активистов нарушает социальные связи внутри отдельных ОГО, ослабляя влияние социального окружения[27], и ограничивает их возможности призывать к участию в протестах. Полное насильственное разрушение автономных ОГО подразумевает сочетание этих эффектов.

[26] Тилли 2019.

[27] Klandermans 1984.

Отрицательное влияние на протест репрессий за онлайн-активность обусловлено тем, что интернет — важный канал быстрого распространения среди широкого круга лиц информации о политике властей, об интересах социальных групп и способах их защиты, о времени и месте протестов[28]. При сокращении числа пользователей, публикующих подобные материалы, сокращается и объем побуждающей к протесту информации.

[28] Ibidem; Little 2016; Enikolopov, Makarin, and Petrova 2020.

Наконец, об отрицательном влиянии репрессий на возникновение протеста говорит анализ численной модели протестной активности[29].

[29] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

Исходя из приведенных соображений, можно сформулировать следующую гипотезу.

Гипотеза 1. Чем выше максимальная сила репрессий[30] в период с начала правления высшего руководителя страны до выборов, вызвавших подозрение у международных наблюдателей, тем ниже вероятность возникновения протестных акций, а также максималь-

[30] Сила репрессий — уровень издержек, которые несут репрессируемые. Максимальная сила отражает характер репрессий, на которые готовы пойти власти в крайнем случае.

ное количество участников направленного против него и/или его политики уличного протестного мероприятия в столице страны в течение первой недели после данных выборов.

Вместе с тем результаты численного моделирования[31] позволяют выдвинуть гипотезу о влиянии уровня проникновения интернета на характер связи между силой репрессий и протестной активностью. Одним из важнейших следствий развития социальных медиа является усиление гомофилии сетевых связей, что повышает устойчивость протеста к репрессиям высокой силы, ослабляя их отрицательное влияние на него.

Гипотеза 1.1. Увеличение уровня проникновения интернета устраняет отрицательное воздействие репрессий на вероятность возникновения уличного протеста и количество его участников.

Положительное влияние репрессий: теоретические аргументы. В то же время существует немало аргументов в пользу того, что репрессии способствуют росту вероятности возникновения протестов и численности их участников. Так, применение государственных санкций свидетельствует о низком качестве политики властей[32] и подрывает их легитимность. Увеличивая долю недовольных властями граждан, репрессии увеличивают и число потенциальных протестующих[33]. Возможный положительный эффект наказаний за участие в протестных акциях обусловлен также повышением статуса репрессированных в референтных для них группах[34]. Кроме того, риск подвергнуться санкциям усиливает идентификацию активистов с протестным движением[35]. Имеются основания ожидать и положительного влияния на протестную активность репрессий против ОГО. Во-первых, государственные санкции создают угрозу для реализации интересов ОГО, что мотивирует их прибегать к протестам[36]. Во-вторых, опыт противостояния репрессиям может укреплять групповую идентичность их членов. Способно привести к росту протестной активности и государственное насилие в отношении пользователей интернета, поскольку затруднительно взять под контроль все каналы распространения побуждающей к протесту информации[37], а сами репрессии повышают недовольство властями и интерес к оппозиции[38].

Перечисленные аргументы говорят в пользу гипотезы, прямо противоположной сформулированной выше.

Гипотеза 2. Чем ниже максимальная сила репрессий в период с начала правления высшего руководителя страны до выборов, вызвавших подозрение у международных наблюдателей, тем ниже вероятность возникновения протестных акций, а также максимальное количество участников направленного против него и/или его политики уличного протестного мероприятия в столице страны в течение первой недели после данных выборов.

[31] *Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.*

[32] *Lohmann 1994.*

[33] *Bautista et al. 2023.*

[34] *Opp and Roehl 1990.*

[35] *Ayanian and Tausch 2016.*

[36] *Тилли 2019.*

[37] *McMillan and Zoido 2004.*

[38] *Pan and Siegel 2020.*

Аргументы в пользу квадратичной связи n-образной формы. Противоречие между гипотезами 1 и 2 может быть устранено при отказе от представления о линейной связи между репрессиями и протестной активностью. В ряде исследований между ними была обнаружена квадратичная связь *n*-образной формы: при низкой силе репрессий дальнейшее их усиление повышает протестную активность, при высокой — снижает[39]. Такая форма связи означает, что при слабых репрессиях их положительное влияние на протестную активность с высокой вероятностью перевесит отрицательное, при сильных — наоборот. Когда государство в ответ на протестные акции прибегает к летальным методам подавления, работающие в иных ситуациях аргументы о повышении статуса репрессированного неактуальны[40]. Насильственное разрушение ОГО не позволяет им мобилизовывать протестующих, а их членам сохранять идентичность. Наконец, жесткие наказания за распространение способствующих протестам сообщений ограничивают круг их потенциальных авторов радикальными противниками властей, что сокращает и круг их читателей.

[39] См., напр. Muller 1985.

[40] Opp and Roehl 1990.

Гипотеза 3. Связь между максимальной силой репрессий в период с начала правления высшего руководителя страны до выборов, вызвавших подозрение у международных наблюдателей, и вероятностью возникновения протестных акций, а также максимальным количеством участников направленного против него и/или его политики уличного протестного мероприятия в столице страны в течение первой недели после данных выборов имеет квадратичную *n*-образную форму.

Отбор случаев

При отборе случаев я использовал данные о выборах из National Elections Across Democracy and Autocracy 5.0 (NELDA 5.0)[41]. Для признания событием-триггером выборы должны были отвечать трем условиям. Во-первых, их результаты должны были вызвать подозрения у международных наблюдателей (значение «да» переменной «nelda 47»). Во-вторых, победу на них должен был одержать действующий глава исполнительной власти или поддерживаемый им кандидат/партия (значения «нет» или «N/A» переменной «nelda 24»). В-третьих, они должны были состояться не раньше 1990 г., поскольку базы Mass Mobilization Project Database 5.0 (MMPD 5.0)[42] и Mass Mobilization in Autocracies Database 3.0 (MMAD 3.0)[43], где представлена наиболее полная информация о происходивших в мире протестах, охватывают события с 1990 и с 2003 г. соответственно. Если в стране одновременно проходило несколько голосований, одни рассматривались в качестве единого события.

[41] Hyde and Marinov 2012.

[42] Clark and Regan 2016.

[43] Keremoğlu, Hellmeier, and Weidmann 2020.

В итоге в выборку вошли 167 случаев голосования с 1990 по 2015 г. (ввиду дефицита информации по контрольным переменным в дальнейшем их число сократилось до 142). Выборка охватывает 55 стран из всех регионов мира, кроме Западной Европы, Северной Америки, Ав-

стралии и Океании. У международных наблюдателей не было сомнений в честности проводившихся там выборов. Это может объясняться как действительно демократическим характером большинства расположенных в этих регионах государств, так и ориентацией составителей NELDA 5.0 на отчеты миссий наблюдателей от международных организаций с высоким влиянием стран Запада. Наибольшее количество случаев подозрительных выборов приходится на Азербайджан (13), Казахстан (10), Таджикистан (9), Беларусь (9) и Кыргызстан (9), то есть на постсоветские страны, осуществлявшие в период с начала 1990-х годов транзит от однопартийной системы, а также занимавшиеся выстраиванием своей государственности[44].

[44] Значения переменных для всех исследуемых случаев приведены в онлайн-приложении 3 (https://drive.google.com/drive/folders/1zacYIaqfT831LUb-x__AnrSgy1_hUMac?usp=sharing).

При изучении долгосрочного влияния репрессий на протестную активность у подхода, основанного на выделении однородных поводов к протесту, есть два преимущества. Во-первых, наличие события-триггера по определению означает более высокий шанс на возникновение протеста. Во-вторых, использование единого события-триггера при отборе случаев позволяет проконтролировать влияние повода к протесту на зависимые переменные, ведь от наличия такого повода и его характера могут зависеть и вероятность возникновения протеста, и численность протестующих. При измерении параметров протестной активности во всех странах во все периоды времени подобный контроль невозможен, поскольку включить в регрессионную модель влияния репрессий на протесты все разнообразие поводов к нему заведомо нереально. Между тем отказ от учета соответствующих контрольных переменных чреват смещением оценок коэффициентов. По этой причине лучше изучать протесты, вызванные одним типом повода (события-триггера).

Использование нечестных выборов в качестве события-триггера при отборе случаев имеет несколько достоинств. Первое из них — временна́я определенность. Выборы проводятся в четко установленную дату (даты), что позволяет корректно обозначить промежутки времени для фиксации наличия протестов против результатов голосования и измерения численности их участников. При других событиях-триггерах (например, таком, как рост цен на продукты питания[45]) не всегда удается определить дату возникновения повода к протесту и, соответственно, обоснованно очертить равные для всех наблюдений временны́е рамки анализа.

[45] См. Rudolfsen 2021.

Второе достоинство заключается в том, что в большинстве случаев выборы предполагают предшествующую историю правления главы исполнительной власти. Наличие истории позволяет говорить о влиянии репрессий до события-триггера на протесты после него. Далеко не все поводы открывают такую возможность. Например, государственный переворот означает приход к власти нового руководства страны. Репрессии, совершавшиеся предыдущим руководством, могут оказаться нерелевантными для исследования, так как они могли быть направлены против политических сил, которые затем поддержали переворот.

Третье достоинство данного типа триггера состоит в его политическом и антиправительственном характере. В ходе выборов решаются вопросы о распределении власти, о ее легитимности и законности. Для оппозиционных групп выборы и подозрения в их нечестности открывают шанс на приобретение власти. Согласно теории структуры политических возможностей[46], наличие возможности побуждает к активному коллективному действию, что повышает вероятность возникновения протеста. Для правящих кругов поствыборные протесты несут с собой серьезную угрозу, для предупреждения которой могут быть задействованы репрессии. Исследования причин применения государственных санкций показывают, что в случае выдвижения протестующими радикальных требований (в том числе о смене власти) вероятность репрессий возрастает[47]. Следовательно, потенциальным протестующим важно оценить максимально возможную силу государственного принуждения, что они могут сделать, опираясь на опыт его использования в прошлом.

[46] *Тилли 2019.*

[47] *Ayoub 2010.*

Переменные и источники данных

Зависимая переменная. В качестве зависимой переменной (*«psize1»*) в настоящей работе выступает максимальная численность участников уличного протестного мероприятия с требованиями пересмотра результатов выборов и/или отставки высшего руководителя страны в первую неделю после выборов (определена для каждого наблюдения по базам MMPD 5.0[48] и MMAD 3.0[49]). Данные о численности представлены в трех дополнительных формах: 1) переменная «*campaign*», принимающая значение 1, если $psize1 > 0$, и 0, если $psize1 = 0$; 2) порядковая переменная «*osize*», значения которой определяются как целая часть от $\log_{10}(psize1 + 1)$; 3) переменная «*large_protest*», принимающая значение 1, если $psize1 \geq 1000$, и 0, если $psize1 < 1000$. «*Campaign*» отражает факт возникновения любых протестов; «*osize*» — это порядковый индикатор максимальной численности протестующих; «*large_protest*» — индикатор протестов с не менее чем 1000 участников.

[48] *Clark and Regan 2016.*

[49] *Keremoğlu, Hellmeier, and Weidmann 2020.*

При проведении исследования я опирался на подход составителей базы MMPD 5.0, операционализирующих уличный протест как направленное против государства или его политического курса собрание 50 и более человек с целью выразить требования к руководству страны[50]. Однако, поскольку порог в 50 человек слишком сильно сокращает количество доступных для анализа протестных событий, наряду с MMPD 5.0 я использовал базу MMAD 3.0, где вместо протеста операционализировано событие массовой мобилизации, которое определяется как публичное собрание 25 и более человек с выраженной политической мотивацией поддержать или выступить против властей разных уровней или неправительственных организаций[51]. С помощью переменной «Side» в базе MMAD 3.0 были отобраны собрания людей с мотивацией выступить против властей, содержательно соответствующие понятию «протест» в базе MMPD 5.0.

[50] *Clark and Regan 2016.*

[51] *Keremoğlu, Hellmeier, and Weidmann 2020.*

В базе MMPD 5.0 для каждого случая подозрительных выборов были идентифицированы протестные события, произошедшие в столице в первые семь дней после голосования. Место протеста определялось посредством переменной «Location». Если требования протестующих, выявленные на основе разделов «notes» и источников из раздела «sources», не включали в себя отставку руководителей государства, отмену или пересмотр результатов выборов, акция исключалась из дальнейшего рассмотрения. Затем для каждой оставшейся протестной акции с помощью переменной «Participants» определялась максимальная численность участников. Если значения переменной «Participants» были представлены в текстовой форме, использовался алгоритм, описанный в онлайн-приложении 4[52]. Работа с базой MMPD 5.0 для конкретного наблюдения завершалась определением события с максимальной численностью протестующих. При отсутствии протестных событий, отвечающих установленным параметрам, максимальная численность протестующих считалась равной нулю.

[52] https://drive.google.com/drive/folders/1362Zn9eGTSgdy4yvwArmwIckZS13RNPh?usp=share_link. См. также Belenkov 2021.

Сходным образом осуществлялась работа с базой MMAD 3.0. После отбора мероприятий, для которых значение переменной «Side» соответствовало антиправительственным протестам, для каждого случая подозрительных выборов были идентифицированы протестные события, произошедшие в столице в первые семь дней после голосования. Место протеста определялось посредством переменной «Location». Если требования протестующих, выявленные с помощью переменных «Actors» и «Issues», не включали в себя отставку руководителей государства, отмену или пересмотр результатов выборов, акция исключалась из дальнейшего рассмотрения. Затем для каждой оставшейся протестной акции на основе переменной «Mean_avg_numparticipants» определялась численность участников. Работа с базой MMAD 3.0 для конкретного наблюдения завершалась определением события с максимальной численностью протестующих. При отсутствии протестных событий, отвечающих установленным параметрам, максимальная численность протестующих считалась равной нулю.

Значение переменной «*psize1*» для каждого наблюдения было определено как наибольшее из значений максимальной численности протестующих для данного наблюдения в базах MMPD 5.0 и MMAD 3.0. Если протестных событий не было ни в одной из баз, *psize1* присваивалось значение 0.

Независимые переменные. Использованные в исследовании независимые переменные отражают максимальную силу репрессий разных типов с момента прихода к власти действующего главы исполнительной власти до рассматриваемых выборов. Данные о силе государственных санкций почерпнуты из базы V-Dem 11.1[53]. Отражающие эту силу переменные — результат обработки создателями V-Dem 11.1 экспертных оценок силы репрессий с помощью байесовских моделей латентных переменных. Сила государственных санкций против ОГО

[53] Coppedge et al. 2021.

операционализирована посредством интервальной версии переменной «CSO repression». При создании этой переменной эксперты V-Dem оценивали максимальный уровень репрессий в конкретном году в конкретной стране: возможные категории варьировали от отсутствия репрессий против ОГО до полной ликвидации таких организаций и преследования всех реальных и воображаемых их участников (со штрафами, задержаниями, краткосрочными арестами, лишением свободы и физическим насилием против лидеров и активистов как промежуточными вариантами)[54]. Сила наказания протестующих определялась с помощью переменной «Freedom of peaceful assembly», строящейся на оценке экспертами V-Dem характерного для конкретной страны в конкретном году уровня ограничений свободы собраний: возможные категории варьировали от полной свободы и защиты мирных собраний государством до полного запрета на их проведение и применения летальных методов для их разгона (с частичными ограничениями и нелетальными методами разгона как промежуточными вариантами)[55]. Сила репрессий за антиправительственные публикации в интернете устанавливалась по переменной «Arrests for political content», базирующейся на экспертных оценках степени вероятности ареста человека, опубликовавшего в сети антиправительственный материал[56].

[54] *Coppedge et al. 2021: 193.*

[55] *Ibid.: 225.*

[56] *Ibid.: 329.*

Перед расчетом максимальной силы репрессий за время правления каждого конкретного главы исполнительной власти эти переменные умножались на -1, так как в базе V-Dem более высокие значения соответствуют меньшей силе государственных санкций.

Непосредственно в качестве независимых переменных в исследовании выступают максимальные уровни силы репрессий против (1) ОГО (*«cso_rep_max»*), (2) протестующих (*«assembly_rep_max»*) и (3) авторов публикаций в интернете (*«internet_rep_max»*). Выбор максимума объяснялся стремлением учесть последствия примененных мер государственного принуждения. Например, автономные ОГО могли быть полностью уничтожены за много лет до выборов, но последствия этих действий в виде отсутствия организаций могли сохраниться. Концентрация на периоде правления действующего на момент выборов главы исполнительной власти связана с тем, что смена руководства страны означает смену носителя репутации репрессивности и, в некоторых случаях, смену набора автономных от государства организаций. Поскольку данные о силе репрессий в базе V-Dem представлены в формате «страна — календарный год», максимальный уровень силы для каждого типа государственных санкций оценивался за период с первого полного года правления действующего главы исполнительной власти по год, предшествовавший году рассматриваемых выборов, включительно.

Информация о конкретных руководителях страны и времени их прихода к власти почерпнута из базы данных REIGN[57].

[57] *Bell 2016.*

Контрольные переменные. Среди включенных в регрессионные модели контрольных переменных особого внимания заслуживает уро-

вень проникновения интернета (доля пользователей интернета в населении страны, *IUS*). Необходимость использования этой *вмешивающейся* переменной обусловлена двумя причинами: во-первых, эффект репрессий за онлайн-активность корректно изучать для стран с высоким уровнем проникновения интернета; во-вторых, как отмечалось выше, интернет может модерировать влияние репрессий на численность протестующих[58]. В качестве источника информации о проникновении интернета выступала переменная «Individuals using the Internet (% of population)» из базы данных Всемирного Банка[59]. В регрессии включены значения этой переменной в год выборов.

Подробное описание иных задействованных мною контрольных переменных дано в онлайн-приложении 1[60].

[58] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

[59] https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.ZS.

[60] https://drive.google.com/file/d/1LFEdwhcgf_xXlN7XL7TMip37aijgTvuG/view?usp=sharing.

Методы и результаты анализа данных

Сформулированные выше гипотезы проверялись с помощью трех типов регрессионных моделей: 1) логистической регрессии вероятности возникновения любого уличного протеста (бинарная переменная) в зависимости от силы репрессий; 2) логистической регрессии вероятности возникновения протеста с не менее чем тысячей участников (бинарная переменная) в зависимости от силы репрессий; 3) порядковой логистической регрессии порядковой численности протестующих[61] в зависимости от силы репрессий. Все модели включали квадрат силы государственных санкций (что позволило проверить гипотезу о квадратичном характере связи между силой репрессий и протестной активностью), а также набор контрольных переменных. Оценки коэффициентов в моделях получены с помощью метода максимального правдоподобия.

[61] Порядковая численность рассчитывается как целая часть логарифма численности по основанию 10 плюс 1.

При анализе данных я преследовал цель выяснить, как *сила репрессий в целом* связана с уличной протестной активностью. Для решения этой задачи я использовал набор регрессионных моделей, в каждую из которых была включена сила только *одного из типов репрессий*. Ввиду высокой положительной корреляции между индикаторами силы разных типов государственных санкций (см. *табл. 1*) каждый из них может отражать общую силу репрессий в государстве, без привязки к конкретному типу (при условии, что другие типы не включены в модель).

Таблица 1 **Корреляционная матрица силы репрессий против ОГО («cso_rep_max»), силы репрессий против участников протестных акций («assembly_rep_max») и силы репрессий против пользователей интернета («internet_rep_max»)**

	cso_rep_max	*assembly_rep_max*	*internet_rep_max*
cso_rep_max	1	0,75	0,71
internet_rep_max	0,75	1	0,67
assembly_rep_max	0,71	0,67	1

Гипотеза 1.1 была проверена посредством включения в модели связи силы репрессий и параметров протестной активности переменных, отражающих взаимодействие между силой репрессий и уровнем проникновения интернета. Модели строились отдельно для каждого типа государственных санкций. Использование переменных взаимодействия позволило выявить наличие и направленность связи между силой репрессий и протестной активностью при низком (10%) и высоком (50%) уровнях проникновения интернета[62].

Итоговые выводы о характере связи между силой репрессий и протестной активностью. Поскольку результаты регрессионного анализа занимают большой объем, они вынесены в онлайн-приложение 2[63]. Результаты обобщены в виде таблиц эффектов, в которых по строкам указаны зависимые переменные, по столбцам — независимые. В ячейках обозначена обнаруженная направленность влияния репрессий: + (положительная, значима на уровне 0,05); - (отрицательная, значима на уровне 0,05); +,- (квадратичная n-образной формы, оценка коэффициента при квадрате силы репрессий отрицательна и значима на уровне 0,05); -,+ (квадратичная u-образной формы, оценка коэффициента при квадрате силы репрессий положительна и значима на уровне 0,05); 0 (нет связи, оценки коэффициентов статистически неотличимы от нуля). Если обозначение заключено в скобки, речь идет о статистической значимости оценки коэффициента на уровне 0,1. Код на языке программирования R, посредством которого осуществлялся регрессионный анализ, представлен в онлайн-приложении 3[64].

В *табл. 2* приведены обобщенные результаты моделей связи силы репрессий с параметрами протестной активности. Наряду с результатами оценивания моделей без переменных взаимодействия для офлайн-репрессий в ней также приведен результат оценивания модели с переменной взаимодействия силы онлайн-репрессий и уровня проникновения интернета (точнее, показана направленность связи при уровне проникновения интернета 50%). Столбец, демонстрирующий характер связи при высоком проникновении интернета, введен потому, что ввиду низкого среднего уровня проникновения интернета (8,67 %) в анализируемых странах оценка эффекта онлайн-репрессий не показательна для массива в целом.

Как видно из *табл. 2* (и онлайн-приложения 2), связь между силой репрессий и параметрами протестной активности в большинстве рассмотренных моделей имеет n-образную форму. Оценки квадратичных членов отрицательны и значимы на уровне 0,05 во всех моделях, касающихся силы государственных санкций против ОГО и пользователей интернета (при высоком уровне его проникновения). Сила репрессий против участников протестов имеет n-образную форму связи с вероятностью возникновения протеста в будущем и порядковой максимальной численностью протестующих на уровне значимости 0,05, а также с вероятностью возникновения крупного протеста на неконвенцио-

[62] В собранном массиве данных 50% — это высокий уровень проникновения интернета, поскольку 95 персентиль распределения проникновения интернета равен 46,091.

[63] https://drive.google.com/drive/folders/1FD0PtMgrH6eQjMHzNfDmsir1h4_VzG5A?usp=share_link.

[64] https://drive.google.com/drive/folders/1zacYIaqfT831LUb-x__AnrSgy1_hUMac?usp=sharing.

Таблица 2 **Итоговая таблица форм связи между силой репрессий и параметрами поствыборной протестной активности**

	cso_rep_max	*assembly_rep_max*	*internet_rep_max*	*internet_rep_max (IUS=50)*
campaign (возникновение протеста)	+,-	+,-	-	+,-
osize (порядковая численность протестующих)	+,-	+,-	-	+,-
large_protest (возникновение крупного протеста)	+,-	(+,-)	0	+,-

нальном уровне значимости 0,1. Модели, описывающие связь репрессий против пользователей интернета с протестной активностью и не содержащие переменных взаимодействия, показывают либо отрицательную связь, либо ее отсутствие. Но такие результаты отражают преимущественно слабо релевантные для влияния онлайн-репрессий контексты с низким уровнем проникновения интернета (как уже говорилось, средний уровень проникновения интернета по массиву — 8,67 %). В совокупности результаты позволяют говорить о подтверждении гипотезы 3 (о связи n-образной формы). Относительно низкий уровень значимости связи силы репрессий против участников протестов до события-триггера с возникновением крупных протестов, вероятно, объясняется небольшим количеством акций, где численность протестовавших составляла не менее тысячи человек (25, или 15%, случаев).

Максимальные значения параметров протестной активности фиксируются в ситуациях, когда репрессии достаточно масштабны, чтобы вызвать рост недовольства, но недостаточно сильны, чтобы сдержать ОГО и потенциальных протестующих или устранить физическую возможность организации протеста. Например, в случае государственных санкций против ОГО наибольшую вероятность возникновения протестов порождает использование финансовых наказаний. Расчет значений силы репрессий, при которых достигались максимальные значения параметров протестной активности, проводился по формуле:

$$x = -b/(2*a),$$

где x — искомое значение, a — оценка коэффициента при квадратичном члене в регрессионной модели, b — оценка коэффициента при члене первой степени. Соответствие между значением независимой

переменной и содержательной кодировкой в V-Dem определялось с помощью «Variable graph tool» проекта V-Dem (перед определением соответствия x умножался на -1)[65].

[65] *https://www.v-dem.net/data_analysis/VariableGraph/.*

Рисунок 1 **Прогнозная вероятность возникновения после выборов а) протестной кампании, б) протестной кампании с не менее чем тысячей участников в зависимости от силы репрессий против ОГО при средних значениях других переменных**

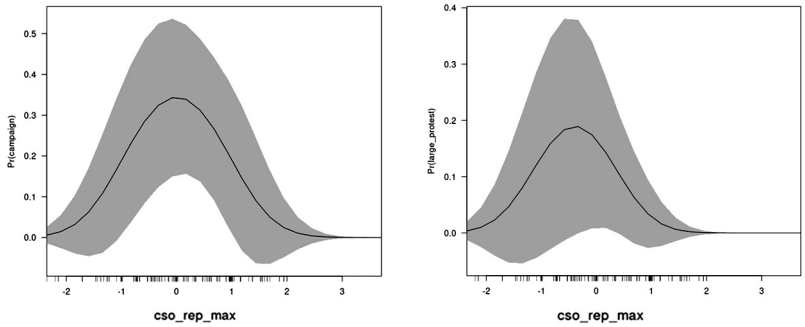
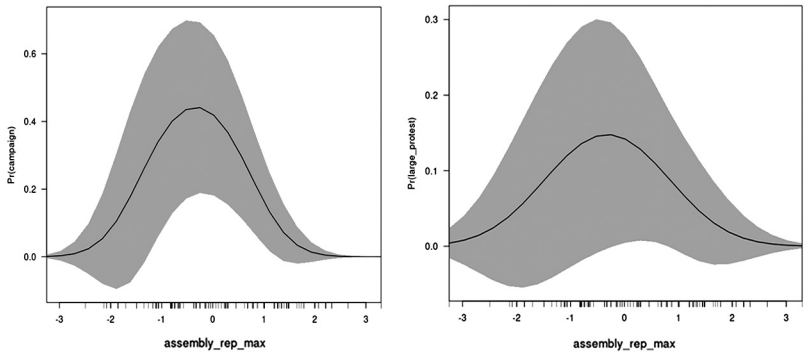


Рисунок 2 **Прогнозная вероятность возникновения после выборов а) протестной кампании; б) протестной кампании с не менее чем тысячей участников в зависимости от силы репрессий против участников протестных акций в прошлом при средних значениях других переменных**



Никаких изменений в функциональной форме связи между силой офлайн-репрессий и численностью протестующих в зависимости от уровня проникновения интернета обнаружено не было (см. *табл. 3*). И при низком, и при высоком уровне проникновения интернета она имеет квадратичную n-образную форму.

Таблица 3 Направленность долгосрочного влияния репрессий на уличную протестную активность по результатам оценки параметров моделей с переменными взаимодействия

	cso_rep_max		*assembly_rep_max*		*internet_rep_max*	
	IUS=10	*IUS=50*	*IUS=10*	*IUS=50*	*IUS=10*	*IUS=50*
campaign	+,-	+,-	+,-	+,-	-	+,-
osize	+,-	+,-	+,-	+,-	-	+,-
large_protest	(+,-)	(+,-)	0	0	0	+,-

Но проникновение интернета существенно влияет на эффект репрессий за сетевую активность. При высоком уровне его проникновения связь интернет-репрессий с численностью протестующих также имеет *n*-образную форму. Максимальная численность достигается при уровне 3 («Unlikely») переменной «Arrests for political content» из V-Dem 11.1. Вместе с тем при низком уровне проникновения интернета их эффект оказывается отрицательным. Возникновение положительного эффекта при низкой силе репрессий и высокой доле пользователей интернета косвенно подтверждает значение гомофилийных сетевых структур, обусловленных развитием интернета[66]. Кроме того, регрессионный анализ показывает, что проникновение интернета положительно связано с вероятностью возникновения крупного протеста (см. онлайн-приложение 2[67]). При всем том мы не можем говорить о подтверждении гипотезы 1.1, так как не подтверждена гипотеза 1.

[66] Akhremenko, Belenkov, and Zheglov 2021.

[67] https://drive.google.com/drive/folders/1FD0PtMgrH6eQjMHzNfDmsir1h4_VzG5A?usp=share_link.

Заключение

Результаты регрессионного анализа позволяют сделать ряд содержательных выводов.

1. Репрессии способны воздействовать на протестную активность в долгосрочной перспективе. Их влияние распространяется на длительные промежутки времени, превышающие один год.

2. Преобладающая форма долгосрочного воздействия репрессий на уличную протестную активность носит *n*-образный характер. В долгосрочной перспективе, как и в краткосрочной, действуют механизмы и положительного, и отрицательного влияния государственных санкций на протестную активность. При этом, если меры государственного принуждения не слишком масштабны, положительные эффекты репрессий сильнее отрицательных.

3. Отталкиваясь от отрицательного влияния репрессий за онлайн-публикации на протестную активность при слабом проникновении интернета, можно предположить, какой механизм лежит в основе их положительного влияния. Речь идет о распространении информации о государственном насилии, повышающей недовольство властями. Если у большинства населения нет возможности узнать о репрессиях, их

эффект будет отрицательным. Если такая возможность есть, он будет иметь *n*-образную форму.

4. Репрессии влияют как на вероятность возникновения протеста, так и на численность его участников. Отсутствие устойчивых оценок эффекта государственных санкций применительно к крупным протестам, по-видимому, объясняется малым количеством соответствующих случаев в выборке.

5. Хотя не было найдено подтверждений модерации интернетом эффектов репрессий за офлайн-активность, степень его проникновения определяет тип связи между репрессиями за онлайн-активность и протестами. В случае высокого проникновения она тоже имеет *n*-образную форму. При низкой доле пользователей связь отрицательная. Это служит косвенным подтверждением того, что сетевая структура общества, характерная для эпохи широкого использования интернета, способствует проявлению положительных эффектов репрессий.

Научное значение проведенного исследования не ограничивается полученными в ходе него результатами и их интерпретацией. Возможно, более важен опыт применения подхода, основанного на поиске событий-триггеров, к изучению долгосрочного влияния государственных санкций. Его использование позволило приблизиться к пониманию их эффектов в отдаленной перспективе. Ставка на репрессии контрпродуктивна для властей, так как в конечном счете они приводят к повышению (пусть и нелинейному) ряда параметров протестной активности. Наконец, исследование обогатило научное знание об условиях, в которых фальсификация выборов может вызвать уличные протесты[68]. Их следует ожидать прежде всего в странах с репрессиями средней силы. Именно там наиболее высок риск возникновения крупных уличных протестов, способных угрожать устойчивости политического режима.

[68] *Tucker 2007.*

Но представленные результаты не окончательны. Во-первых, они получены на данных наблюдения. Специфика предмета исследования исключала возможность проведения экспериментов, способных прояснить причинно-следственные связи. Во-вторых, может оказаться, что выявленные закономерности работают только применительно к конкретному триггеру — подозрениям в фальсификациях на выборах. Поэтому было бы полезно провести аналогичное исследование, но с другим типом события-триггера.

Библиография

Ахременко А.С., В.Е.Беленков и А.П.Петров. (2021) «Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно)» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 147—165. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Akhremenko.pdf (проверено 29.06.2023).

Тилли Ч. (2019) *От мобилизации к революции.* М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Шеллинг Т. (2007) *Стратегия конфликта*. М.: ИРИСЭН.

Akhremenko A., V.Belenkov, and S.Zheglov. (2021) «Impact of Digital and Traditional Social Networks on Protest Campaigns: Agent-Based Computational Experiments» // *2021 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology (EMCTECH)*. Viena: IEEE: Ch. 1.

Ayanian A. and N.Tausch. (2016) «How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists During the 2013 Post-Coup Uprising» // *British Journal of Social Psychology,* vol. 55, no. 4: 700—721.

Ayoub Ph. (2010) «Repressing Protest: Threat and Weakness in the European Context, 1975—1989» // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 15, no. 4: 465—488.

Bautista M., F.Gonzalez, L.Martinez, P.Munos, and M.Prem. (2023) «The Geography of Repression and Opposition to Autocracy» // *American Journal of Political Science*: vol. 67, no. 1: 101—118.

Belenkov V. (2021) «Do Internet Penetration and Online Censorship Levels Affect Long-Term Repression Success in Street Protest Prevention?» // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6: 119—144.

Bell C. (2016) *The Rulers, Elections, and Irregular Governance Dataset (REIGN)*. Broomfield (CO): OEF Research. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed on 29.06.2023).

Bell S. and A.Murdie. (2018) «The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework» // *Conflict Management and Peace Science,* vol. 35, no. 4: 336—354.

Carey S. (2006) «The Dynamic Relationship between Protest and Repression» // *Political Research Quarterly,* vol. 59, no. 1: 1—11.

Chenoweth E. and M.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Clark D. and P.Regan. (2016) *Mass Mobilization Protest Data*. Version 5.0. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL&version=5.0 (accessed on 13.07.2023).

Coppedge M., J.Gerring, C.Knutsen, S.Lindberg, J.Teorell, D.Altman, M.Bernhard, A.Cornell, S.Fish, L.Gastaldi, H.Gjerløw, A.Glynn, A.Hicken, A.Lührmann, S.Maerz, K.Marquardt, K.McMann, V.Mechkova, P.Paxton, D.Pemstein, J. von Römer, B.Seim, R.Sigman, S.-E.Skaaning, J.Staton, A.Sundström, E.Tzelgov, L.Uberti, Y.Wang, T.Wig, and D.Ziblatt. (2021) *V-Dem Codebook v11.1. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://rdrr.io/github/xmarquez/vdem/man/vdem_codebook.html (accessed on 13.07.2023).

Enikolopov R., A.Makarin, and M.Petrova. (2020) «Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia» // *Econometrica,* vol. 88, no. 4: 1479—1514.

Escribà-Folch A. (2013) «Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy» // *International Political Science Review*, vol. 34, no. 5: 543— 560.

Gupta D.K., H.Singh, and T.Sprague. (1993) «Government Coercion of Dissidents: Deterrence or Provocation?» // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 37, no. 2: 301—339.

Gurr T.R. (1971) *Why Men Rebel*. New York: Routledge.

Hyde S. and N.Marinov. (2012) «Which Elections Can Be Lost?» // *Political Analysis,* vol. 20, no. 2: 191—210.

Keremoğlu E., S.Hellmeier, and N.Weidmann. (2020) *Coding Instructions for the Mass Mobilization in Autocracies Database*. Version 3.0. URL: https://mmadatabase.org/about/documentation/ (accessed on 29.06.2022).

Klandermans B. (1984) «Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory» // *American Sociological Review,* vol. 49, no. 5: 583—600.

Kuran T. (1995) «The Inevitability of Future Revolutionary Surprises» // *American Journal of Sociology,* vol. 100, no. 6: 1528—1551.

Little A. (2016) «Communication Technology and Protest» // *The Journal of Politics,* vol. 78, no. 1: 152—166.

Lohmann S. (1994) «The Dynamics of Informational Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—91» // *World Politics,* vol. 47, no. 1: 42—101.

McMillan J. and P.Zoido. (2004) «How to Subvert Democracy: Montesinos in Peru» // *Journal of Economic Perspectives,* vol. 18, no. 4: 69—92.

Muller E. (1985) «Income Inequality, Regime Repressiveness, and Political Violence» // *American Sociological Review,* vol. 50, no. 1: 47—61.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Opp K. and W.Roehl. (1990) «Repression, Micromobilization, and Political Protest» // *Social Forces*, vol. 69, no. 2: 521—547.

Pan J. and A.Siegel. (2020) «How Saudi Crackdowns Fail to Silence Online Dissent» // *American Political Science Review,* vol. 114, no. 1: 109—125.

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Rasler K.A. (1996) «Concessions, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution» // *American Sociological Review*, vol. 61, no. 1: 132—152.

Rudolfsen I. (2021) «Food Price Increase and Urban Unrest: The Role of Societal Organizations» // *Journal of Peace Research,* vol. 58, no. 2: 215—230.

Rujigrok K. (2017) «From the Web to the Streets: Internet and Protests under Authoritarian Regimes» // *Democratization,* vol. 24, no. 3: 498—520.

Svolik M.W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tanneberg D. (2020) *The Politics of Repression under Authoritarian Rule: How Steadfast Is the Iron Throne?* Cham: Springer.

Tucker J. (2007) «Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions» // *Perspectives on Politics,* vol. 5, no. 3: 535—551.

V.E.Belenkov

LONG-TERM EFFECT OF ONLINE AND OFFLINE REPRESSIONS ON POST-ELECTORAL PROTEST PARTICIPANTS' NUMBER

Cross-National Empirical Study[69]

[69] This research study was implemented under the grant № 20-18-00274 (https://rscf.ru/project/20-18-) from the Russian Science Foundation, HSE University.

Vadim E. Belenkov — Lecturer, Junior Researcher at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University. Email: vadim.belenkov@gmail.com.

Abstract. Although the relationship between state coercive measures and protests has long been studied in Political Science, there are a number of gaps in the modern research studies about the impact of repressions on street protest activity. A serious flaw in these studies is their focus on the influence of repressions on the existing protest campaigns, with little attention to their long-term implications. The impact of repressions on the scale of protest and number of protesters, as well as the role of the Internet as a factor mediating the impact of state sanctions on protests, is understudied. The article attempts to bridge these gaps.

The author has first examined theoretical arguments in support of three possible forms of correlation between the severity of repressions and street protest activity — negative, positive, and parabolic (n-shaped), after which he tests relevant hypotheses on a sample of country cases that share the same trigger for protest — suspicions of electoral fraud. To test these hypotheses, the author utilized data on the maximum strength of repressions against civil society organizations, participants in protests and authors of anti-government messages on the Internet in the pre-electoral years, as well as data on protests in the first week following the elections.

The study confirmed the influence of repressions on future protest activity. At the same time, the relationship between the severity of repressions and

the number of protest participants in the long term has a quadratic n-shaped form: at low and high levels of repression, the number of protesters is minimal, at medium — it is maximal. As for the impact of the Internet, it was not detected on data on repression in the offline environment, but it was revealed on data on the strength of sanctions for political activity on the Web: if the share of Internet users in a country is low, repressions decrease the number of protest participants; if it is high, repressions of medium strength correspond to the maximum number of protesters.

Keywords: repressions, street protest, Internet, number of protesters, long-term effect, triggering event

References

Akhremenko A.S., V.E.Belenkov, and A.P.Petrov. (2021) "Logika protestnukh kampanij: ot empiricheskikh dannykh k dinamicheskim modeljam (i obratno)" [The Logic of Protest Campaigns: From Empirical Data to Dynamic Models (and Back)] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 147—165. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed on 29.06.2023). (In Russ.)

Akhremenko A., V.Belenkov, and S.Zheglov. (2021) "Impact of Digital and Traditional Social Networks on Protest Campaigns: Agent-Based Computational Experiments" // *2021 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology (EMCTECH)*. Viena: IEEE: Ch. 1.

Ayanian A. and N.Tausch. (2016) "How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists During the 2013 Post-Coup Uprising" // *British Journal of Social Psychology,* vol. 55, no. 4: 700—721.

Ayoub Ph. (2010) "Repressing Protest: Threat and Weakness in the European Context, 1975—1989" // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 15, no. 4: 465—488.

Bautista M., F.Gonzalez, L.Martinez, P.Munos, and M.Prem. (2023) "The Geography of Repression and Opposition to Autocracy" // *American Journal of Political Science*: vol. 67, no. 1: 101—118.

Belenkov V. (2021) "Do Internet Penetration and Online Censorship Levels Affect Long-Term Repression Success in Street Protest Prevention?" // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 6: 119—144.

Bell C. (2016) *The Rulers, Elections, and Irregular Governance Dataset (REIGN)*. Broomfield (CO): OEF Research. URL: https://www.oefresearch.org/sites/default/files/REIGN_descriptions.pdf (accessed on 29.06.2023).

Bell S. and A.Murdie. (2018) "The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework" // *Conflict Management and Peace Science,* vol. 35, no. 4: 336—354.

Carey S. (2006) "The Dynamic Relationship between Protest and Repression" // *Political Research Quarterly,* vol. 59, no. 1: 1—11.

Chenoweth E. and M.Stephan. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Clark D. and P.Regan. (2016) *Mass Mobilization Protest Data*. Version 5.0. URL: https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/HTTWYL&version=5.0 (accessed on 13.07.2023).

Coppedge M., J.Gerring, C.Knutsen, S.Lindberg, J.Teorell, D.Altman, M.Bernhard, A.Cornell, S.Fish, L.Gastaldi, H.Gjerløw, A.Glynn, A.Hicken, A.Lührmann, S.Maerz, K.Marquardt, K.McMann, V.Mechkova, P.Paxton, D.Pemstein, J. von Römer, B.Seim, R.Sigman, S.-E.Skaaning, J.Staton, A.Sundtröm, E.Tzelgov, L.Uberti, Y.Wang, T.Wig, and D.Ziblatt. (2021) *V-Dem Codebook v11.1. Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: https://rdrr.io/github/xmarquez/vdem/man/vdem_codebook.html (accessed on 13.07.2023).

Enikolopov R., A.Makarin, and M.Petrova. (2020) "Social Media and Protest Participation: Evidence from Russia" // *Econometrica,* vol. 88, no. 4: 1479—1514.

Escribà-Folch A. (2013) "Repression, Political Threats, and Survival under Autocracy" // *International Political Science Review*, vol. 34, no. 5: 543— 560.

Gupta D.K., H.Singh, and T.Sprague. (1993) "Government Coercion of Dissidents: Deterrence or Provocation?" // *Journal of Conflict Resolution*, vol. 37, no. 2: 301—339.

Gurr T.R. (1971) *Why Men Rebel*. New York: Routledge.

Hyde S. and N.Marinov. (2012) "Which Elections Can Be Lost?" // *Political Analysis,* vol. 20, no. 2: 191—210.

Keremoğlu E., S.Hellmeier, and N.Weidmann. (2020) *Coding Instructions for the Mass Mobilization in Autocracies Database*. Version 3.0. URL: https://mmadatabase.org/about/documentation/ (accessed on 29.06.2022).

Klandermans B. (1984) "Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory" // *American Sociological Review,* vol. 49, no. 5: 583—600.

Kuran T. (1995) "The Inevitability of Future Revolutionary Surprises" // *American Journal of Sociology,* vol. 100, no. 6: 1528—1551.

Little A. (2016) "Communication Technology and Protest" // *The Journal of Politics,* vol. 78, no. 1: 152—166.

Lohmann S. (1994) "The Dynamics of Informational Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989—91" // *World Politics,* vol. 47, no. 1: 42—101.

McMillan J. and P.Zoido. (2004) "How to Subvert Democracy: Montesinos in Peru" // *Journal of Economic Perspectives,* vol. 18, no. 4: 69—92.

Muller E. (1985) "Income Inequality, Regime Repressiveness, and Political Violence" // *American Sociological Review,* vol. 50, no. 1: 47—61.

Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Opp K. and W.Roehl. (1990) "Repression, Micromobilization, and Political Protest" // *Social Forces*, vol. 69, no. 2: 521—547.

Pan J. and A.Siegel. (2020) "How Saudi Crackdowns Fail to Silence Online Dissent" // *American Political Science Review,* vol. 114, no. 1: 109—125.

Putnam R., R.Leonardi, and R.Nanetti. (1993) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.

Rasler K.A. (1996) "Concessions, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution" // *American Sociological Review*, vol. 61, no. 1: 132—152.

Rudolfsen I. (2021) "Food Price Increase and Urban Unrest: The Role of Societal Organizations" // *Journal of Peace Research,* vol. 58, no. 2: 215—230.

Rujigrok K. (2017) "From the Web to the Streets: Internet and Protests under Authoritarian Regimes" // *Democratization,* vol. 24, no. 3: 498—520.

Schelling T. (2007) *Strategija konflikta* [The Strategy of Conflict]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)

Svolik M.W. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press.

Tanneberg D. (2020) *The Politics of Repression under Authoritarian Rule: How Steadfast Is the Iron Throne?* Cham: Springer.

Tilly Ch. (2019) *Ot mobilizatsii k revolutsii* [From Mobilization to Revolution] Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej skoly ekonomiki. (In Russ.)

Tucker J. (2007) "Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions" // *Perspectives on Politics,* vol. 5, no. 3: 535—551.

DOI: 10.30570/2078-5089-2024-112-1-187-196

А.Н.Кожановский

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТИЯ КАК ИСПАНСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

Хенкин С.М. Испания: Современное нестабильное общество. М.: Аспект Пресс, 2023. – 383 с.

Александр Николаевич Кожановский — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Для связи с автором: ankozhan49@yandex.ru.

Аннотация. Публикуемый материал представляет собой рецензию на монографию С.М.Хенкина «Испания: Современное нестабильное общество». В монографии рассматривается опыт Испании конца XX — начала XXI в. как страны, в которой в силу исторических обстоятельств особенно остро и концентрированно проявляются присущие современному миру нестабильность и непредсказуемость развития. Хенкин один за другим выявляет и описывает факторы, характеризующие и объясняющие неустойчивое состояние современной испанской социально-политической системы, неизменно встраивая актуальную проблематику в общий контекст исторического развития испанского социума, его политических и культурных традиций и сравнивая происходящее там с ситуацией в других странах Европы. На основании своих изысканий он приходит к выводу, что целый ряд острых и неизжитых социально-политических конфликтов делает высокую степень нестабильности отличительной особенностью жизни страны.

Объектами тщательного и многостороннего анализа в монографии последовательно становятся транзит от франкизма к консолидированной демократии; разные аспекты происходивших в обществе и продолжающихся трансформаций; специфика испанской партийно-политической системы и ее эволюция; национально-региональный вопрос. Фиксируется кардинальная смена настроений в испанском обществе с приходом нового поколения, что отчетливо проявилось в переоценке транзита, одобрение которого уступает место резкой критике, и конфликте вокруг «исторической памяти».

Рассматривая отношения между центральной властью страны и региональными сепаратистами, автор не видит перспективы скорого разрешения конфликта. По его аргументированной оценке, отделение от Испании

каких-либо из ее регионов неизбежно нанесет непоправимый ущерб всем участникам событий.

Ключевые слова: Испания, нестабильное общество, социально-политические конфликты, демократический транзит, региональный сепаратизм

То, что недавно вышедшая книга видного отечественного испаниста Сергея Хенкина актуальна для российского читателя, не только очевидным образом следует из ее названия, но и в не меньшей степени продиктовано своеобразием и характером самого объекта исследования — Испании и испанцев — в восприятии наших соотечественников. Не единожды было сказано и написано о том, насколько ощутимо менялся с течением времени образ этой страны в их представлениях, однако практически всегда в нем присутствовали определенная зачарованность — и экзотика.

Ну и, конечно, обращает на себя внимание заявленный ракурс исследования. Уже на первых страницах, в аннотации и во введении, автор сообщает читателю, что употребляет термин «нестабильность» в данном случае без заведомо негативной оценки, а фигурирующее в названии книги понятие «нестабильное общество» трактует как «способ существования современного социума в условиях постоянной турбулентности» (с. 8).

Такое понимание принципиально отличается от привычных подходов, практикуемых в испанистике, да и вообще в страноведении, а также от коннотаций слова «нестабильность» в русском языке, практически всегда подразумевающих худшее положение или качество в сравнении со «стабильностью».

Содержание объемного труда соответствует изначально поставленной Хенкиным задаче — «раскрыть совокупность факторов, характеризующих и объясняющих нестабильное состояние современной испанской политии» (с. 8). В свою очередь это объясняет предельную насыщенность книги фактами и аналитикой, поскольку тщательное и всестороннее исследование проделано по целому ряду сущностно значимых, с точки зрения автора, направлений и охватывает обширную и разнородную проблематику, относящуюся к теме. В связи с поистине бескрайним множеством важных сюжетов, затронутых в монографии, я остановлюсь лишь на некоторых из них, показавшихся мне особенно интересными и актуальными. Представление же о направленности предпринятых Хенкиным поисковых действий дают названия ее разделов: «От франкизма к консолидированной демократии: противоречивые перемены», «Ракурсы социальной трансформации», «Партийно-политическая система: время испытаний», «Политико-территориальная модель: старые проблемы и новые вызовы».

Хотя хронологические рамки исследования ограничивают его 1975—2021 гг., автор «встраивает современную проблематику в общий

контекст исторического развития испанского социума, его политических и культурных традиций» (с. 8). И этот подход, отчетливо ощутимый на всем протяжении повествования, является несомненным достоинством текста, придавая авторским выводам и построениям бóльшую убедительность и способствуя лучшему пониманию того пути, по которому уже прошла и продолжает двигаться страна. Та же тема устойчивости впервые возникает в связи с XIX в., когда Испания с ее пятью революциями, тремя гражданскими войнами, несколькими конституциями и беспрерывной сменой правительств (32 только на протяжении 1840—1868 гг.) «превратилась в арену хронической нестабильности, постоянных политических потрясений» (с. 15—16). При этом «стабильность конституционно-монархического режима», которую стране удалось было обрести на несколько десятилетий, в описании автора не кажется привлекательной, будучи насквозь пропитана коррупцией и несправедливостью, тогда как заимствованные извне формы представительной демократии (партии, выборы и т.д.) «не имели прочных корней в обществе» и лишь прикрывали собой господство различных олигархических групп (с. 18).

Последовавшее затем обострение политического, идейного, социального, культурного и иного противоборства внутри испанского общества предстает на страницах книги более органичным. В самом деле, в качестве характерных для испанской внутренней жизни того времени черт Хенкин указывает на «комплекс левизны» рабочего движения и превращение страны в заповедник мирового анархизма; на отсутствие у испанцев привычки к компромиссам; на «черно-белое ви́дение действительности» как свойство мировосприятия, общее для всех слоев населения; на «религиозность сознания», культ насилия и пропитавшую все авторитарность (с. 20—23). Целый ряд «острых социально-политических конфликтов» делал «высокую степень нестабильности» отличительной особенностью страны.

В этих условиях гражданская война 1930-х годов выглядит неизбежным итогом неумолимо нараставшего противостояния, а победа антиреспубликанских сил во главе с генералом Франсиско Франко — завершением «длительного турбулентного периода, начавшегося в 1808 г.», в течение которого страна колебалась «между либерализмом и реакцией» (с. 28).

Подробно описывая вновь установившийся в стране на несколько десятилетий режим стабильности (второй раз за сто лет) и его эволюцию, автор характеризует его как цельный, сложный, но вместе с тем довольно гибкий механизм.

По оценке Хенкина, франкизм никогда, даже на начальных этапах своего существования, когда он развивался под сильным влиянием германского и итальянского фашизма, «не был тоталитарной диктатурой в строгом смысле слова» (с. 36) — прежде всего по причине гетерогенности той платформы, на которую опиралась победившая власть и которая включала военных, фалангистов, католиков, монархистов и др.

К тому же в германском и итальянском образцах отсутствовал религиозный компонент, явственно ощутимый в испанском случае (с. 38).

Другой тезис автора, отнюдь не претендующего на этическую отстраненность и «равноудаленность» и неоднократно по ходу исследования обозначавшего свою гражданскую позицию, состоит в противопоставлении жестоких репрессий в отношении побежденных, осуществленных франкистами после их победы, отсутствию таковых со стороны восторжествовавших ранее, в 1931 г., республиканцев. Ничуть не оправдывая виновных в массовом терроре, хочу лишь напомнить, что упомянутый триумф республиканцев не был связан с гражданской войной. События же гражданской войны, в ходе которой произошло крайнее ожесточение нравов и обе стороны понесли огромные потери, не могли не наложить отпечаток на последующие действия победителей — как убедительно показано, хотя и на совершенно другом материале, в прославленной эпопее Михаила Шолохова «Тихий Дон».

Тщательно отслеживая виртуозные повороты в политике франкистского режима, позволявшие ему приспособиться к изменениям в мире, Хенкин фокусирует внимание на тех из них, которые оказались судьбоносными (и при этом — что существенно — потребовали от Франко принятия решений, противоречивших его убеждениям). Следствием одного из таких поворотов (утверждения в 1959 г. Плана стабилизации) стало «испанское экономическое чудо» 1960-х — начала 1970-х годов. Автор отмечает резкий перелом в жизни страны, в результате которого «испанцы одного поколения пережили казавшийся невероятным переход от тяжелой нищеты первых послевоенных лет к относительному материальному благополучию», подкрепляя свои слова действительно впечатляющей статистикой (с. 45) и уверенно заявляя, что подобной трансформации «не знала вся предшествующая история страны» (с. 47). Очень важным для дальнейшего развития событий было «утверждение потребительской психологии в невиданных прежде масштабах». Необратимо изменилось общественное сознание, ощутимо трансформировались ценностные ориентации испанцев. На повестку дня встал транзит к представительной демократии, непосредственный толчок которому дала смерть диктатора в ноябре 1975 г. Но во время этого транзита «общество потеряло равновесие», оказавшись «в неустойчивом, постоянно менявшемся состоянии» (с. 65).

События, связанные с испанским транзитом, представляют большой общественно-исторический интерес, и их пошаговое всестороннее отслеживание и анализ следует поставить в особую заслугу автору. Трудно отделаться от ощущения, что целый ряд затронутых им сюжетов напоминает те, с которыми небольшое время спустя пришлось столкнуться нашей стране, и в некоторых из них присутствует сходная интрига. Чего стоит история с Хуаном Карлосом, которого изначально прочили на роль продолжателя дела каудильо и хранителя выстроенной им системы — и который в итоге стал ее сокрушителем! Крайне интересно проследить на испанском материале, как оказалась возможна са-

моубийственная (по сути) поддержка руководящими кадрами прежнего режима его радикальной трансформации; как случилось, что вместо широко пропагандировавшегося «демократического разрыва» (с прошлым), подразумевавшего бойкоты и сопротивление действиям и инициативам власти, был осуществлен «согласованный разрыв», состоявший в переговорах и сотрудничестве; были ли способны представители прежнего режима, вставшие на путь перемен и действовавшие «вопреки собственной социальной природе», довести до конца начатые ими же трансформации. Весьма любопытной представляется также эволюция влиятельных и боевитых испанских левых партий — социалистической и особенно коммунистической с ее столь популярной когда-то доктриной еврокоммунизма.

В целом, как показывает Хенкин, в испанском обществе конца 1970-х годов господствовали умеренные, компромиссные настроения, подпитываемые страхом перед новой гражданской войной и государственным переворотом. Вместе с тем распространенное представление о «ненасильственности и бескровности испанского транзита» — не более чем миф. В реальности в эти годы были совершены тысячи актов насилия, жертвами которых стали многие сотни людей (с. 83).

Важным представляется замечание о качественном отличии «юридически оформившей представительную демократию» Конституции 1978 г. от предшествовавших ей испанских «прогрессивных» конституций, состоявшем в том, что в ней впервые были учтены интересы консервативных сил (с. 87).

Особое внимание Хенкин уделяет оценке транзита — и совершенно справедливо, поскольку эта оценка сама по себе неожиданно стала проблемой, на многие годы разделившей испанское общество и превратившейся в будоражащий фактор его внутренней жизни. В отечественной публицистике испанская модель перехода от авторитаризма к представительной демократии долгое время преподносилась как идеальный пример общественного примирения, достойный подражания. При этом в качестве наиболее яркого символа такого примирения у нас зачастую, по какому-то нелепому недоразумению и вразрез с исторической правдой, упоминался сооруженный еще при диктатуре, по приказу Франко, мемориал в Долине павших, где было захоронено несколько десятков тысяч участников гражданской войны с обеих сторон, включая и самого каудильо.

Как тогда казалось, подавляющее большинство испанцев с готовностью согласилось с «негласным пактом забвения» в отношении трагических событий недавнего прошлого, с тем, что «эту страницу истории надо перевернуть», признав «равную ответственность» за «братоубийственную схватку», в которой эксцессы совершались обеими сторонами, а также с тем, что воспоминания и дебаты способны лишь подорвать с таким трудом установившийся дух примирения. Очень показательно, что именно левые инициировали принятие в 1977 г. закона об амнистии, который сделал фактически невозможным судебное

преследование лиц, виновных в преступлениях франкистского режима. И автор не сомневается, что в той ситуации реализованный образ действий был оптимальным, если не единственным путем к успеху, поскольку «амнистия стала условием согласия многих бывших франкистов на переход к демократии» (с. 108).

Но прошли годы, сменились поколения, и оценка транзита как успешного была отброшена значительной частью политически активного населения, уступив место резкой критике «соглашателей» (лидеров левых партий и движений), отказавшихся от радикального разрыва с силами прошлого и позволивших франкистским преступникам остаться безнаказанными, тогда как республиканцы не были реабилитированы даже символически. Сторонники этой позиции, голос которых звучал все громче, не желали поступаться принципами и принимать во внимание обстоятельства и сопутствующие им возможности. По справедливому замечанию Хенкина, «достоинства перехода превратились в дефекты демократии» — то есть по прошествии времени на первый план вышли проблемы, которые не были принципиальными во время самого перехода (с. 100). С «политикой забвения» формально было покончено в 2007 г., когда был принят получивший широкую известность Закон об исторической памяти, взорвавший, по мнению его противников, существовавший до того консенсус и вернувший общество к конфликту (с. 111). В рамках восстановления «исторической справедливости» останки Франко в 2019 г. были эксгумированы и перенесены на одно из мадридских кладбищ — поскольку «ситуация, когда диктатор лежит рядом со своими жертвами, это аномалия» (с. 113).

По ходу повествования автор неоднократно сравнивает испанские практики с тем, что происходило в других, прежде всего европейских, странах в сходных обстоятельствах и перед лицом сходных проблем. Так, он задается вопросом, почему пандемия COVID-19 оказалась в Испании особенно вредоносной, и приходит к выводу об «уязвимости испанской модели социально-экономического развития в экстремальной ситуации, ее изношенности и неподготовленности к серьезным потрясениям» (с. 139).

Обращаясь к сфере занятости как одной из наиболее проблемных в испанском социуме, Хенкин отмечает, что «у части населения отсутствуют побудительные стимулы к труду» (с. 148—149), и видит причины этого не только в экономике, но и в общественных нравах и традициях, имеющих глубокие исторические корни.

Анализируя масштабный «иммиграционный вызов» и его особенности в Испании, автор предлагает формулу, отражающую положение иммигрантов в стране: «преобладающей моделью, вероятно, следует признать сочетание ориентации на ассимиляцию чужеземцев с отторжением их значительной частью населения». Признавая, что в числе факторов, дестабилизирующих испанское общество, место иммиграции сейчас отнюдь не главное, он не исключает, что в дальнейшем ситуация может измениться, поскольку данная проблема здесь моложе, чем в других европейских странах (с. 176—177).

Очень интересным и важным для понимания сути общественно-политических процессов, развертывающихся в последние годы не только в Испании, но и во всей Западной Европе, мне кажется вывод автора, что, в отличие от прежних времен, в сегодняшней Испании уже нельзя говорить о прямой связи между бедностью, безработицей и голосованием за левые партии (с. 187). А характеризуя праворадикальную партию «Вокс», ошеломляющий успех которой на выборах обеспечили именно бедные слои населения, Хенкин решительно отказывается определять ее членов и сторонников как экстремистов, ультраправых и наследников франкизма, хотя на этом настаивают многие исследователи. Отвергая «пропагандистские клише», он указывает на принципиальную разницу между экстремизмом и радикализмом и считает, что в данном случае следует говорить о «праворадикальной, но не правоэкстремистской (ультраправой) партии», ибо «Вокс» не выступает против демократической системы как таковой, а хочет лишь реформировать ее (с. 253).

Весьма любопытным выглядит представленное на страницах книги описание поведенческого комплекса современных испанцев как переплетения разнородных элементов: пассивности и индивидуализма, уходящих корнями в историческое прошлое; аполитичности, унаследованной от франкистской эпохи; терпимости и европеизма, приобретенных в ходе поставторитарного развития. По мнению Хенкина, этот «сплав», присутствующий в разных группах населения, оказался весьма удачным и для власти, и для европейской интеграции (с. 215). Применительно же к текущей политической ситуации в стране он констатирует, что давний, заданный переходом от диктатуры к демократии «импульс по нахождению компромиссов» себя исчерпал (с. 264). Испанское общество разобщено, уровень агрессивности в отношениях между правыми и левыми политическими силами, заметно снизившийся в условиях пандемии во многих других странах, в случае Испании «не поддается логическому объяснению». С колеи предсказуемого развития в докризисные годы она вновь «вступила на путь, полный рисков и неожиданностей» (с. 286).

Рассматривая вечно актуальный для Испании вопрос о взаимоотношениях между центром и составляющими страну регионами, Хенкин посвящает отдельные (и насыщенные драматичной конкретикой) главки двум наиболее известным примерам регионального сепаратизма — баскскому и каталонскому. Надо сказать, что здесь мы можем наблюдать интересный исторический феномен: в XXI в. баскские и каталонские националисты как бы поменялись местами и, напрочь отринув долгий предшествующий опыт радикальной несговорчивости первых и разумной умеренности вторых, в каждом случае стали двигаться в противоположном направлении. Воспроизводя исторический, политический и культурный контекст событий, своеобразие каждого из двух «проблемных» регионов и особенности их пребывания в составе Испании, стратегию и тактику (очень разные!) двух региональных на-

ционализмов, автор касается нечасто упоминаемой темы «баскской исключительности», присутствующей в националистическом дискурсе, говорит о «деформированном сознании значительной части населения» Страны басков в результате «кровавых деяний ЭТА», а также о том, что многие из местных жителей вынуждены скрывать свои чувства и взгляды из опасений расправы, тогда как значительная часть других, в том числе интеллигенция, заражена радикальным национализмом (с. 323). Несмотря на недавний самороспуск ЭТА, «баскская проблема», полагает он, остается нерешенной (с. 324).

В отношении Каталонии Хенкин тоже далек от оптимизма, считая, что «не существует такого решения [каталонского] вопроса, которое удовлетворило бы большинство каталонцев», и солидаризируясь с Хосе Ортегой-и-Гассетом, еще в 1932 г. заявившим, что «проблему Каталонии нельзя решить, с ней можно только сосуществовать... [она] была всегда и... сохранится до тех пор, пока будет Испания» (с. 350). По его оценке, «своеобразный „каталонский случай“ не укладывается в рамки общепринятых правовых норм». Он в довольно жестких выражениях характеризует ситуацию в регионе, указывая на «монополизацию общественного дискурса» националистами, которые предложили каталонскому обществу связную и кажущуюся многим весьма убедительной интерпретацию реальности — в отличие от их оппонентов-юнионистов, не сумевших этого сделать. Вопреки своим утверждениям «агрессивные, хорошо организованные и финансируемые националисты» не следуют за настроениями масс, а всячески их подогревают и направляют в нужную им сторону (с. 336).

В качестве примера отслеживания автором наиболее значимых из текущих событий представляется полезным обратить внимание на один сюжет, точнее — интригу, начало которой описано в рассматриваемой монографии. Интрига эта связана с переговорами о политическом сотрудничестве между находящимися у власти социалистами и каталонскими националистами, которые (переговоры) «зависли», наткнувшись на, казалось бы, непреодолимое препятствие в виде амнистии для сепаратистских лидеров, на чем настаивала каталонская сторона. И вот в ноябре 2023 г., уже после выхода в свет книги Хенкина, мы стали свидетелями ее продолжения: правительство социалиста Педро Санчеса внесло в нижнюю палату парламента проект закона об амнистии, которая должна распространяться на все действия каталонских политиков с 2012 г., включая проведение в 2017 г. референдума о независимости, признанного незаконным Испанским конституционным судом. В случае принятия закона в числе амнистированных окажется и организатор референдума Карлес Пучдемон, бежавший из страны. Против этого решения по стране прокатилась волна массовых демонстраций, между тем глава правительства заявил, что его действия направлены на «защиту единодушия между испанцами».

Что касается перспективы отделения от Испании каких-либо из ее регионов, то Хенкин вполне аргументировано доказывает, что

оно неизбежно нанесет непоправимый ущерб всем задействованным сторонам.

В завершающем книгу «Заключении» автор возвращается к своему тезису об исторической обусловленности неустойчивого состояния исследуемого им социума, подчеркивая, что новые вызовы здесь переплетаются с нерешенными старыми проблемами и оттого «нестабильность проявляется острее», чем в развитых государствах Евросоюза. Финальный вопрос текста: сумеет ли политическая элита страны избежать негативных сценариев развития событий, минимизировать риски и приспособиться к новым условиям? — повисает в воздухе, но автор и не пытается дать на него ответ, справедливо полагая, что «время покажет» (с. 359—363).

В качестве замечания отмечу, что автор не всегда выдерживает свой исходный посыл, используя понятие «нестабильность» в привычном — негативном — смысле (см., напр. с. 186, 363). Однако в целом его подход понятен и правомерен. Представляется, что авторской трактовке «нестабильности» испанского общества отвечает сравнение ее с некоей болезнью живого организма, затрудняющей жизнь и чреватой осложнениями, но не фатальной — в том случае, если с ней продуманно и неустанно борются, мобилизуя все ресурсы данного организма, отыскивая и пробуя новые, все более эффективные способы и средства, способные не только обеспечить выживание и оздоровление, но и улучшить качество жизни, и привычно сообразуясь при этом с необходимостью постоянно реагировать на непредсказуемые проявления вредоносной хвори, полностью избавиться от которой едва ли возможно.

A.N.Kozhanovsky

INSTABILITY OF SOCIAL LIFE AS SPANISH DISTINCTIVENESS

Khenkin S.M. Spain: Modern Unstable Society. Moscow: Aspect Press, 2023. – 383 p.

Alexander N. Kozhanovsky — Doctor of History; Leading Researcher at the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Email: ankozhan49@yandex.ru.

Abstract. The published article represents a review of the monograph by S.M.Khenkin *Spain: Modern Unstable Society*. The monograph examines

Spain's experience at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries, as a country that, due to historical circumstances, faces instability and unpredictability of development (so typical in the modern world) in an especially acute and concentrated manner. Khenkin identifies and describes, one by one, factors that characterize and explain the unstable state of the modern Spanish socio-political system, consistently integrating the current issues into the general context of the historical development of the Spanish society, its political and cultural traditions and comparing what is happening there with the situation in other European countries. Based on his research, he comes to the conclusion that several acute and persistent socio-political conflicts make high instability a distinctiveness of the country's life.

In the monograph the author provides careful and multilateral analysis of the transition from Francoism to consolidated democracy; various aspects of the ongoing transformations in the society; the specifics of the Spanish party-political system and its evolution; national-regional issue. He documents a radical change in the sentiments in the Spanish society with the appearance of a new generation, which clearly manifested in the reassessment of the transition, with harsh criticism replacing earlier approval, and in the conflict around "historical memory".

The author analyzes the relationship between the central government of the country and regional separatists and does not see any prospects for a prompt resolution of the conflict. According to his reasoned assessment, separation from Spain of any of its regions will inevitably cause irreparable damage to all parties to the conflict.

Keywords: Spain, unstable society, socio-political conflicts, democratic transition, regional separatism

ИТОГИ XVIII КОНКУРСА РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

В феврале 2024 г. были подведены итоги XVIII конкурса работ молодых политологов на премию А.М.Салмина. В конкурсе участвовало около 40 соискателей из различных университетов и научных центров страны. Жюри конкурса в составе:

С.И.Каспэ (председатель Жюри, главный редактор журнала «Полития»);
С.М.Хенкин (председатель Редакционного совета журнала «Полития»);
Л.А.Галкина (зам. главного редактора журнала «Полития»);
А.И.Музыкантский (зам. председателя Редакционного совета журнала «Полития»)

постановило присудить:

первую премию аспиранту департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ассистенту кафедры философии и теологии Псковского государственного университета И.В.Казакову за статью «Политические факты и производство смыслов в дискурсе»;

вторую премию аспиранту факультета истории, ассоциированному сотруднику Центра изучения культурной памяти и символической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге А.Ф.Павловскому за статью «В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в Memory studies?»;

третью премию аспиранту Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» А.А.Берлову за статью «Развитие процедуры утверждения главы правительства России в 1990-е годы».

XIX КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.

2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.

3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.

4. Работы принимаются до 31 декабря 2024 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.

5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.

6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами *до* отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

Правила оформления справочного аппарата

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by B.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указываются его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.

Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL: http://data.uis.unesco.org/.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В *базовом библиографическом списке* при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии непериодических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В *References* вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться и фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в *References* без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-oformlenija/).

Table of Contents

Issue Materials 5

Ideologies

L.G.Fishman
No Disrespect to the "Reactionary" 6

D.A.Davydov
Stumbling Socialism, or Problems of Left-Wing Populism 29

Electoral Process

Yu.G.Korgunyuk
Cleavages Structure and Distortion of the Electoral Space 45

A.V.Semenov, E.Yu.Minaeva
Mobilization Momentum and Electoral Results of "Party in Power" 77

V.A.Usova
Mixed Parallel Electoral System — Optimal Choice under Authoritarianism?
(Cross-National Comparative Study) 98

Russian Regions

L.E.Bliakher, E.O.Leontyeva
"Other Migrants" in the Far East of Russia,
or Search for the Soviet People during the Period of Nation Building
in the Post-Soviet Space 114

Paradigms of Social Development

R.F.Turovsky, E.V.Bragina
Factors of Social Trust in Europe and Russia 136

V.E.Belenkov
Long-Term Effect of Online and Offline Repressions on Post-Electoral
Protest Participants' Number (Cross-National Empirical Study) 164

Book Review

A.N.Kozhanovsky
Instability of Social Life as Spanish Distinctiveness
Khenkin S.M. Spain: Modern Unstable Society.
Moscow: Aspect Press, 2023 187

Appendix

Results of the 18th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest
among Young Political Scientists 197

The 19th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest
among Young Political Scientists 198

Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal *Politeia* 199

**Открыта подписка на журнал «ПОЛИТИЯ.
Журнал политической философии и социологии политики» на 2024 год.
Вы можете найти нас в каталоге агентства «Урал-пресс».
Наш индекс: 80454.**

Как подписаться на «ПОЛИТИЮ»:

1. На титульной странице сайта www.ural-press.ru выберите город, в котором живете.

2. По указанным контактам (телефону или электронной почте) свяжитесь с региональным подразделением «Урал-Пресс» и уточните условия.

3. Отправьте заявку на подписку по электронной почте по тем же контактам.

4. Все документы и выписанные издания курьер доставит Вам по указанному адресу.

5. Если Вашего города нет в списке на сайте www.ural-press.ru, оформить подписку можно через агентство «Деловая пресса» (www.delpress.ru).

ПОЛИТИЯ
Журнал политической философии и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А.Трушин*
Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В.Филимонов*

Подписано в печать 21.02.2024. Формат 70×100 1/16.
Тираж 1000 экз. Цена свободная.
Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»
125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, кор. 1.